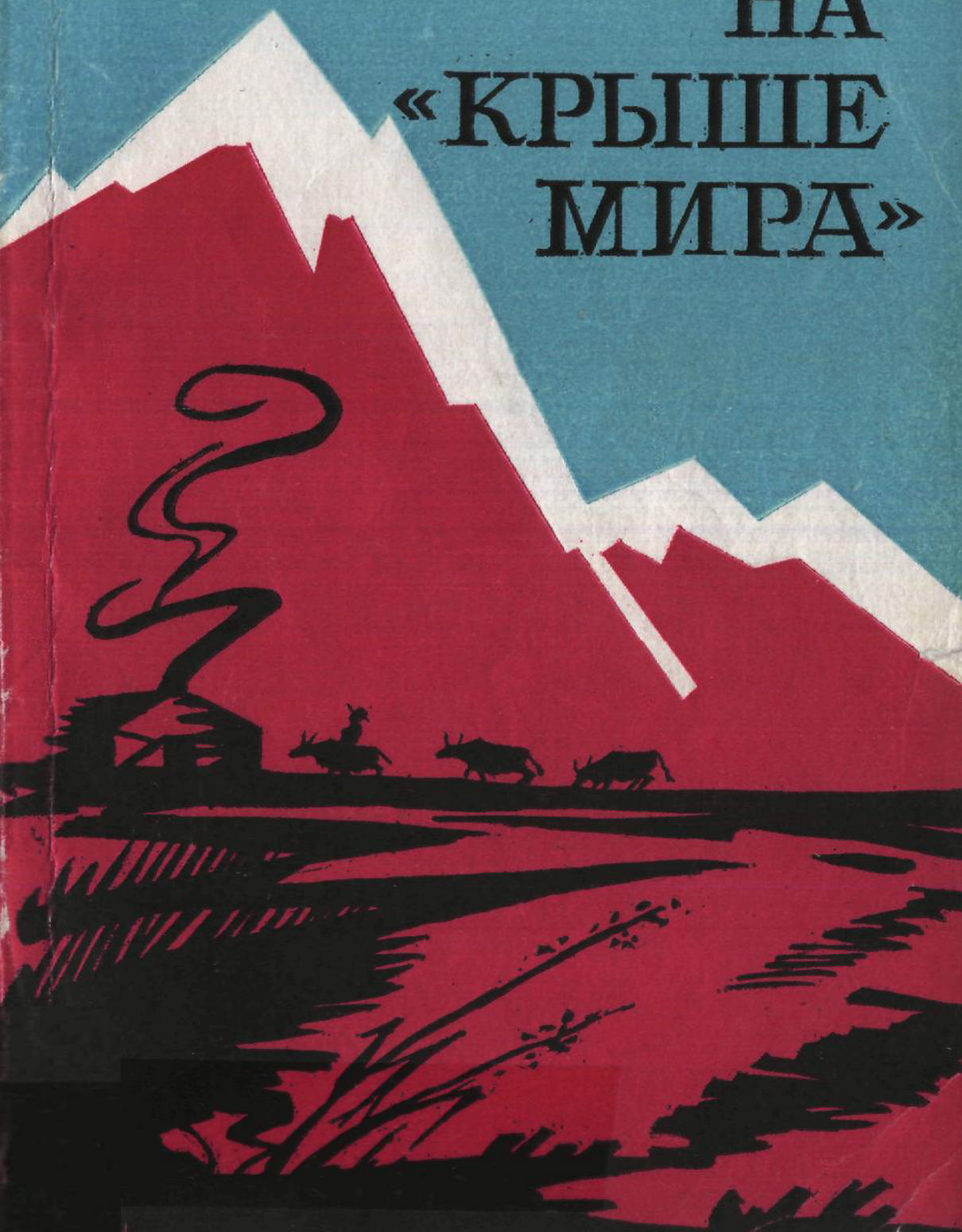
Э. МААНАЕВ, В. ПЛОСКИХ

НА «КРЫШЕ МИРА»

Э. МААНАЕВ, В. ПЛОСКИХ

НА «КРЫШЕ МИРА»

(Исторические очерки
о памиро-алайских киргизах)

Под редакцией
доктора исторических наук
Н. А. Халфина

ФРУНЗЕ «МЕКТЕП» 1983

63.5
М 12

Маанаев Э., Плоских В.

М 12 На «Крыше мира»: Исторические очерки о памиро-алайских киргизах /Под ред. Н. А. Халфина/. — Ф.: Мектеп, 1983. — 144 с.

В книге по документальным материалам и экспедиционным запискам авторов, не раз бывавших в высокогорных районах проживания киргизов, рассказывается об изучении и освоении человеком Памиро-Алая, этой «Крыши мира», в древности также называвшейся «Подножием Митры» — бога Солнца, повествуется о заселении Памиро-Алая киргизами и вхождении края в состав России, о традиционном быте и историко-культурных взимоотношениях киргизов Памира с другими народами Средней Азии и Афганистана, о помощи советских народов в защите революционных достижений и культурно-экономических преобразований Демократической Республики Афганистан.

Научно-популярные очерки адресуются преподавателям, студентам, школьникам, широкому кругу читателей — всем, интересующимся историческим прошлым нашей страны и взаимоотношениями народов Средней Азии и Афганистана.

Рецензент: **Усенбаев К. У.**, доктор исторических наук.

М $\frac{10602-040}{М\ 452\ (17)-83}$ 152. 83. 0508000000

902. 7
ББК 63. 5

© Издательство «Мектеп», 1983 г.

Если ты любишь человека, то полюбишь этот край, который покажет тебе его силу и творческие способности в полном сиянии.

Юлиус Фучик.

Глава I.

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

«Крыша мира»

Так назвал этот высокогорный узел не лишенный поэтического миросозерцания древний летописец. Па-и-михр — подножием Митры, бога Солнца, назвали эти горы древние иранцы. Как на стратегический центр, ключ от Средней Азии смотрели на Памир англо-американские империалисты в XIX—нач. XX веков. Узлом дружбы можно назвать Памир сегодня. Дружбы, связывающей общие судьбы народов СССР и ДРА и общее будущее в союзе по пути социального прогресса.

Если памирские народы Советского Союза уже построили социалистическое общество, то афганские памирцы в борьбе отстаивают свое право на социализм, встречая ожесточенное сопротивление феодальных элементов внутри страны, преодолевая империалистическое вмешательство извне, опровергая лживую пропаганду и отвергая необоснованные территориальные притязания соседей.

Горячей точкой планеты называют Афганистан сегодня. Империалистические страны ведут необъявленную войну против него. Афганистан самоотверженно борется и с помощью Советского Союза строит новую жизнь.

Страна Юго-Западной Азии—Демократическая Республика Афганистан — наш южный сосед. Длина советско-афганской границы 2384 км. На западе ДРА граничит с Ираном (820 км), на юге и на востоке — с Пакистаном (2060 км), на северо-востоке — с Индией (120 км) и Китаем (75 км). Здесь в Памирский узел входит Гиндукушский хребет, с Памиром соседствуют высочайшие горные системы — Тянь-Шань и Гималаи.

«Гиндукуш и Гималаи — родные братья,— говорят афганцы высокогорных долин,— а Памир — их отец». Отцом гор Памир могут называть и жители Средней Азии, а его братом — Центральный Тянь-Шань. Два высокогорных образования соединены нитями хребтов, между которыми тысячелетия традиционно кочевали местные скотоводы. Высокогорный узел, вознесшийся своими вечно белоснежными пиками в заоблачную высь, тысячелетия был равнодушным свидетелем истории — мирной, а чаще трагической — народов, племенных объединений и государств. То эфемерных, существовавших несколько лет и десятилетий, то могущественных, противостоящих векам, но тем не менее неизменно сменяемых другими государствами, которые в свою очередь уступали место новым государствам.

В глубь истории

Традиция утверждает, что древнеперсидский царь Кир Великий (VI в. до н. э.) был уроженцем Балха. Выступив в 530 г. в поход против массагетских племен Средней Азии, Кир потерпел полное поражение и погиб. Афганистан и южные районы Средней Азии включил в свою империю Искандер Двурогий — как здесь называли Александра Македонского. В этих краях был центр все еще слабо изученной кушанской цивилизации. Входили Афганистан и государства Средней Азии в состав Арабского халифата и империи чингизидов, в государства газневидов и тимуридов.

Тысячи историко-культурных нитей связывали народы Средней Азии и Афганистана в прошлом. Светлые времена союзов, братских взаимоотношений передовых деятелей культуры и науки омрачались жестокими набегами и разрушительными походами царей, императоров, шахов и ханов, феодальных правителей и авантюристов всевозможных рангов, кровавыми действиями агентов английского и американского империализма.

Есть примечательная восточная пословица: «Близкий сосед ближе души». Афганистан— ближайший сосед Средней Азии и не только территориально, много общего у наших народов в истории, языке и культуре. Основоположник узбекской классической литературы Алишер Навои— могущественный визирь Хорасана (государства, объединявшего нынешний Южный Туркменистан, Северо-Западный Афганистан и Северо-Восточный Иран) воспевал дружбу с афганским народом.

В афганском Герате в конце XV в. был закончен последний крупный труд прославленного поэта и мыслителя Востока Абдуррахмана Джами — трактат по арабской

грамматике. А спустя тысячелетие — в 60-х гг. XX в.— во время археографической экспедиции нами среди киргизского населения была обнаружена эта первая копия грамматического трактата Джами. Так создание и распространение труда великого ученого и поэта невидимыми культурными нитями связывало народы Афганистана и Киргизии в XV веке, а вскрыты эти связи были киргизскими учеными в ходе полевых исследований последнего времени.

Добрая дружба народов всегда находила пути к сердцам простых тружеников. Культурные взаимосвязи оказались крепче непрочных границ политических объединений.

Основатель империи Великих Моголов Захиреддин Бабур родился в Фергане, умер в Индии, похоронен в Кабуле. Он писал о свободолюбивом и мужественном народе Афганистана, о торговых караванах из Ферганы, Туркестана, Бухары, Балха, Хисара и Бадахшана, приходивших в Кабул. Много лестных строк оставили о Кабуле, от которого за один день можно дойти до места, где никогда не бывает снега, а за два звездных часа достигнуть вечных снегов. Именно Бабур привез и посадил в Кабуле вишневые саженцы и заложил сад. У подножия хребта Шар-Дарваза в Кабуле имеется парк, и сейчас носящий имя «Баг-и Бабур» — сад Бабура.

В 1983 году по решению ЮНЕСКО во всем мире отмечается пятисотлетие этого выдающегося деятеля средневековья — поэта, философа, ученого.

В первой половине XVII в. в Балхе была составлена энциклопедия. Составлена по поручению одного из узбекских правителей местным ученым Мухаммедом Вели. Одной из частей энциклопедии явилось сочинение по истории Средней Азии от Чингисхана до первых Аштарханидов.

С древнейших времен афганистанские города Герат и Кабул поддерживали тесные культурные связи с Бухарой и Самаркандом. Кочевые скотоводы предгорной Ферганы, Алая и Памира традиционно кочевали, не признавая строгих государственных границ, то в пределах Бухарского эмирата, то Кокандского ханства, то Афганистана и Пакистана. Кочевники со своим скотом свободно передвигались на сотни километров, зимуя в одном государстве — Бухарском или Кокандском, на летние пастбища перекочевывали на высокогорные памирские плато Афганистана.

Во время полевой археографической экспедиции по высокогорным районам Киргизии в 1976—1980 годах среди киргизов, недавно переселившихся в Баткенский район из

Каратегина, нами было обнаружено несколько интересных документов о перегоне скота из Ферганы в Гиссар и на Памир, об уплате налога — закета — местным правителям за перегон. Документы свидетельствуют о прочности традиционных миграций киргизов на Памир, сохранившихся, пусть с хозяйственными целями, с XVIII в. до 20-х годов нашего столетия.

Сотни, если не тысячи подобных документов отложились и в исторических фондах Государственного архива Узбекской ССР в Ташкенте.

Новая страница истории

Отчет нового летосчисления отношений между народами Средней Азии и Афганистана был открыт победой Великой Октябрьской социалистической революции в России. Узбеки, таджики, киргизы и другие народы Советского Востока были освобождены от многовекового социального гнета и вступили на путь революционных преобразований. Они коснулись политики и экономики, культуры и социальных отношений. Киргизский народ, например, впервые в своей истории обрел национальную государственность, впервые получил свою письменность и в братском содружестве с другими народами страны Советов приступил к строительству нового социалистического общества.

Длительный путь к социальному прогрессу был у народов Афганистана. После свержения монархии в 1973 г. правительство Афганистана обещало провести земельную реформу, демократизацию общественной жизни и другие прогрессивные меры. Однако ни одно из обещаний не было претворено в жизнь, что вызвало широкое недовольство народных масс. 27 апреля 1978 г. в Кабуле произошло вооруженное выступление прогрессивно настроенных воинских частей, возглавляемых Народно-Демократической партией. После того, как тогдашний президент Дауд отказался сдать власть без сопротивления, войска овладели дворцом штурмом. На первом заседании, состоявшемся 30 апреля, Революционный Совет провозгласил образование Демократической Республики Афганистан. Председатель Революционного Совета, Генеральный секретарь ЦК НДПА Нур Мухаммед Тараки оценил решающие десять часов восстания 27 апреля как «результат организованной борьбы партии за последние 13 лет». Он подчеркнул, что Апрельская революция открыла новую главу в истории Афганистана.

Народное правительство во главе с Нур Мухаммедом Тараки первыми же декретами взялось за то, чтобы вы-

корчевать основы феодализма, эксплуатации человека человеком, показало, что намерено вести страну к построению современного общества, основанного на принципах социальной справедливости. Накануне революции Афганистан в статистике ООН значился среди самых отсталых и бедных стран мира. Это была беднейшая аграрная страна, 70 процентов населения которой занималось сельским хозяйством, экстенсивным скотоводством. А производительность труда до последнего времени здесь была одной из самых низких в мире. 90 процентов населения было неграмотно, сильны средневековые традиции и религия. В своем выступлении на XXVI съезде КПСС Генеральный секретарь ЦК НДПА, Председатель Революционного Совета и премьер-министр Демократической Республики Афганистан Бабрак Кармаль сказал, что Апрельская революция приступила к ликвидации в стране национального гнета, «явилась естественным и закономерным результатом длительной борьбы трудящихся Афганистана за ликвидацию феодального ига и влияния империализма, за преодоление социально-экономической отсталости, за удовлетворение потребностей нашего общества на научной основе» [1].

Своими первыми декретами правительство ДРА освободило миллионы крестьян от долгов ростовщикам. В ходе земельной реформы многие тысячи крестьянских семей получили землю. Для широкой борьбы с неграмотностью были созданы многочисленные курсы начального обучения, приступили к строительству учебных заведений. Началось осуществление широкой программы социального развития.

Апрельская революция взломала отжившие антинародные порядки, смела феодалов, но и ... вызвала к жизни активизацию реакционеров, недовольных прогрессивными изменениями в стране.

Революция столкнулась также с внешними актами агрессии: десятки тысяч вооруженных и обученных за рубежом американскими эмиссарами бандитов вторгались со стороны Пакистана на афганскую территорию, грабили и уничтожали мирное население, вносили дезорганизацию в революционные преобразования. Соединенные Штаты Америки, еще с конца 50-х годов прилагавшие усилия для вовлечения Афганистана в экономическую и политическую орбиту «западного лагеря», видя как рушатся их планы, начали активно поддерживать контрреволюционеров и

[1] Правда, 1981, 26 февраля.

эмигрантов из Афганистана, вооружать их и направлять «инструкторов» для обучения бандитов.

Афганское руководство при президенте Тараки неоднократно обращалось за помощью к Советскому Союзу. И СССР неоднократно предупреждал кого следует, что если акты агрессии не прекратятся, то он не оставит в беде афганский народ.

Договор о дружбе

5 декабря 1978 г. в Москве был подписан советско-афганский Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве.

Статья 4 этого договора гласит: «Высокие Договаривающиеся Стороны, действуя в духе традиций дружбы и добрососедства, а также Устава ООН, будут консультироваться и с согласия обеих Сторон предпринимать соответствующие меры в целях обеспечения безопасности, независимости и территориальной целостности обеих стран. В интересах укрепления обороноспособности Высоких Договаривающихся Сторон они будут продолжать развивать сотрудничество в военной области...»[1]

История показала, насколько дальновидным оказался Договор, который буквально через год помог спасти революционные завоевания в Афганистане.

За первый год деятельности народной власти 140 тыс. афганским крестьянам было передано 300 тыс. га земли, отменены долги 11 миллионам безземельных крестьянских семей, открыты два университета и 500 общеобразовательных школ, начата ликвидация неграмотности, признано равноправие женщин. Но, как всегда было в истории, прошлое добровольно не уходило с арены.

Враги афганского народа: феодалы, помещики, ростовщики, компрадорская буржуазия, подручные монархии и реакционная часть духовенства — перешли от обструкции и саботажа к диверсионным и террористическим актам, к открытой вооруженной борьбе. Контрреволюционные силы, поддержанные интервенцией извне, вступили в яростную борьбу. Реакция шла на все. Внутри страны ее орудием выступил Хафизулла Амин, как теперь установлено— агент ЦРУ.

В сентябре 1979 года Амин фактически совершил государственный переворот: сместил с поста Председателя Революционного Совета и Генерального секретаря Народно-Демократической партии Афганистана Тараки и вскоре

---

[1] См.: Петров А. К событиям в Афганистане.— «Правда», 1979, 31 декабря.

физически расправился с ним. Массовый и жестокий характер приняли репрессии против прогрессивных революционных деятелей. Амин пошел на сделку с империалистическими кругами США, установил контакты с пакистанским режимом.

Фактически Амин и кучка его приспешников, узурпировавших власть в стране, пошли против своего народа, играя на руку империалистам, ослабляя ряды революционеров, подрывая их волю к сопротивлению внешней агрессии. ЦРУ в это время с удовлетворением констатировало: «Режим Х. Амина с учетом его внутренней эволюции вполне отвечает долговременным интересам Соединенных Штатов» [1]. Более двух тысяч членов партии было подвергнуто преследованиям по сфабрикованным Амином обвинениям. В тюрьме физически расправлялись с тысячами революционеров — активных участников апрельских событий. В Афганистан извне было заброшено около 30 тысяч бандитов, готовились новые подкрепления им. На последние дни декабря 1979 г. намечалось завершение мероприятий по государственному контрреволюционному перевороту.

В этих условиях в глубоком подполье здоровые силы НДПА во главе с бывшим заместителем премьер-министра и заместителем Председателя Революционного Совета, ближайшим сподвижником Н. М. Тараки, Бабраком Кармалем поднялись против аминовской тирании. Выступление 27 декабря 1979 года было поддержано большой группой офицеров афганской армии. Режим Амина был сметен.

В новый состав высшего органа власти — Революционного Совета — вошли активные участники Апрельской революции, те самые лица, которые придавали ей демократический характер и которых позже оттеснил или репрессировал Амин.

Программные заявления нового правительства основывались на реальной почве и вытекали из возможностей современного момента. Бабрак Кармаль тогда отметил: «Наше демократическое правительство считает своей национальной исторической миссией укрепление и развитие прогрессивных, социальных и политических основ ДРА — этого великого завоевания Апрельской революции, доведение до окончательной победы антифеодальной, национальной, демократической, антиимпериалистической, антиком-

---

[1] См.: Правда об Афганистане. Документы, факты, свидетельства. М., 1980, с. 102.

прадорской революции»[1]. А чтобы империалистические силы своими агрессивными действиями не мешали прогрессивному развитию Афганистана, правительство Бабрака Кармаля обратилось к Советскому Союзу с просьбой о помощи против агрессоров. Устав ООН предусматривает право жертвы агрессии обращаться в таких случаях за помощью к другим странам (Статья 51). В соответствии со статьей 4 советско-афганского Договора, заключенного в декабре 1978 г., военная помощь Афганистану была оказана. Л. И. Брежнев, отвечая на вопросы корреспондента газеты «Правда», подчеркнул: «Поступить иначе означало бы отдать Афганистан на растерзание империализму, позволить агрессивным силам повторить здесь то, что им удалось сделать, например, в Чили, где свобода народов была потоплена в крови. Поступить иначе означало бы смотреть пассивно, как на нашей южной границе возникает очаг серьезной угрозы безопасности Советского государства»[2].

Афганское правительство в общей сложности 14 раз обращалось к советскому правительству с просьбой о военной помощи. Удовлетворение этой просьбы для СССР было делом не простым. Но отказать в помощи Афганистану означало бы перечеркнуть весь опыт нашего доброго и честного сотрудничества, пренебречь интернациональным долгом, отдать Афганистан на растерзание внешним врагам. И в Афганистан был введен ограниченный контингент советских вооруженных сил. Введен с оговоркой, что он будет незамедлительно выведен, как только прекратится внешнее вмешательство во внутренние дела Афганистана. Дела, которые вправе решать только сам народ.

Необъявленная война

Советская помощь и ввод ограниченного контингента войск оказались своевременными. Злобная антисоветская истерия, развернутая на Западе, лишний раз свидетельствует о том, что были сорваны их реакционные планы. Все больше обнаруживается фактов и поступает сведений о разоблачении деятельности американских и других спецслужб, объединивших свои действия против демократического строительства в Афганистане. Необъявленная война против Афганистана представляет собой как активные боевые действия банд интервентов, забрасываемых из-за рубежа, так и пропагандистскую клеветническую шумиху, развернутую империалиста-

[1] Правда, 1979, 31 декабря.
[2] Правда, 1980, 13 января.

ми США и других государств, направленную на то, чтобы оболгать и очернить политику Афганистана и афгано-советскую дружбу. В Пакистане формируются многочисленные контрреволюционные организации из афганской эмиграции — феодалов и их приспешников. Действия вооруженных банд координируются и направляются умелой рукой, они оснащаются американским и английским оружием.

Финансируются банды из американских и других буржуазных источников. Обучают их офицеры ЦРУ, английские инструкторы, «специалисты» из Пакистана и даже из Египта. На более чем 30 специальных базах и 50 опорных пунктах ведется подготовка контрреволюционных банд для засылки в Афганистан. Помощник, теперь уже бывший, американского президента З. Бжезинский во время их инспекции в Пакистане демонстративно рассматривал границу Афганистана через прицел оптической винтовки. А тем временем империалисты и их приспешники громогласно жалуются, что, мол, Советский Союз «нарушил спокойствие» в Центральной Азии. И поднимают на щит надуманный «афганский вопрос».

«Как один из предлогов для обострения международной обстановки, враги разрядки используют искусственно раздуваемый ими так называемый «афганский вопрос». А точнее — клевету на афганскую революцию и Советский Союз,— говорил Л. И. Брежнев при встрече с Б. Кармалем в Москве 16 октября 1980 г. — Это нужно им для поддержания напряженности, для разворачивания своей милитаристской активности» [1].

Этот вопрос возник по вине тех, кто хотел и продолжает стремиться ликвидировать национальную независимость, суверенитет и территориальную целостность Афганистана, кто из-за рубежа засылает банды басмачей, террористов и всевозможного рода авантюристов, чтобы помешать движению страны по пути социального прогресса.

Не советская помощь Афганистану, а политика Соединенных Штатов, никогда не отказывавшихся от роли «мирового жандарма» — вот подлинная причина осложнения международной обстановки в Азии. «Если бы не было Афганистана,— заявил Л. И. Брежнев корреспонденту газеты «Правда»,— то определенные круги в США, в НАТО

---

[1] Визит Б. Кармаля в Советский Союз 15—24 октября 1980 г. М., 1980, с. 18—19.

наверняка нашли бы другой повод, чтобы обострить ситуацию в мире»[1]. В этом у них накоплен немалый опыт. А Афганистан является удобным объектом, тем более соседствующим с Ираном и Советским Союзом. Как некогда «русский вопрос», муссировавшийся злобной буржуазной прессой за рубежом, так и ныне «афганский вопрос», искажающий суть Апрельской революции и советско-афганских взаимоотношений, — являются свидетельствами бессильного злопыхательства со стороны империализма, тщетно пытающегося затормозить ход истории.

Советские люди, как сказал на XXVI съезде КПСС первый секретарь ЦК Компартии Киргизии Т. У. Усубалиев, категорически отвергают всякие клеветнические измышления империалистических кругов и их пособников об афганской революции и Советском Союзе. Помощь СССР Демократической Республике Афганистан продиктована чувством интернациональной солидарности, волей всего советского народа, всех наций и народностей нашей страны.

Этапы исследования

Территориальная близость Советского Киргизстана новой Демократической Республике Афганистан наложила свой отпечаток на многовековые взаимоотношения наших народов. И одним из узловых и интересных моментов является также то, что Памир, по которому идет разграничение СССР и ДРА, заселен, наряду с другими народами, также киргизами.

Их изучение, история, быт и культура сравнительно недавно стали объектом внимания ученых. Начало широкому исследованию Памира положили русские ученые и путешественники после присоединения части его к России. Памир с конца прошлого столетия стали посещать английские, французские и индийские ученые, дипломаты, путешественники. Планомерное же исследование Памира с целью освоения его природных ресурсов началось только с установления Советской власти. Ряд комплексных экспедиций (Памирская экспедиция Академии наук СССР 1929 г., Таджикско-Памирская экспедиция 70-х гг. и др.) подвергли Памир всестороннему изучению, результатом чего явились фундаментальные работы по геологии, гидрологии, геоморфологии, гляциологии. Большие работы были проделаны в области археологии, истории и этнографии памирских народов. Хороших результатов в исследовании Памира и сопредельных районов доби-

[1] Правда об Афганистане. Документы, факты, свидетельства. М., 1980, с. 10.

лись Памирский отряд Таджикской археологической экспедиции и Киргизская архологическая экспедиция, работавшие в 50—60-х годах. Если советские ученые работают комплексными методами, то зарубежные исследователи, в основном на территории Афганского Памира, действовали преимущественно в одиночку и по личной инициативе. С 50-х годов американские, английские, французские, иранские ученые (Шор, Дор, Науман, Шахрани, Ашрафи и др.) совершили на Памир ряд поездок и опубликовали серию статей и книг. Имея большой фактический, особенно этнографический материал, они, однако, страдают политической одиозностью, идеализируют патриархальный быт киргизов Афганского Памира, чрезмерно преувеличивают роль и значение их бывшего «хана», феодала-уголовника Рахманкула.

Полевые исследования и архивные изыскания авторов, использование опубликованной советской и зарубежной литературы позволяют нам пройтись по страницам многовековой истории Памира, население которого сейчас идет по пути содружества и взаимопомощи к славному будущему.

Глава II.

ДРЕВНИЕ КОЧЕВНИКИ

Молчаливые стражи былого

Памиро-Тяньшанский регион в древности представлял собой район безраздельного господства кочевых народов, в среде которых происходили беспрерывные процессы складывания и распада военных племенных союзов и государств. Номады были в постоянном контакте, а временами вступали и в прочные связи с оседло-земледельческим миром оазисов Средней Азии, Ирана, Афганистана, Китая.

Любопытный путник, проезжая по межгорным долинам и ущельям Памира и Тянь-Шаня, обязательно обратит внимание на древние курганы — молчаливые памятники давно минувших поколений. Их раскопки дают ученым материалы для реконструкции общественного строя и социальных отношений, культуры и быта населения, некогда проживавшего на территории Средней Азии и Афганистана. К сожалению, большинство из них так же, как и

знаменитые пирамиды Египта, ограблены еще в древности. И только случай, умноженный на долготерпение и труд археолога, приводит иногда к удивительным открытиям.

Данные археологических исследований позволяют утверждать, что Памир был заселен в древнейший период человечества. Люди каменного века, так называемой палеолитической эпохи, уже освоили эти высокогорные районы, обитая в скальных пещерах.

Освоение человеком таких суровых для жизни областей, как Памирское нагорье, представляется очень важным с точки зрения истории, этнографии, экологии горных стран «Высокой Азии». Под этим понятием археологи условно объединили горные области Памиро-Алая, Тянь-Шаня, Куньлуня, Каракорума, Гималаев, Тибета и других гор Азии.

Первые исследователи

Еще столетие тому назад этот горный край представлялся ученым абсолютно «белым пятном». И перед ними, главным образом перед археологами, встала проблема решения множества вопросов, связанных с заселением Памира человеком, раскрытием тайн памятников культуры каменного века — древнейшего прошлого человечества. Пионером археологических исследований Памира был советский археолог А. Н. Бернштам, который изучал памятники древних кочевников Казахстана, Киргизии, Узбекистана. Затем работа была продолжена В. А. Рановым, Б. А. Литвинским, М. А. Бубновой, А. Д. Бабаевым. Большие раскопочные работы были проделаны Памирским отрядом Таджикской археологической экспедиции в 50-х годах, а позднее — в середине 60-х годов — Палеолитическим отрядом Киргизской археологической экспедиции. Эти работы сделали высокогорную Среднюю Азию наиболее полно исследованной, по сравнению с другими соседними горными областями. По этому поводу известный советский специалист по палеолиту В. А. Ранов отмечает: «Ни работы в Сино-Тибетских горах (Д. Эгар, Г. Буль и др.), ни поездки в западную часть Сычуани Д. Андерсона, ни сведения, сообщаемые о южных склонах Гималаев Х. де Терра, не могут идти ни в какое сравнение по своим масштабам, методике обработки и интерпретации с полученным материалом Памиро-Тянь-Шаня советских археологов» [1].

---

[1] См.: Ранов В. А. Памир и проблема заселения высокогорной Азии человеком каменного века. — Страны и народы Востока. Вып. XVI. М., 1975, с. 136.

Первые следы пребывания на Памире человек оставил примерно 8—10 тыс. лет тому назад, в местности Маркансу — «Долине смерти». Здесь были обнаружены стоянки первобытных людей, живших, как показал анализ углей костров, в 8 тысячелетии до нашей эры. Ученые предполагают, что это была большая и долговременная стоянка людей, поскольку здесь же была обнаружена мастерская по изготовлению каменных орудий и восемь тысяч предметов деятельности первобытных людей. В гроте Шахтысай на высоте около 4 тыс. м над уровнем моря В. А. Ранов обнаружил рисунки художника каменного века, изображающие охотника и фигуры животных: медведя, яка и кабана.

Чем объяснить, что в таких суровых климатических условиях, когда средняя высота превышает 3 тыс. метров над уровнем моря, зимние морозы достигают сорока градусов, при скудном растительном покрове, человек тем не менее облюбовал этот горный край для жизни и вот уже в течение более десяти тысячелетий одна культура сменяет другую, но жизнь не прерывается, и люди не уходят (по крайней мере добровольно) в другие, более благодатные места?

Правда, некоторые ученые предполагают, что поскольку Памир является растущей горной системой, то сотни веков тому назад уровень долин здесь был метров на 500—700 ниже современного. Это, как они полагают, обусловило более мягкий климат и, следовательно, более благоприятные условия для проживания здесь человека. Каковы доводы в пользу такого предположения? Например, рисунки в гроте Шахтысай изображают кабана, который на нынешних высотах Памира нигде не встречается. Вокруг костров в Маркансу не было обнаружено заграждений из камня, что может свидетельствовать об отсутствии сильных, какие встречаются сейчас, ветров на Памире. Голые ныне скальные склоны некогда покрывали заросли кустарника.

Но ведь и позднее, после значительных похолоданий, человек не покинул горы, а продолжал здесь жить. Более того, Памир продолжал заселяться, и здесь, как и по всей Азии, одни народы сменяли другие — и не один раз на протяжении прошедших тысячелетий.

В поисках причин

Какие же причины заставили первобытные племена покидать благодатные земли и отдавать предпочтение горам со столь суровыми жизненными условиями?

Интересную гипотезу по этому поводу выдвинул Вадим Александрович Ранов.

Первооткрыватели исторических памятников первобытного человека пришли к заключению, что стоянки каменного человека имеют характер сезонных поселений. Вероятно, люди, жившие в долинах, поднимались в горы в поисках лучших охотничьих угодий. Такие охотничьи походы характерны для ранних времен различных регионов.

Тогда, может быть, причина в сезонных миграциях охотничьих племен? Животный мир Памирского нагорья не имеет особо отличительных черт, присущих только этому зоогеографическому участку. Современная фауна насчитывает здесь 21 вид млекопитающих и 48 видов гнездящихся птиц. Но особый интерес вызывают центрально-азиатские баран и козел, обитающие на Памире и в настоящее время. Эти животные обитают в высотных горах Средней Азии, особенно на Памиро-Алае. Никаких следов сезонных или многолетних перекочевок больших масс животных на Памир в настоящее время не отмечается; не было, по-видимому, их и в более отдаленные времена. При раскопках археологами стоянки Ошхона, полученная фауна показала, что люди не занимались специализированной охотой, поэтому приход в высокогорье специально для охоты исключается.

Вероятнее всего, считает Ранов, людей на Памир привлекал не приход сюда животных, на которых они вели охоту, а использование наиболее легких и удобных способов охоты на них.

А как с экологическими причинами? Может, человек сам приспосабливал природу для своих потребностей? По этой теме опубликован ряд статей специалистов, в частности, О. Е. Агеханянца, Л. Ф. Сидорова, Р. П. Потапова, К. В. Станюковича, но эта проблема, по мнению археологов, еще нуждается в разработке. Нет конкретных данных о влиянии человека каменного века на природу — изменений во внешнем окружении, которые вызывались, к примеру, ростом населения той или иной области, т. е. образования нарушения баланса между человеком и окружающей природой. Именно это способствует изменению жизненного строя общества, а в данном конкретном случае — поискам новых мест для заселения.

Социальные причины также недостаточно изучены. Накопленный материал показывает, что в эпоху палеолита существовали сложные социальные отношения внутри человеческого общества. Происхождение племени уходит в глубь человеческой истории, когда определенные территории были заселены неандертальцами. Ученые уже в это

время находят локальные варианты культур первобытного человека и их взаимодействия.

Пока еще недостаточно фактического материала, чтобы как-то воссоздать действительную картину существования племен в те отдаленные времена, причины их миграций. Переселение больших масс людей могло быть вызвано тремя основными причинами: 1) перенаселением данной территории; 2) истощением природных ресурсов; 3) вытеснением основного населения более сильными, многочисленными пришельцами.

Трудно указать на любой из этих факторов как основной толчок для начала освоения высокогорий Памира.

Археологи, занимающиеся этой проблемой, пока еще не могут точно объяснить конкретные причины, которые способствовали движению первобытных людей на «Крышу мира».

В поисках путей

В настоящее время памятники каменного века «Высокой Азии» открыты в близких экологических условиях, и сходная их культура расположена в основном на высокогорных плато. По этому поводу В. А. Ранов считает, что есть все основания предполагать: в горах «Высокой Азии», в том числе на Тянь-Шане, Памиро-Алае, Куньлуне, Гималаях, Тибете и других, существует близкая по характеру орудий и технике расщепления камня археологическая культура, которая охватывает огромные пространства и большой промежуток времени.

Многое могут сообщить антропологические материалы. Но на сегодняшний день их также недостаточно. Поэтому *и они не могут определенно объяснить: откуда пришло на* Памир его первое население.

Дело в том, что исследователи стоянок каменного века не обнаружили скелетов древнейшего населения Памира. Населяющие же современный Памир расовые типы сформировались в очень позднее историческое время. Следовательно, ученые не могут опереться и на современный антропологический материал населения. Немалый интерес вызывают находки зарубежных экспедиций в соседнем районе Афганистана. Палеолитические и мезолитические памятники Кара-Камар, Даран-Кур, Даран-Калок, Ак-Куприк и др. имеют сходство с переднеазиатскими памятниками этого времени, но нет определенного сходства с памирским материалом. Однако ученые находят аналогии орудиям маркансуйской культуры и гиссарской культуры Средней Азии. Больше *аналогий археологические памят-*

ники Памира имеют с мезолитическими комплексами приферганских гор, в частности, стоянок Обишир и Арчалы на территории Киргизии.

Все приведенные данные говорят, во-первых, о недостаточности палеолитического исследования зарубежного Памира и сопредельных горных районов, в частности также и Киргизии; во-вторых, что пока не найдены твердые аналогии во всех аспектах маркансуйской культуре Памира; в-третьих, еще предстоят поиски путей заселения Памира, которые, без сомнения, шли снизу, из оазисов, вверх, на горные плато и урочища.

Исследования в Киргизии

Исследования продолжаются. Со стороны Таджикистана их ведет В. А. Ранов, со стороны Киргизии — его ученик М. Б. Юнусалиев.

Направления поисков путей заселения Памира, можно сказать, уже определены — вероятнее всего, это традиционные дороги, торговые трассы, связывающие Памир с Таджикистаном и Афганистаном, с Ферганой, Синьцзяном, Тянь-Шанем, Пакистаном и Индией. Один из традиционных путей — Ферганский — связывал маркансуйскую культуру Памира с обиширской Ферганы. Более поздние исторические источники ведут его из Оша на Гульчу, Суфи-Курган, перевал Талдык, далее — на Терек-Даван — Памир. Правда, на этом пути пока не обнаружено каменных орудий. В 1968 г. одному из авторов данной работы (В. М. Плоских) посчастливилось в составе отряда В. А. Ранова и М. Б. Юнусалиева принять участие в обследовании долины реки Гульча от одноименного поселка до перевала Талдык. Были обследованы речные террасы и пещеры в районе Ак-Босого (Караджилча-Ункур, Шараджилга-Ункур) и у Суфи-Кургана (Кара-Ункур). Мы забили несколько шурфов, просмотрели сотни камней — подъемного материала, обследовали даже несколько объектов, оказавшихся ложными. Но положительных результатов не получили. Слишком незначительны и краткосрочны были разведочные поиски, несмотря на их напряженность. Но даже негативный результат не поколебал уверенности в возможности этой трассы для прохода первобытного человека по этому пути из Ферганы на Памир. Дело в том, что трасса вполне удобна для передвижения, а в ближайшем районе, в долине р. Ак-Бура, на которой стоит город Ош, и в пещерной стоянке Сасык-Ункур с. Араван обнаружены отдельные каменные находки, к которым была приложена рука первобытного человека. А уж если районы г. Оша были заселе-

ны в эпоху каменного века, обнаружены стоянки и орудия труда на Памире, то, без сомнения, рано или поздно должны быть найдены следы первобытного человека и на трассе, соединяющей Ош с Памиром. Тем более, что она очень удобна для передвижения: есть вода и корм для скота, прекрасные возможности для охоты, по р. Гульча расположены превосходно выраженные террасы, здесь имеется хороший поделочный материал для каменных орудий. И мы полностью согласны с выводом В. А. Ранова — рано или поздно памятники каменного века на этой территории должны быть найдены.

Нужно только искать!

Несомненно, будет окончательно решен и вопрос — откуда же и как пришло первое население Памира.

Древние кочевники саки

В I тысячелетии до н. э. на огромном пространстве Азии — от Алтая до Причерноморья, от Сибири до Афганистана и Индии, включая Памир, жили многочисленные кочевые племена, обобщенно названные саками (или скифами). Древнеперсидские тексты называют их просто саками, а также саками-тиграхауда, саками-хаумаварга, даха и прочее. Ученые до сих пор не пришли к единому мнению о местах их расселения. Но раскопки многочисленных курганов на обширных просторах Азии убедительно свидетельствуют о близости их культуры. И все курганы второй половины первого тысячелетия до н. э. обобщенно названы сакскими могильниками. Четыре полевых сезона —1961—1962, 1966—1967 гг. — одному из авторов (В. Плоских) приходилось принимать участие в раскопках сакских курганов в высокогорной Алайской долине, врезающейся своими урочищами в Памир с востока. Раскопки проводились под руководством киргизского археолога Ю. Баруздина, после трагической гибели которого сменил А. Абетеков. Материал не был богатым в прямом смысле этого слова, так как все большие, так называемые «царские», курганы еще в древности были ограблены, а курганы рядовых кочевников были представлены простейшим инвентарем: керамикой, наконечниками стрел, реже — короткими кинжалами — «акинаками». Но этот материал полностью совпадал с находками аналогичных курганов Памира и был тождествен находкам из сакских курганов других территорий Средней Азии.

Находки подтвердили ранее высказанные предположения ученых, что Алай входил по своей древней культуре в зону Памира и их населяли в древности одни и те же пле-

мена. Начало исследованию сакской культуры на Памире было положено советским археологом А. Н. Бернштамом. Он много лет посвятил изучению памятников кочевых племен в горных районах Киргизии, Таджикистана и Казахстана. Бернштам выдвинул гипотезу, что саки Средней Азии являются прямыми потомками населения поздней бронзы, обитавшего на этих территориях ранее. После долгих исследований и споров было накоплено много конкретных аргументов в пользу этой гипотезы. И утвердилась она после основательных исследований К. А. Акишева, Ю. Д. Баруздина, К. Ф. Смирнова и особенно Б. А. Литвинского. Собранные Б. А. Литвинским и его таджикскими коллегами материалы на Памире окончательно подтвердили гипотезу А. Н. Бернштама — в погребальном обряде сакского времени на Памире полностью проявилась традиция эпохи бронзы.

По результатам археологических раскопок на Памире, анализа письменных источников с привлечением лингвистических, этнографических и антропологических данных Б. А. Литвинский выпустил замечательную книгу, посвященную памяти А. Н. Бернштама о древних кочевниках «Крыши мира». Полистаем ее страницы.

Общепризнано, что одним из важных источников прошлого народов Средней Азии и Ирана является «Авеста» (священная книга зороастрийцев). В ней встречается древнейшее название для среднеазиатских кочевников, которые характеризуются как «туры с быстрыми конями».

Археологи признают, что если исходить из принятого определения времени жизни Зороастра — первой половины V в. до н. э., — то уже тогда часть племен туров находилась в тесном контакте с оседло-земледельческими областями.

В то время также существовало и другое наименование этих кочевников — «саки». Первое упоминание о саках, по мнению некоторых археологов, относится к 641—640 гг. до н. э. в ассирийских анналах, где говорится о войне против Тугдамме, «царя Умак-манды» (царя саков).

Что говорят письменные источники

В клинописной надписи персидского царя Дария I в Накширустаме (близ Персеполя) народ саки перечисляется рядом со среднеазиатскими областями. В Бехистунской надписи Дария читаем:

«Говорит Дарий царь: затем я с войском отправился в Сака. Затем саки, которые носят остроконечную шапку, выступили, чтобы дать сражение. Когда я прибыл к вод-

ному рубежу, тогда на ту сторону его со всем войском перешел. Потом я наголову разрубил одну часть саков, а другую захватил в плен... вождя их по имени Скунха взяли в плен и привели ко мне. Тогда я другого сделал (их) вождем, как на то было мое желание. Затем страна стала моей» [1].

Позднее о саках упоминается у «отца истории» Геродота. Он пишет: «Саки же носили на головах высокие островерхие тюрбаны, плотные, так, что стояли прямо. Они носили штаны, а вооружены были сакскими луками и кинжалами. Кроме того, у них были еще сагарисы — боевые секиры. Это-то племя называли амиргийскими саками. Персы ведь всех скифов называют саками» [2].

Еще в глубокой древности делались попытки осмысления этнонима «сак». Диодор писал, что племя скифов «широко разрослось и имело замечательных царей, по имени которых одни были названы саками, другие массагетами, некоторые аримаспами, и подобно им многие другие» [3].

Современные лингвисты, которые занимаются этимологией слова «сак», имеют множество спорных аргументов. По одному из них слово «сак» должно означать «бегущий», «быстрый» или «странствующий, кочевой», что подходит к этим кочевникам.

Тем не менее все предложенные попытки объяснения происхождения и этимологии слова «сак» как советских, так и зарубежных лингвистов, на сегодняшний день полностью удовлетворительными считать нельзя.

По вопросу о расселении сакских племен также существует множество различных гипотез и предположений. Все они разработаны на основе данных древнеперсидских, древнекитайских источников, где говорится о саках.

Из свидетельства Геродота о том, что «персы всех скифов называют саками», в науке утвердилось отождествление амиргийских скифов и саков-хаумаварга древнеперсидских надписей.

О «саках, которые за Согдом», сообщают античные авторы Клавдий Птолемей, Квинт Курций Руф, Дионисий Периэгет, Страбон. Но их сведения очень кратки и для определения месторасселения этого народа не дают точных

---

[1] Цит. по кн.: Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972, с. 162.

[2] Геродот. История. Книга седьмая. Л., 1972, с. 333.

[3] Цит. по кн.: Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира», с. 157.

данных. По Страбону следует: какая-то часть территории за Яксартом (Сырдарья) сначала принадлежала сакам и согдийцам, а впоследствии этот район перешел к сакам. Среди разных сведений Страбона, использовавшего в своей географии около 150 трудов предшественников с VI в. до н. э. до рубежа новой эры, особый интерес представляет для нас разъяснение автора о горной цепи Имай, под которой последующие авторы подразумевали Алай-Памир. Именно с этой местностью источники связывают и расселение саков-хаумаварга (или амиргии). Древнеперсидские клинописи сообщают и другие наименования саков, как дахи и массагеты.

О массагетах мы опять же узнаем из труда Геродота «История», в котором он пишет: «Массагеты носят одежду, подобно скифской, и ведут похожий образ жизни. Сражаются они на конях и в пешем строю. Есть у них обычно также луки, копья и боевые секиры. Из золота и меди у них всех вещи» [1]. Интересные сведения Геродот дает и об обычаях массагетов, о занятиях, о верованиях. «Хлеба массагеты не сеют, но живут скотоводством и рыбной ловлей, а также пьют молоко. Единственный бог, которого они почитают, это — солнце» [2].

Те неточные сведения, которые приводились и в других античных работах, породили в науке многочисленные гипотезы об отождествлении массагетов и их этнической принадлежности.

Обращаясь снова к Бехистунской надписи, где говорится о саках-тиграхауда, живших на западной территории Средней Азии, античные авторы сопоставляют их с массагетами. Так, Геродот пишет: «Эти массагеты, как говорят, многочисленное и храброе племя. Живут они на востоке по направлению к восходу солнца за рекой Араксом напротив исседонов. Иные считают их также скифским племенем» [3].

Выводы ученых

Рассмотрев все дошедшие до нас исторические и лингвистические источники, проведя анализ научно-исследовательской литературы, Б. А. Литвинский заключает, что сложный вопрос о соотношении и локализации всех фигурирующих в источниках сакских или родственных им племен должен рассматриваться в связи с непрерывными изменениями в этногео-

---

[1] Геродот. История. Книга первая, 215, с. 79.
[2] Там же, 216, с. 79.
[3] Там же, 201, с. 75.

графии и политической системе среднеазиатских кочевых союзов VI—III вв. до н. э.

Памир в это время заселяла, вероятнее всего, большая группа племен, называемых саки-хаумаварга в древнеперсидских надписях и саки-амиргии в античных источниках. Есть довольно убедительная, на наш взгляд, гипотеза, по которой названия «амиргий» или «хаумаварга» сопоставляются с Алайской долиной как «амиргийской равниной». «Что же касается «амиргийской равнины»,— подводит итоги Б. А. Литвинский,— то мы склонны вслед за Херманом локализовать ее в Алайской долине, но считаем не исключенным, что под «амиргийской равниной» в широком смысле понималась и Ферганская долина. Представляется, что в эту группу входили (или примыкали к ней) и «саки, которые за Согдом» (по Средней Сырдарье). Следовательно, памирские саки входили в состав юго-восточных саков, а именно саков-хаумаварга» [1].

В политическом отношении это было огромное племенное образование — союз конфедеративного типа одной культурной общности, которая проявлялась в погребальном обряде и материальной культуре.

Тайны сакских курганов

Плато Памира и террасы Алая буквально усеяны курганами. Это и цепочки, расположенные с юга на север, и компактные могильники, в которых еле заметные холмики чередуются с величественными насыпями в десятки метров высотой. Географы полагают, что 2—2,5 тыс. лет назад природные условия Памиро-Алая были несколько благоприятнее, чем теперь: более тучные пастбища, произрастали леса, мягче был климат. Это способствовало тому, что была большей и численность населения, отсюда и множество оставленных намогильных курганных сооружений.

Раскопки А. Н. Бернштама, Б. А. Литвинского, А. Д. Бабаева сакских курганов на Памире зарегистрировали почти исключительно скорченные погребения, тогда как в синхронных сакских курганах Тянь-Шаня скорченные были единичными.

Антропологические материалы, а также отдельные черты погребального ритуала, украшения из памирских и алайских курганов сакского времени дают основания для вывода о широких контактах саков во второй половине I тыс. до н. э. и демонстрируют памиро-индийские связи и контакты через Афганистан и Восточный Туркестан.

---

[1] Литвинский Б. А. Древние кочевники.., с. 174.

При раскопках было сделано много находок, с разных сторон характеризующих жизнь, быт и идеологию памирских саков. Оружие представлено бронзовыми и железными кинжалами — акинаками, щитами и колчанами, обшитыми кожей, разновариантными наконечниками стрел и копий. Из утвари неизменно обнаруживается множество керамических сосудов различного предназначения и отсюда — различной формы деревянная посуда, бронзовые небольшие котелки для повседневного быта и др.

Многочисленны украшения, исполненные в манере «звериного стиля», наглазники из раковин, специально доставляемых с морского побережья Индии, каменные бусы и серебряные браслеты, золотые и бронзовые фигурки животных.

Погребения саков Памира и Алая свидетельствуют о том, что у них уже достаточно далеко зашел процесс имущественной дифференциации, образования племенной знати. Величественные «царские» курганы не только внешне символизировали былую мощь и силу сакских вождей и предводителей, но их богатейшее внутреннее убранство даже сейчас поражает своим богатством и числом хоронившихся вместе с хозяином драгоценных предметов. Именно это и делало их заманчивым объектом древнейших грабителей.

Среди ассирийских документов имеется большой фрагмент письма, адресованного ассирийским агентом своему царю, в котором он восхваляет памирский лазурит. Агент просит у царя «больших военных сил», чтобы вывезти лазурит в Ассирию [1]. Фрагмент свидетельствует о том, что ассирийские владыки посягали на памирский лазурит, но это требовало немалых усилий — местные жители давали отпор любителям чужих богатств.

Как сообщают персидские надписи, Памир в VI—IV вв. до н. э. в составе Бактрии входил в Ахеменидскую державу, созданную Киром. Бактрия была XII сатрапией и платила дань в 360 талантов ежегодно. Памирский лазурит, найденный археологами при раскопках древних городов Ирана и других стран, вплоть до Египта, возможно был ее составной частью, а также прибыльным товаром торговых операций древности. Источники того времени сообщают о неоднократных восстаниях местных жителей против персидского господства. В то же время саки-посе-

[1] См.: Гафуров Б. Г. История таджикского народа. М., 1955, т. 1, с. 48.

ленцы, саки-воины и саки-рабы участвовали в создании экономического базиса и расширении политического господства Ахеменидского государства, а сакская культура и религия являлась важным компонентом культуры древнего Востока.

Верования и религия

Религия саков Памира была языческой, в которой переплетались элементы тотемизма, анимизма, фетишизма и антропоморфизма. Саки Памира поклонялись божествам Земли, Неба и Солнца. О религиозных культах саков Памира можно также судить по найденным в сакских памятниках бронзовым столам и котлам, увенчанным вереницами зверей или шествующих животных. Они служили предметом для принесения жертв, курильницами и т. п. В сакский период, по мнению отдельных ученых, в контакте и при участии сакской культуры зарождается зороастризм. Это уже была религия единобожия, позже широко распространившаяся по всей Средней Азии, Ирану, Афганистану, Индии и ряду других стран. Названная по имени пророка Зороастра (персидский Заратуштра), в основе имеющая священный канон «Авесту», религия призывала к вере в единого бога Ахурамазду. Главную роль в ритуале зороастризма играл огонь — отсюда и столь много жертвенников и курильниц, сохранившихся с сакского времени. Зороастризм проповедовал борьбу двух «вечных начал» — добра и зла — и веру в конечную победу добра. Но, являясь сложной и многослойной религией, формировавшейся на протяжении длительного времени, зороастризм саков не являлся догматическим. Именно поэтому Дарий мог обвинить саков, что они не почитают Ахурамазду. Хотя и сам Дарий, как видно из его клинописей, признавал Ахурамазду не в качестве единого бога, а лишь как «величайшего из (многих) богов».

И здесь никак нельзя не согласиться с Б. А. Литвинским, что не существовало никакой единой сакской религии, а имелись сходные в основном и различающиеся в частностях религии отдельных конфедераций и даже племен, о чем свидетельствуют как погребальный ритуал, так и комплексы ритуальных предметов [1].

Саки явились одним из компонентов субстратного слоя в этногенезе памирских народностей, оставили заметный след в этнической и культурной истории народов Средней Азии, Восточного Туркестана, Афганистана и Северной Индии.

[1] Литвинский Б. А. Древние кочевники.., с. 155.

Памиро-сакские племена участвовали в штурме Греко-Бактрии и проникли позже в Северную Индию, включившись таким образом в большие миграционные процессы рубежа новой эры, привнеся элементы своей культуры уже в новую культуру последующих этнических пластов.

Памиро-Тяньшанский регион и на рубеже новой эры представлял собой район безраздельного господства кочевых народов, в среде которых происходили беспрерывные процессы складывания и распада военных племенных союзов и государств. Возникающая кочевая цивилизация не была изолированной. Номады были в постоянном контакте, а временами вступали и в прочные связи с оседло-земледельческим миром оазисов Средней Азии, Ирана, Афганистана.

В межгорных долинах и ущельях Памиро-Алая продолжают привлекать внимание и молчаливые памятники— курганы рубежа нашей эры. Они мало чем отличаются по внешнему виду от сакских. Только тщательные раскопки, да скрупулезный сопоставительный анализ добытых материалов подскажет специалисту-археологу изменение в культуре, погребальном обряде и, следовательно, в этносе далеких обладателей этих памятников. Лишь они дают ученым материалы для составления картины жизни и быта как поздних саков, так и последующих поколений кочевников, заселявших Памиро-Алай к рубежу новой эры.

Удивительно то, что самые примечательные находки обязаны воле случая, не столько планомерным всеобъемлющим раскопкам, сколько случайности. Такие находки обычно называют кладом, даже если его специально не прятали, если это и был просто неразграбленный курган.

Так, случайная встреча английского колониального чиновника с грабителями в темной пещере, и ...Амударьинский клад начал свою еще неоконченную повесть о культуре Тохаристана второй половины I тысячелетия до н. э. Или прокладка шоссейной дороги близ Алма-Аты, затронувшая один из многочисленных здесь курганов, и ...обнаруживается знаменитое непотревоженное Иссыкское погребение юного сакского вождя.

Но, в то же время, многолетние целенаправленные раскопки киргизских археологов, свидетелями и участниками которых нам пришлось быть, и... только единичные находки ювелирной работы, оставшиеся после грабителей. Лишь изредка золотым отблеском даст о себе знать древнее украшение — шедевр.

Десятки лет на территории Афганистана работала ар-

хеологическая французская экспедиция. С конца 60-х годов начались работы совместной советско-афганской археологической экспедиции. И многие годы шел рядовой, интересный, но обычный археологический материал. Пока не произошла сенсация. Но сначала немного предыстории.

Империя, открытая ЮНЕСКО

Знойная осень 1968 года. Ученые самых разных специальностей — историки, археологи, этнографы, лингвисты, юристы и другие — собрались в Душанбе, столице советского Таджикистана, чтобы под эгидой ЮНЕСКО поведать всему миру об открытии новой страны, которая в древности — на рубеже старой и новой эры — охватывала огромные пространства Центральной Азии. Это было открытие огромной империи, названной Кушанской. В письменных источниках она приравнивалась к Великой Римской империи и Поднебесному Ханьскому государству. Согласно одному из текстов того времени, правитель Кушанской империи имел полный паритет с правителями Рима и Китая. Все они названы «сынами неба», разделявшими между собой мир.

В истории редко бывает, чтобы вот так неожиданно всплыла огромная новая империя, хотя и существовавшая два тысячелетия назад. После международного конгресса в Душанбе практически весь читающий мир узнал об открытии ученых. Правда, это было сделано не вдруг и не совсем неожиданно. Уже в XIX в. находили отдельные предметы и монеты, которые ученые не в состоянии были датировать, не могли определенно отнести к какому-либо периоду или государству. Было известно имя некоего императора Канишки, но даты его правления оставались неоткрытыми. В 1913 и 1960 гг. в Лондоне проходили специальные симпозиумы по хронологии правления Канишки, но вопрос не был решен. А материал все рос и рос. Случайные находки, поступившие в Британский музей в 1897 году с верховьев р. Окс (древняя Амударья), отдельные скульптурные изображения, обнаруженные французской археологической миссией в Афганистане и учеными Средней Азии, уникальные ювелирные изделия, несущие на себе печать местного производства и иноземного влияния, раскапывались в курганах Средней Азии и Памиро-Алая, в античных поселениях Ирана и Афганистана, пополняли коллекции и экспозиции музеев. Пополняли, но мало вносили ясности в общую картину древней истории. Сравнительно-археологический анализ давал относительную датировку этих памятников и предметов, начиная с

первых веков до нашей эры и кончая первой половиной первого тысячелетия нашей эры. Но все это были разрозненные памятники и предметы, отдельные образцы ювелирно-художественного искусства древних народов. Лишь собранные воедино из музеев всех республик Средней Азии, в том числе и Киргизстана, для экспозиции на выставке в Душанбе, они сами заговорили о единой большой и многогранной культуре. Это была знаменательная веха в истории развития не только Востока, но и всемирной цивилизации. Определились и хронологические рамки Кушанской державы, просуществовавшей полтысячелетия — со II в. до н. э. до III в. н. э.

Раскопки курганов кочевых племен Средней Азии и Афганистана показывают нам истоки Кушанского государства, культуры тех кочевых племен, которые выдвинули из своей среды кушанскую династию. Правда, вопросы: откуда пришли эти новые племена, где их прародина и как они назывались — до сих пор продолжают оставаться во многом еще неясными. Письменные источники сохранили неопределенные сведения об этих племенах. Но мы знаем, что в Средней Азии в I тыс. до н. э. последовательно сменяли друг друга кочевники: саки и усуни, юэчжи и гунны. Здесь были древние государственные объединения с крупными земледельческими центрами, такими как Бактрия, Согдиана, Хорезм, Давань и другие. Но этого было мало.

Еще К. Маркс указывал на древнейшее сосуществование двух очагов культуры, на тесное взаимодействие земледельческих районов с миром кочевых племен, так характерное для многих государств и районов Востока. И раскопки ученых показали соседство и хронологическую синхронность курганных памятников древних кочевников и античных поселений земледельцев. В отношениях между номадами и земледельцами не все и не всегда шло гладко и мирно, но в основе лежало взаимодействие. Об этом красочно сказал в своем основном докладе на пленарном заседании Международной Кушанской конференции руководитель советской делегации Б. Г. Гафуров: «История взаимоотношений этих двух миров полна трагическими эпизодами — грабительскими набегами, истреблением мирного населения, уничтожением многих материальных и культурных ценностей. Однако нельзя забывать о том, что контакты кочевых и земледельческих племен и народов имели и многие положительные последствия. Это выражалось как во взаимообогащении культур тех и других, об-

мене хозяйственными навыками, так и нередко в принципиально новых прогрессивных процессах социального и политического развития стран и областей, входящих в зону этих контактов» [1].

Как показывает пример с Кушанским государством, вторжение кочевников со своими традициями родоплеменной организации и крепкой военной структурой лишь временно нарушило обычную жизнь оазисов. Оно явилось важным фактором для поглощения, но не окончательного разрушения земледельческих районов Средней Азии, Афганистана, Западного Пакистана и Северной Индии, обусловило прекрасную почву для формирования Великого Кушанского государства. Кочевники вскоре сами стали горожанами со всеми вытекающими отсюда последствиями, а культура державы впитала в себя лучшие черты старой и пришлой новой культуры.

Три историко-культурных компонента: местный бактрийский, эллинский и кочевой соединились с самобытными традициями народов Средней Азии, Афганистана, Пакистана, Индии и Ирана и создали тот своеобразный социально-политический и этнокультурный комплекс, который ученые характеризуют как кушанский мир.

Кушанский период был периодом интенсивных связей народов и культурного взаимодействия, обмена достижениями и традициями. Результаты проведенных археологических раскопок на территории советских республик Средней Азии, Афганистана, Ирана, Пакистана и Индии дают большие материалы и новые данные о вкладе древних народов Средней Азии в культуру Кушанской империи. Но, как бывает с каждым новым открытием, решение одной проблемы вызывает целый поток новых вопросов, которые требуют своего дальнейшего решения. Так и открытие Кушанского государства не уменьшило числа нерешенных вопросов истории данного региона, а выдвинуло новые проблемы, настоятельно требующие своего решения, проблемы, над которыми трудятся ученые Киргизии и других среднеазиатских республик, а также Афганистана и соседних с ними стран.

И одна из основных проблем, это — истоки, предыстория Кушанского государства. А здесь не обойтись без памирских кочевников. Кушанская культура как синтез целого ряда культур местных и пришлых народов имела

---

[1] Гафуров Б. Г. Кушанская эпоха и мировая цивилизация. М., 1968, с. 7.

своих предшественников. Эпицентром этой предыстории Великих Кушан была знаменитая Бактрия, занимавшая территорию южной части Средней Азии и север Афганистана, включая Памир.

Сокровища Окса

Обратимся к одному из самых известных памятников Северной Бактрии, который был обнаружен в Средней Азии, разграблен в Афганистане, перекуплен в Индии, доставлен в Англию и составил жемчужину знаменитого Британского музея в Лондоне. Это так называемые «сокровища Окса», «Амударьинский клад» [1].

История его обнаружения и даже введение в научный оборот раскручивается как настоящий детектив. Весной 1880 г. бухарские купцы Вази ад-Дин, Гулям Мухаммад и Шуркер Али шли с караваном из Самарканда в Индию. Бурные воды мутной Амударьи стали серьезным препятствием для каравана. Нет, купцы не боялись коварных омутов. Они боялись коварства сильных мира сего. За рекой начинались владения афганского эмира. Он очень нуждался в деньгах и отбирал все до последнего таньга у проезжающих. И опять на сцену выступает его величество случай. Случайно купцы узнают, что жители с. Кобадиан в 1877 г. нашли бесценные сокровища у размытых берегов реки Амударьи, рядом с древней крепостью Тахт-и-Кават. Купцы хорошо знали, что английский наместник Индии лорд Литтон — археолог-любитель и собиратель древностей. Он даст хорошую цену за шедевры из золота. Сделка была заключена, и купцы продолжали путь. Караван был уже на пути из Кабула в Пешавар, когда группа разбойников соседнего кочевого племени напала на него и разграбила. Это произошло в один из майских вечеров 1880 г. Одному из слуг удалось бежать от грабителей, и в 9 часов вечера он явился на пограничную заставу в долине Тезин к английскому капитану Ф. Бартону.

Позже Бартон в стиле Конан Дойля описал картину своего нападения на грабителей. Вот он с двумя ординарцами внезапно появляется среди ночи в пещере. Здесь грабители яростно делят так внезапно свалившиеся на них сокровища. Уже валяются раненые. Остальные так заняты дракой, что не заметили появления капитана.

---

[1] См.: Амударьинский клад. Каталог выставки. Л., 1979; Ставиский Б. Я. К югу от Железных ворот. М., 1977, с. 8—21.

Храбрый воин обращает грабителей в бегство, но, не желая рисковать, сам проводит остаток ночи в пещере.

На другой день разбойники, боясь как бы Бартон не двинул войска против их кочевий, добровольно явились в пограничный лагерь и возвратили большую часть добычи. Благодарные купцы уговорили храброго капитана принять от них золотой браслет прекрасной работы, который являлся украшением сокровищницы. Для истории следовало все записать. И, по инициативе Бартона, один из купцов, а именно Вази ад-Дин показал, что золотые и серебряные украшения, сосуды из золота, серебряные и золотые идолы, а также знаменитый браслет были ими куплены у жителей побережья Окса. Жители утверждали, что они найдены в одном месте и относятся ко времени Александра Македонского, а также, что часть сокровищ уже была ранее отправлена вице-королю Индии лорду Литтону.

В Равалпинди клад был продан перекупщикам, постепенно скуплен генералом А. Каннингхемом, затем попадает к коллекционеру У. Фрэнку и лишь от него переходит в Британский музей. При поступлении в Британский музей в 1897 г. эта коллекция была зарегистрирована лаконичной записью как «большое количество утвари и художественных изделий преимущественно из золота, присланных в Англию некоторое время тому назад с северо-западной границы Индии».

Сокровища Окса насчитывают без малого 200, главным образом, золотых предметов и почти полторы тысячи монет. Столетие спустя после находки они впервые демонстрировались в Государственном Эрмитаже, в стране, на территории которой некогда были обнаружены. В ответ в Британский музей была отправлена на экспозицию эрмитажная коллекция «Сибирское золото». Этот обмен выставочных коллекций был не случаен, так как стиль многих предметов и художественные особенности коллекции *«Сибирского золота» и «Амударьинского клада»* во многом перекликались и дополняли друг друга. Немало изделий было выполнено в так называемом скифском или сакском «зверином стиле», для которого характерно переплетение множества фигур в одном сюжете. Этот стиль был типичен для курганных памятников от Монголии и Горного Алтая, Тянь-Шаня и Памиро-Алая до Причерноморья.

Что же это за предметы?

Вот перед нами культовые статуэтки из золота и се-

ребра, миниатюрная модель полного комплекта колесницы, изображения на золотых пластинах жрецов, пара массивных браслетов со змеиными головками «звериного» стиля и тесно связанные с ними фигурки животных IV—III вв. до н. э., по происхождению явно из кочевого мира. Аналогичные предметы были обнаружены в курганных могильниках, так называемых «царских» погребениях саков, в Центральном Тянь-Шане И. Кожомбердиевым, в Турасуйском могильнике на Иссык-Куле В. Мокрыниным, Б. А. Литвинским и его таджикскими коллегами на Памире, А. Абетековым на Алае. Особенно близки между собою по стилю, форме изображения литой бегущий олень Амударьинского клада и такой же джейран из Иссык-Кульского кургана. Ноги обеих золотых фигурок на прямоугольных пластинках, в которых имеются отверстия для крепления. Причем джейранчик имеет характерную особенность: одна из его ножек была повреждена и в свое время «подреставрирована», правда, довольно неумелым ремесленником.

Аналогичный предмет из неграбленного кургана Иссык, близ Алма-Аты, позволил определить предназначение подобных украшений. Они служили навершиями остроконечного колпака сакских вождей. Это чисто сакские предметы ювелирного искусства, выполненные в реалистической манере.

В материальной культуре саков Прииссыккулья имеется еще ряд параллелей и аналогий с Амударьинскими сокровищами. В 1973 г. одним из авторов книги и В. Мокрыниным была обнаружена коллекция замечательных нашивок на одежду, случайно найденная школьниками у с. Барскаун. В коллекции имелись прямоугольные пластинки, которые по форме, размерам и орнаментации бордюра живо напоминали бляшки с изображением жреца из Амударьинского клада. Только изображение жреца было заменено на барскоунских пластинах изображением священного «древа жизни». Здесь же имелась и ступенчатая «зиккуратообразная» бляха. Точно такие же фигуры украшали щиток Амударьинского перстня.

Тесные связи между населением Киргизии и Северной Бактрии прослеживаются и по другим памятникам. В могильнике Тура-Суу В. Мокрынин нашел диадему, составленную из золотых сигмаобразных бляшек. Единственную аналогию ей можно найти лишь в диадеме из Тулхарского могильника, раскопанного А. Мандельштамом в Южном

Таджикистане. Все изделия несут на себе печать как местного производства, так и сильного греко-бактрийского влияния. Амударьинский клад содержит разнородные предметы, которые не позволяют точно его датировать. Предметы различны по художественному стилю, а монеты — различного времени. Это склоняет ученых к мысли, что сокровища Окса не были отдельным, единовременным кладом, а составлялись длительное время. Большинство же их можно отнести к IV—III вв. до н. э.

При обращении к кладу, который найден в Средней Азии, избавлен от грабителей в Афганистане и получил вторую жизнь в фондах Британского музея, перед исследователями стояло много вопросов. И один из первых — чем был клад для его последнего владельца. Либо это — остатки погребения, в котором вещи собраны по признаку ценности. Либо это — родовое сокровище, собиравшееся несколько столетий. Либо это — ценности родовитой бактрийской семьи, сокрытые, но не взятые обратно владельцами. Но, в любом случае, неоспоримым и убеждающим всех фактом является длительность собирания клада.

Можно предположить, что самые древние предметы из сокровищ, принадлежащие к VI в. до н. э., сформировались за пределами Бактрии. Не исключено, что их начал собирать в IV в. до н. э. один из предводителей войск Александра Македонского. Он участвовал в дележе добычи полководца и возил сокровища с собой, пока не осел в Бактрии. Второй этап пополнения сокровищ — в самой Бактрии. Это предметы, которые отличаются характерными признаками местного производства. Третий этап и третья группа драгоценностей связаны со степным миром кочевников. Либо клад мог достаться амударьинскому кочевнику, либо предметы искусства кочевого мира каким-то образом попали в сокровищницу бактрийца. Таким образом, ученые в кладе четко просматривают три компонента, три художественные школы или даже, можно сказать, три мира: эллинистический, местный бактрийский и горно-степной, кочевой.

В последний компонент, т. е. в горно-степной кочевой мир, мы на основании вышеперечисленных фактов вправе включить и высокогорные территории Памира и Тянь-Шаня. Вовсе не исключено, что среди сокрушителей эллинистической Греко-Бактрии и созидателей Кушанской державы были сакские племена, обитавшие на Памире. Однако окончательная разгадка тайны Амударьинского клада за учеными, и она еще впереди. Каждая новая наход-

ка, каждый новый раскрытый курган или тайник античного поселения приближает нас к разгадке этой тайны. Но теперь уже несомненно то, что традиции художественного искусства, заложенные местными народами Средней Азии, не исчезли, а были осмыслены, восприняты и развиты дальше последующими поколениями. И самое яркое доказательство этого — так называемое «золото Кушанской Бактрии» — драгоценности богатейшего некрополя около современного г. Шибарган в Афганистане, открытого советско-афганской археологической экспедицией в 1978 г.

...Пророчески прозвучало выступление на кушанской конференции в Душанбе ленинградского археолога А. Мандельштама. В своем рассказе о раскопках советскими учеными в Средней Азии курганов кочевников эпохи ранних кушан А. Мандельштам ратовал за настоятельную необходимость проведения целенаправленных археологических работ не только в советской Средней Азии, но и на территории Афганистана, Индии, Пакистана, где вероятность обнаружения кочевнических могильников велика, а их исследования позволили бы значительно конкретизировать наши представления о соотношении различных этнических элементов в Кушанском государстве [1].

Царский могильник Тилля-тепе

Прошло десять лет. И вот осенью 1978 года весь мир облетела весть об «открытии века» — сокровищах Тилля-тепе в северном Афганистане, не так далеко от верховьев Амударьи. Сотни рабочих-землекопов трудились над расчисткой храма конца II тыс. до н. э. Неожиданно лопата вывернула золотые украшения, относящиеся явно к более позднему времени, к кушанской эпохе. Впускные погребения нарушали античные слои, но так как и храм, и некрополь позже были засыпаны песками и землей и не оставили внешних признаков, то они чудом сохранились неразграбленными. Это оказался царский могильник с фантастически богатыми погребальными предметами. Руководитель экспедиции с советской стороны, доктор исторических наук В. Сарианиди высказал предположение, что это были захоронения местных правителей, которые, предвидя последующее ограбление и осквернение могил предков, тайно хоронили своих соплеменников на заброшенном к

[1] Мандельштам А. М. Происхождение и ранняя история кушан в свете археологических данных. В кн.: Международная конференция по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху.— Тезисы докладов и сообщений советских ученых. М., 1968, с. 39.

этому времени городище[1]. На глубине одного метра под деревянным настилом и плетеными циновками лежали костяки, буквально усыпанные золотыми украшениями.

Затаив дыхание слушали мы рассказ В. И. Сарианиди о раскопках Тилля-Тепе на всесоюзной конференции в Эрмитаже, посвященной памятникам древнего и средневекового искусства Киргизстана в июне 1983 г.

За сезон было раскопано 7 могил царского некрополя, в которых обнаружено свыше 20 тыс. золотых изделий, в том числе крупные предметы художественного искусства, такие как короны, подвески, ожерелья, пекторали, браслеты, перстни, ножи, кинжалы и пр. На многих ювелирных изделиях ярко прослеживается греческое влияние, эллинистические традиции, которые уходили своими корнями в греко-бактрийский мир, т. е. мир амударьинских сокровищ. Но монеты, найденные в могилах, как золотые, так и серебряные, были чеканены в Риме, Парфии, Индии, что и позволило довольно точно датировать захоронение рубежом нашей эры, т. е. эпохой великих кушан. Не исключено, что именно в районе современного г. Шибарган в Афганистане находилась резиденция одного из правителей кушан ранней эпохи, пришедшего сюда из среднеазиатских пределов.

Поселившись за высокими стенами античного города Емши-тепе, представители бывших кочевников, ставшие правителями государства, здесь же хоронили своих умерших предков с ослепительным, поистине варварским великолепием. Наряду с привозными изделиями в погребениях множество золотых фигурных бляшек явно местного происхождения. Особенностью последних является синкритический стиль, соединяющий эллинистическое влияние греко-римского мира с искусством горных и степных кочевников, так называемым «звериным стилем» саков. Здесь же встречаются зооморфные изображения, фантастические драконы, целые художественные композиции. Вот золотые нагрудные застежки, на одной из них древний воин в полном боевом облачении, у ног дракона, в головах птицы с развевающимися лентами. На второй застежке — крылатые амуры. А вот золотая бляшка с изображением человека, на плечах которого покоится дельфин. Рядом золотая подвеска, в центре ее фигура кушанского правителя, борющегося с двумя драконами, ниже на золотых

[1] Сарианиди В. И. Сокровища Золотого Холма. — В кн.: Наука и человечество. 1983, с. 65—80.

цепях свисают круглые золотые бляшки. Вероятно, в качестве печатки использовалась литая золотая бляшка с изображением богини Афины. Золотая грива и застежка, отлитые в виде двух половинок с одинаковым скульптурным изображением воина, напоминают греческого бога войны Ареса. Примечательна золотая пластина с барельефным изображением поверженной лошади, на которую напали два разъяренных крылатых дракона.

Все сокровища были тщательно расчищены, пронумерованы и надежно упакованы для транспортировки. Находки сразу же заняли достойное место на стендах Кабульского национального музея. Это был самый значительный в стране и уникальный по своей коллекции музей, которому вполне могли позавидовать многие крупнейшие музеи мира. В больших залах двухэтажного особняка располагалась экспозиция памятников культуры доисторических времен Бактрии и эллинизма, Кушан и буддизма, ислама. Летом 1978 г. было заключено соглашение между Кабульским музеем и Государственным музеем народов Востока СССР, предусматривающее дальнейшее сотрудничество по исследованию античных ценностей.

Раскопки, поведавшие миру о богатейших погребениях первых кушанских правителей, неожиданно и ярко приоткрывшие одну из ранних страниц истории государства кушан, так многообещающе обнадежившие ученых всего мира, после прихода к власти предателя афганского народа Амина были приостановлены. Более того, с истинным вандализмом поступили с Тилля-тепинскими находками. По приказу из резиденции Амина — дворца «Гольханэ» — помещение музея передавалось генеральному штабу армии. Срочно, в течение суток следовало «очистить» музей. Лихорадочно упаковывались в подручные средства бесценные античные скульптуры, старинное оружие, уникальные археологические находки, в том числе и сокровища Тилля-тепе. Отныне им отводился так называемый «дом Наима» — тесное здание в бывшем королевском дворце. Ящики в беспорядке свалили у здания и ... «забыли» о них. Но не все. Грабители и нечистые на руку дельцы были тут как тут. Часть экспонатов перекочевала во дворец Амина и позже оказалась за границей.

Сразу после падения режима узурпатора власти Амина в январе 1980 г. по решению правительства ДРА была срочно организована особая государственная комиссия, одна из задач которой заключалась в выяснении судьбы сокровищ Тилля-тепе. Комиссия установила, что некото-

рые уникальные предметы некрополя: золотые украшения, браслеты, украшенные головками хищных животных, массивные золотые пряжки, подвески и пр.— через кабульских антикваров были перепроданы за огромные суммы за границу. Наглым и беспрецедентным по своим масштабам грабежом национальных богатств назвал эту акцию вандализма аминовского правления министр информации и культуры ДРА, заклеймив ее как характерную черту кратковременного зловещего правления клики Амина. Лишь после того, как начался второй этап революции и народ снова взял власть в свои руки, сокровища Тилля-тепе были снова водворены на место и стали достойным украшением экспозиции древнейшего искусства народов Афганистана. Что же касается ценностей, следы которых ведут за границу, то им место также лишь на стендах Кабульского музея. Только афганский народ имеет на них полное и законное право.

Сокровища Тилля-тепе были открыты десятилетие спустя после кушанской конференции в Душанбе, где на выставке экспонировались уникальные предметы другого неограбленного могильника, открытого в 1954 году в Киргизии.

Синхронный некрополю Тилля-тепе могильник Кара-Булак (I—IV вв. н. э.) расположен на территории Баткенского района Ошской области. Этот могильник — чрезвычайно редкое явление в практике археологов. Ценность его в том, что могильник представлен не царскими, а рядовыми захоронениями. Специфические климатические условия — лессовая почва, предгорные склоны, сухой климат — создали природную среду, способствующую даже естественной мумификации. Сохранилось дерево, обрывки шелковой расписной ткани, мумифицированные погребения. Исключительно многообразный погребальный инвентарь характеризует рядовую, а не пышно-ритуальную культуру кочевников периферии Кушанской империи. Но встречаются также и высокохудожественные предметы ювелирного производства. В частности, ручка бронзового зеркала в форме женской фигурки, небольшие бронзовые статуэтки, оригинальные керамические изделия, плетеные корзинки и пр. Они перекликаются в определенной мере с предметами из некрополя Тилля-тепе, во всяком случае, принадлежат к единой культуре кушанского мира. Могильник в 1950-х годах начал раскапывать археолог Ю. Д. Баруздин, позже, уже в 70-х годах, раскопки продолжил В. П. Мокрынин.

Курганы Алая

А что же в это время в культурном, этническом и политическом плане представлял Памиро-Алай? Нам пришлось четыре полевых сезона (1961—1962 и 1966—1967 гг.) участвовать в раскопках разнохарактерных курганов Алая, оставленных кочевниками VI в. до н. э.— VII в. н. э. К сожалению, все материалы Ю. Д. Баруздина сгорели во время аварии машины, а результаты раскопок отряда А. К. Абетекова, продолжившего пятилетие спустя раскопки на Алае, так полностью и не опубликованы. Поэтому обратимся к дневниковым записям, которые вел один из авторов (В. Плоских) во время этих работ. Попытаемся по этим кратким и далеко не отчетным в научном плане записям, а также используя другую имеющуюся литературу, представить картину исторического прошлого края в это время.

В работе археологического отряда Ю. Д. Баруздина принимали участие: В. Плоских, В. Мокрынин, Л. Андреева, художник С. Ф. Мохов, студенты КГУ Р. Ковалева и Л. Крапива, ученики фрунзенских школ А. Соколов, М. Сафаргалиев, Н. Малый, Н. Князев, П. Курилин, В. Жердев, А. Гендель, Т. Горбунова. В первый же год разведочными маршрутами удалось охватить все основные ущелья и урочища восточной части долины, выявить около 15 могильников и раскопать в семи пунктах свыше 100 разновременных курганов.

В юго-западной припамирской зоне были частично раскопаны могильники: Кургак, Нура, Билиули. В могильнике Кургак, что на правом берегу р. Кызыл-Су, в одноименном узком ущелье, было всего 20 каменных курганов. Из них раскопали 11. Это обычные курганы среднего размера (диаметром метра в три), оконтуренные круглой оградкой из больших камней. Немало встретилось и так называемых кенотафов, или жертвенных мест, без каких-либо признаков захоронения. Так, считают археологи, делалось, когда соплеменник умирал где-то далеко на чужбине, обычно в боевом походе или сражении. В других курганах был обнаружен ординарный материал: керамика, бусы и другие украшения. Все курганы оказались ограбленными еще в древности, и археологам достались лишь жалкие крохи с обильного «стола» древних грабителей.

Другой могильник, Нура, расположен у впадения р. Нура в р. Кызыл-Су (кашгарскую) в нескольких километрах от населенного пункта Иркештам. В могильнике насчитали 50 разновременных каменных курганов, разбросанных по обоим склонам бурной речки.

Могильник Туюк расположен на правом берегу р. Гульча (145 км шоссе Ош — Хорог, связывающего Ферганскую долину с Памиром). Он является наиболее крупным среди известных курганных могильников Алая. Он содержал свыше 150 курганов, размеры которых достигают 40—50 м в диаметре при высоте 4—5 метров. Здесь нанесли на план курганы четырех типов: 1 — большие земляные курганы с рвом по основанию и большой воронкой в центре; 2 — земляные курганы полусферической формы; 3 — каменные оградки прямоугольной формы; 4 — невысокие каменные наброски.

Раскопали 17 разновидных курганов.

Туюкский комплекс величественных курганов позволяет нам высказать предположение, что именно здесь находилась в древности верховная ставка вождей могущественного племенного союза воинственных кочевников. При раскопках нашли несколько костяных накладок на лук древнего охотника или воина (по аналогии определили датировку — рубеж н. э.). В одном из курганов нашли верхнее колесо от жернова — домашней мукомолки. Следовательно, кочевник уже более 2-х тыс. лет назад занимался и земледелием в припамирских районах. Но больше всего мы пришли в восторг, когда под щеточкой одного из школьников блеснула настоящая золотая серьга древней модницы. То ли грабители ее не заметили в темноте, то ли обронили в спешке, но теперь золотая серьга была призвана уже служить науке. По аналогии с другими ювелирными изделиями можно было судить о связях населения Алая с другими районами Ферганы, Тянь-Шаня, Памира.

Мы были в этой местности впервые. Но дикие утесы, глубокие расщелины и редкие кустарники Туюка напоминали что-то хорошо знакомое, казалось бы уже где-то виденное. Позже один из встреченных аксакалов сказал, что именно здесь снимался знаменитый фильм «Джульбарс». Мы так и не проверили, насколько это правда, но как-то сразу поверили в это, и воспоминание о Туюке навсегда осталось связанным с «Джульбарсом».

Могильник Кашкасу зарегистрировали к западу от перевала Талдык, в узкой долине, образованной реками Талдык и Кашкасу. Насчитали свыше 200 курганов трех типов: каменные прямоугольные или овальной формы, иногда с несколькими стоящими камнями; каменные с воронкой в середине, земляные курганы. Раскопали 8 курганов, среди которых оказалась одна катакомба — глубо-

кое захоронение с юртообразным углублением, к которому подведен длинный ход — дромос.

На второй год (1962) разведочными маршрутами были охвачены нижнее и среднее течение рек Кок-Су и Кызыл-Су, ущелье Караванкуль. Перед нами то ослепительно блестел на солнце, то покрывался тяжелыми серыми тучами величественный пик В. И. Ленина — одна из величайших вершин Памира. То и дело проезжали группы альпинистов, прибывших на покорение пика. А мы в предгорных урочищах разыскивали, наносили на карту и выборочно раскапывали двухтысячелетней давности курганы — памятники давно прошедших эпох, нарушенные древними грабителями — любителями легкой наживы. Среди многочисленных курганов различной величины на загоревших до черного блеска валунах встретили три группы наскальных рисунков. Их некогда оставили на кочевых тропах древние жители. Традиционные козлики, примитивные человечки, сцены охоты — вот неприхотливые сюжеты рисунков древних художников. Они в большом количестве встречаются в Фергане и на Тянь-Шане, гораздо в меньшем — в горах Памира. И вот мы впервые их обнаружили на древних кочевых тропах, связывавших Фергану с Памиром.

Интересны и, без сомнения, особо ценны в исторической перспективе были курганы урочища Караванкуль (буквально — «караван рабов»). Само название говорило о его назначении в старинные времена — караванная дорога. Это было ущелье длиною в 26 километров, по которому проходили торговцы и кочевые орды из Ферганы в Восточный Туркестан. Исследователи считают, что именно здесь должна была пролегать трасса знаменитого «шелкового» пути на рубеже нашей эры. В урочище зарегистрировали более 15 групп курганных могильников. Привлекла внимание группа из 14 курганов, расположенных сразу после спуска с перевала в местность Икизяк. Нас встретили памирские охотники за архарами. Здесь же находились и их трофеи — несколько освежеванных горных баранов, которыми так знамениты высокогорья Памира и Тянь-Шаня. Попытались было принять участие в охоте и сотрудники археологического отряда, но тягаться с профессионалами, охотниками Памира, было не под силу. Местные жители сами легко, не хуже горных козлов, прыгали по крутым склонам, и вскоре мы потеряли их из виду. Лишь далекие выстрелы, громким эхом отозвавшиеся по урочищу, показали, что охотники настигли добычу.

Увидели и стадо спугнутых архаров, быстро уходящих вверх по крутому склону урочища.

Охотники поведали, что курганы до нас никто не раскапывал, и вообще — они в горах встречали одних геологов. Нас тоже первоначально приняли за геологов, даже потребовали предъявить документы — ведь граница была буквально в двух шагах.

Первичные выводы, к которым пришел Ю. Баруздин после двухлетних раскопок, заключались в следующем:

— основными носителями культуры большинства курганов Алая были сакские племена;

— открытие погребений в каменном ящике свидетельствовало о непрерывном пребывании населения в этом припамирском районе с эпохи бронзы до железного века;

— наличие расписной керамики, датируемой V—III в. до н. э., позволяет говорить о культурных связях Ферганы через Алай с Памиром, но ограниченное число памятников с такой керамикой — о проникновении лишь небольшой группы племен, носителей этой культуры, на Алай, либо об их «транзитном» шествии через Алай на Памир.

К сожалению, ни обобщить, ни опубликовать материалы раскопок Ю. Д. Баруздин не успел. Работы, рассчитанные как минимум на пять лет, только начинались, исследования лишь разворачивались, и никто не думал о трагическом конце руководителя отряда.

Через пять лет раскопки курганов Алая продолжил киргизский археолог А. К. Абетеков, с которым нам пришлось работать уже как «ветеранам» Алая. Прошли по уже знакомым маршрутам, фиксировали новые памятники, проводили выборочные раскопки. Все тот же Туюк, тот же Караванкуль, могильник Джалпак-Добе в урочище Демей, Дараут-Курган и др. Первоначально не отличались новизной и находки. Вот железный акинак — короткий сакский меч, плоские и треугольные наконечники стрел, бронзовые и железные ножи, костяные накладки лука, керамические и деревянные чаши — предметы вооружения и быта древних кочевников. О наклонностях и интересах древних модниц поведали бронзовые зеркала, серебряные и золотые серьги, бронзовые кольца и булавки для зажима волос, многочисленные россыпи бус, каменные палочки для подкрашивания бровей — сурьма-таш — и другие украшения, нередко с довольно изящной отделкой и приятной формы.

Но основная находка, сенсация раскопок, произошла

несколько позже, когда экспедиция уже сворачивалась. Многие участники разъехались, и лишь неутомимый А. К. Абетеков дочищал последний курган.

Небольшое урочище Демей в 25 км от перевала Талдык асфальтированной трассы Ош — Хорог. Здесь в 1962 г. отряд Баруздина раскопал 15 курганов, но ничего примечательного они не принесли. Абетеков решил вскрыть еще десяток курганов из окружающей сотни. Сенсацию принес восьмой курган. Он оказался единственным ограбленным курганом и сторицей воздал долготерпению археологов.

Но последуем за рассказом самого А. К. Абетекова, поведавшего о примечательном кургане в сборнике «По следам памятников истории и культуры Киргизстана».

Античная ваза Алая

Это был катакомбный курган с нетронутым дромосом, т. е. входной ямой. Катакомба представляла собой как бы маленькую полую юрту неправильной формы, размерами 2 на 1,2 м и высотой около метра. Дно ее когда-то устилали арчевые доски, на них вместо костяка захороненного лежал небольшой деревянный брусок в четверть метра длиной, конец которого увенчивала миниатюрная маска; глаза, ноздри и рот очерчивались прорезями.

Обычай захоронения знатных вельмож с золотыми масками, наложенными на лицо, был не массовым явлением, но и не единичным фактом. Золотые маски были обнаружены еще ранее, в 1958 г., в Шамшинской катакомбе у склона Чуйского Ала-Тоо, в Кетмень-Тюбинских могильниках Центрального Тянь-Шаня. Так что аналогии имелись. Не уникальными были и другие украшения: золотые серьги, перстни, медальоны, инкрустированные гранатовыми камнями, золотые лепестки для нашивки на одежду и прочие украшения. Сохранились даже фрагменты шелковой ткани с золотым узорным шитьем. Хронологический диапазон бытования подобных украшений в кочевой среде был очень велик и достигал полутысячелетия. Большинство исследователей начинают их датировать рубежом нашей эры. Они перекликались и вполне могли оказаться в золотом кургане Афганистана — Тилля-тепе, или быть в Амударьинском кладе, могли быть вскрыты в могильнике Памира или Центрального Тянь-Шаня.

Все это были хоть и примечательные, но вовсе не уникальные в своем роде находки. Если бы не ... уникальное произведение античного искусства — узорная стеклянная ваза, боковые выступы-ручки которой представляли собой

мастерски отлитые головки львов. Стеклянная античная ваза III—IV вв. н. э.! Явно предмет эллинистической культуры с богатым резным декором, ручками в виде львиных головок, впервые найден в припамирском районе. Первооткрыватель кургана А. К. Абетеков пришел к заключению, что обнаружение позднеантичной вазы в комплексе с чисто кочевническими предметами украшения в едином кургане — свидетельство взаимосвязей, взаимодействия и взаимообогащения древних культур обширных регионов [1].

Известный исследователь археологии Памиро-Алая А. Н. Бернштам, за три десятилетия до этого производивший раскопки курганов на Алае, писал, что Тяньшано-Алайский массив нельзя было оставлять в тылу на трассе торгового пути, его нельзя было обойти, потому что прокладывался путь, связывающий Запад с Востоком. Именно поэтому подступали к нему, пытались овладеть все завоеватели прошлого, от Александра Македонского до Тимура и кокандских ханов[2].

Алайские курганы начала первого тысячелетия н. э., раскрывающие свои тайны, также, возможно, следы больших международных связей кушанской эпохи, в которой не последнее место оставалось еще за кочевым миром.

В науке так и случается: чем больше открытий, тем больше новых вопросов они ставят перед исследователями. Открытие кушанского мира, заполнив страницу мировой истории, поставило перед учеными столько новых вопросов, выявило столько неизвестных лакун и белых пятен, что их исследование не только не сворачивается, а наоборот, все более расширяется. И каждый год археология приносит все новые и новые открытия. Памиро-Алай также не исчерпал своих возможностей. Раскопки следует продолжать. Еще ждут своего исследования курганы тюркских кочевников, начавших продвижение на Запад в середине первого тысячелетия н. э. Единичные каменные изваяния, обнаруженные на Алае, показывают, что в это время и на Памире появляются первые признаки тюркской культуры.

Перекличка археологических предметов, ювелирных сокровищ, обнаруженных в Киргизии и Афганистане и вновь заигравших, но уже не на одежде и оружии древ-

---

[1] По следам памятников истории и культуры Киргизстана. Фрунзе, 1982, с. 32—35.

[2] Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, МИА, № 26. М.—Л., 1952, с. 14.

них, а в витринах музейных экспозиций — свидетельство некогда общих корней культуры, ощутимые следы тесных взаимосвязей народов, издревле населявших территорию Тянь-Шаня, Памиро-Алая и Гиндукуша, современных Киргизской ССР и Демократической Республики Афганистан.

Глава III.

ЗАСЕЛЕНИЕ ПАМИРА КИРГИЗАМИ

Гипотезы

Изучение вопроса о заселении киргизами Памира связано с рядом трудностей. Отсутствуют, например, письменные источники, прямо свидетельствующие об этом. Отдельные факты, которыми располагают ученые, не все в равной степени достоверны. Некоторые из них можно проверить лишь косвенными свидетельствами. Поэтому среди исследователей нет единого мнения, и нам приходилось искать свое решение вопроса о заселении Памира киргизами. В литературе до последнего времени дискутируются самые различные точки зрения. Дело в том, что непосредственно письменных источников у коренного населения не имелось. Отсутствуют сведения о раннем этапе заселения Памира и у других соседних народов; фольклорные материалы, местные предания и генеалогии дают скорее мифологическую картину и могут быть достоверны, в лучшем случае, до «седьмого» колена предков.

Если обратиться к научной литературе, то оказывается, что большинство ученых связывает появление киргизов на Памире с XVII в., когда под давлением ойратских захватчиков киргизы с Тянь-Шаня были частично вытеснены в Фергану, на Памиро-Алай и в Восточный Туркестан. Ссылаясь на восточные источники, в частности, на широкоизвестное компилятивное сочинение XVII в. Махмуда ибн Вали «Бахр ал-асрар» — «Море тайн», В. В. Бартольд писал, что первые 12 тыс. семейств киргизов, «считавшихся кафирами», под начальством двенадцати предводителей зимой, в месяце раджабе 1045 г. хиджры, (что соответствует декабрю 1635 — январю 1636 г. европейского летосчисления), через труднопроходимые перевалы Каратегинского хребта (высота до 4 тыс. м) прибыли в Гиссар и были приняты там узбекским правителем Балха.

Другие историки, в частности, Н. Я. Бичурин, В. Шотт, Ч. Валиханов, А. Левшин, ссылаясь в основном на китайские источники, относят появление киргизов на Памире к древнейшим временам, отождествляя этноним «киргиз» с термином «булу» или, в китайском произношении, «пулуфулу», т. е. «бурут»[1]. Бурутами в некоторых источниках, в том числе и в русских, в XVIII в., да и в XIX в., называли иногда киргизов.

Наличие столь больших хронологических расхождений и взаимовключающих мнений объясняется прежде всего сложностью самого процесса этногенеза киргизского народа, дискуссионностью до последнего времени этой крупной проблемы.

Учитывая все это, попытаемся рассмотреть вопрос о происхождении киргизов, расселении их по Тянь-Шаню и Памиру, проанализировать источники, позволяющие рассмотреть гипотезу о пребывании киргизов на Памире с первого тысячелетия н. э. Попытаемся разобраться в этом запутанном и многогранном процессе.

Ранние письменные источники

Впервые сведения в письменных источниках о киргизах в переводе с китайского на русский язык были представлены Н. Я. Бичуриным. Николай Яковлевич Бичурин (в монашестве — О. Иакинф) возглавлял 14 лет православную духовную миссию в Пекине, собрал и перевел основные сведения китайских летописей о среднеазиатских народах, заложив таким образом основы научного их изучения. Уже в древних китайских исторических сочинениях в разных написаниях встречается этноним гэгунь, гяньгунь, кигу, гэгу, хэгусы, хягясы [2].

Большинство китайских и европейских ученых видят в этих названиях этноним «киргиз». Однако существует также мнение, что это — название другого, самостоятельного народа — предков современных хакасов.

Впервые понятие «гэгунь» встречается в «Исторических записках» Сыма Цяня (сост. в конце II в. до н. э.) в связи

---

[1] См.: Маанаев Э. Памирские киргизы. Фрунзе, 1963.

[2] См.: Яхонтов С. Е. Древнейшие упоминания названия «киргиз».— Советская этнография, 1970, № 2, с. 110—120; Петров К. И. К этимологии термина «кыргыз» и Баскаков Н. А. К вопросу о происхождении этнонима «кыргыз».— Советская этнография, 1964, № 2; Кызласов Л. Взаимоотношение терминов «хакас» и «кыргыз» в письменных источниках VI—XII вв.— Народы Азии и Африки, 1968, № 4; Караев О. К вопросу о терминах «кыргыз» и «хакас».— Народы Азии и Африки, 1970, № 4.

с событиями, происходившими в 201 г. до н. э. Они связаны с образованием гуннского племенного союза, который подчинил себе громадные территории от Монголии до Восточного Памира. В начале II в. до н. э. гунны покорили в числе других народов киргизов — гэгунь, проживавших северо-западнее Монголии. Ученые считают, что это были енисейские киргизы.

Китайские исторические хроники имеют важное значение для изучения прошлого, истории древних народов Центральной и Средней Азии. Но традиционное изложение сведений в летописях со всеми феодальными концепциями требует чрезвычайно критического подхода в их использовании. Особенно это касается так называемых китаецентристских теорий, довлевших над придворными историографами.

Китаецентристская политика подразумевала подчинение всех соседних и отдаленных народов и стран «Сыну Неба» — китайскому императору, богу на земле, управляющему якобы Вселенной. Если же кто из них не хотел признавать себя вассалом Китая, то по отношению к ним была оправдана сила для подчинения. Подобное обоснование экспансионистско-агрессивной политики в отношении некитайских народов характерно для древних и средневековых исторических сочинений Китая, в которых разные народы и страны называются «вассалами» императора, хотя они в действительности не имели даже дипломатических сношений. Поэтому при использовании китайских источников нужен особо осторожный, критический подход.

Последний раздел «Исторических записок» — «Жизнеописания, повествования» — включает, помимо биографий полководцев и дипломатов, историко-этнографические сведения о Средней Азии и Восточном Туркестане вплоть до Памира.

Основу главы «Повествования о Давани» составляют сведения, собранные путешественником и дипломатом Чжан Цянем, который дважды побывал в «западных землях». Император У-ди посылал его с разведывательными целями для предстоящей экспансии в Средней Азии и одновременно для создания возможной коалиции против гуннов. Чжан Цянь побывал в плену у гуннов и возвратился лишь через десять лет, собрав много сведений о «западных странах».

Чжан Цянь достиг Давани (Ферганы), проезжал через Большие юэчжи, был в государстве Дася (Бактрия), Кан-

гюе, в Западном Тянь-Шане, и по расспросным данным собрал сведения еще о соседних пяти-шести государствах юго-западного Тянь-Шаня. Особое внимание обращал Чжан Цянь на хозяйство, обычаи местного населения, его вооружение и численность войск.

В главе подробно описан завоевательный военный поход ханьского генерала Ли Гуанли против царства Давань, который так охарактеризован в «Истории ранней династии Хань»: «Ли Гуанли, занимавший должность Эршиского военачальника, потерял 50-тысячную армию, сгубил огромные средства и в результате четырехлетних трудов приобрел всего лишь 30 хороших лошадей. Хотя он отрубил голову правителю Давани Угу, это не возместило сделанных расходов...» [1]

Собранные Чжан Цянем и другими китайскими послами сведения о народах Восточного Туркестана, Тянь-Шаня (усунях и Кангюе), а также Средней Азии в целом имеют чрезвычайно большую ценность. Их неоднократно повторяли и компилировали другие китайские авторы вплоть до средневековья. Они используются почти без исключения всеми историками, этнографами и археологами, пишущими о древнем и средневековом периоде Средней и Центральной Азии.

После I в. в китайских источниках нет сведений о киргизах вплоть до VI в., времени образования Тюркского каганата. Источники по этому периоду — «История династии Суй» и «История династии Тан» — сообщают уже обширные сведения о владении Хягяс («киргизов») на Енисее.

Главные торговые и дипломатические кантакты киргизов, как сообщают источники, шли в двух направлениях: на запад в Среднюю Азию и далее в Восточный Туркестан и на юг с ответвлениями в Восточный Туркестан и империю Тан. Киргизы поддерживали торговлю и мирные отношения с этими странами. Не исключено, что они сами, либо их посланцы доходили уже в первом тысячелетии до припамирских районов, а возможно, и самого Памира. Это косвенно подтверждается редкими находками на территории Енисея изделий из бадахшанского лазурита, сердолика и бирюзы.

---

[1] Бань Гу, Хань шу (История Ранней династии Хань), гл. 70. Жизнеописание Чэнь Тана.— В кн.: Материалы по истории сюнну (по китайским источникам), вып. 2. Предисловие, перевод и примечания В. С. Таскина. М., 1973, с. 133.

Население Памира

Сведений о населении Памира второй половины первого тысячелетия новой эры явно недостаточно, чтобы считать этот вопрос удовлетворительно освещенным. Коренное население Памира сложилось из ряда миграционных волн, шедших в основном с Запада (территории современного Афганистана, Ирана) и северо-востока (современных Таджикистана и Киргизии). Таким образом, коренное население Памира сложилось из припамирских народностей на базе индо-иранских, к которым несколько позже присоединились тюркские группы племен. Представители индо-иранских народностей — язгулемцы, рушанцы, шугнанцы, ваханцы; тюркских — киргизы, узбеки, уйгуры, в многовековом процессе взаимовлияния выработали некоторые общие черты хозяйственной деятельности и основных элементов материальной и духовной культуры. Но в основе, как разные народности, они сохранили отличительные особенности в хозяйстве и быту. Первым была присуща оседло-земледельческая деятельность, вторым — кочевое скотоводство. И это традиционно сохранялось в течении многих веков.

Таким образом, в этногенезе каждой из припамирских народностей участвовали как местные, аборигенные племена, так и пришлые, родственные между собой этнические элементы. И эти миграционные процессы с глубокой древности продолжились буквально до XIX в.[1] В них участвовали как протокиргизские племена, так и племена, позже вошедшие в состав киргизской народности.

Что об этом говорят средневековые источники?

Средневековые сочинения VI—XIII вв. также позволяют принять предположение о проживании отдельных киргизских племен в это время на Тянь-Шане и Памиро-Алае. В них термин «киргиз» («хергис») встречается впервые в описаниях событий 569 г., рассказывающих о приеме тюркским ханом Дизабулом византийского посла Земарха в горах Тянь-Шаня. В дальнейшем этноним «кыргыз» и исторические данные о них встречаются в древнетюркских надписях (VI—VIII вв.), в трудах арабских и персидских авторов IX—X вв.

Согласно данным восточных историков-географов, часть киргизов в X в. жила на Тянь-Шане, примыкала к Памиру.

---

[1] См.: Моногарова Л. Ф. Этнический состав и этнические процессы в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР.— Страны и народы Востока, вып. XVI. Памир. М., 1975, с. 178.

Крупнейшим географическим трудом X в. н. э. является «Книга путей и стран» арабского писателя ал-Истахри, составленная около 987—988 гг. Автор использовал сочинение ал-Балхи, дополнив его личными наблюдениями и сведениями из других источников. Ал-Балхи был уроженцем Балха, а это значит, что он хорошо знал близлежащие припамирские области. Поэтому сведениям источника можно доверять.

Что же говорит Истахри? «...Если пойдешь от восточных пределов наперерез к западной границе по земле ат-Тубет (т. е. Тибет) и пройдешь по земле тугузгузов и хырхызов через те земли, которые находятся за землями кимаков до моря, то это будет около 4 месяцев пути... Хырхызы живут между владениями тугузгузов, кимаков, океаном (так в источнике названо Аральское море — авт.) и землей хазладжей» [1]. Далее автор описывает расселение других племен, называет отроги среднеазиатских гор, которые смыкаются с Памиром, сообщает об известных средневековых рудниках. «...И эти рудники, которые находятся в Усрушане, Фергане, Илаке, Шельджи и Лабане до страны хырхызов — все они находятся в главном хребте этих гор и в тех горных цепях, которые примыкают к нему».

Данные, как видим, свидетельствуют о проживании киргизов, по крайней мере в припамирских районах, уже в X столетии. Это подтверждается и другим источником — сочинением Мухаммеда Наджиба Бекрана «Джехан-намэ» («Описание мира»), написанном в XIII веке для хорезмшаха. В десятой главе можно прочитать: «Большая гора выступает из пределов Тарчистана (т. е. Афганистана — авт.) и Гур, тянется мимо Бамияна и Пенджехира и достигает городов Вахана. Название ее мы находим неопределенным. Она является внешней стороной — спиной Тибета и так разделена, что большой отрог ее вдается в Туркестан вплоть до границы киргизов и продолжается до пределов Чина (т. е. Китая). Другой отрог поворачивается в направлении Хатлана и достигает предела Ферганы, затем доходит до Джебал и Сим Серебряных гор, что вблизи от города Ашрусте. И таким образом идет до пределов Бухары». Далее указывается, что «пустыня, которая начинается у Ашрусте (Усрушаны) и тянется до Ферганы вблизи от киргиз, расположена сбоку от этой горы. В этой горе много

[1] Ал-Истахри. Китаб Масалик Ал-Мамалик (перев. в рукоп. фондах отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР), инв. № 1820, с. 21—24.

рудников, особенно у пределов Ашрусте,— так что эти горы называют Серебряными».[1]

Ал-Истахри в свое время подчеркивал: «Усрушана — название области, так же как и Согд — название области, и нет там города с этим названием. Большая часть ее — горы. Граница Усрушана: с запада границы Самарканда, с севера Шаш (Ташкент) и часть Ферганы, с юга часть пределов Киша Саганяна, Шумана, с востока — часть Ферганы»[2]. Из всего этого можно высказать предположение, что Бекран упоминает территорию, принадлежащую памирским киргизам. При этом можно еще привести заключение акад. В. В. Бартольда о расселении тогузгузов в X в. в Восточном Туркестане, а как упоминает анонимный источник этого времени «Худуд ал-Алам» (букв. «Границы мира»), киргизы были не только северными, но и западными соседями тогузгузов[3]. Источник заслуживает внимания, к нему обращаются все, изучающие историю среднеазиатских народов IX—X вв. «Худуд ал-Алам» был составлен в 982 г. В нем систематизируются данные орографии Памира и прилегающих областей. Автор описывает в общих чертах горные системы и население сопредельных областей — Болора, Шугнана, Вахана, Бадахшана и Тохаристана[4].

Для выяснения вопроса о времени пребывания киргизов на Памире большой интерес может представлять также сочинение XI в. «Тарих ал-Камиль» Ибн ал-Асира. Повествуя о событиях в северном Афганистане (Памире) и сопредельных областях Индии, Ибн ал-Асир упоминает эмира Хирхиза — одного из крупных газневидских военачальников. В противоборстве с хорасанским султаном он вышел победителем и захватил огромную добычу. Эти данные свидетельствуют, что уже к XI в. некоторая часть киргизских племен, возглавляемая родоплеменными вождями, проникла в пределы Газневидской державы. Газневидское государство (X—XII вв.) в период своего могущества включало территорию современного Афганистана, ряд об-

---

[1] *Мухаммед Наджиб Бекран. Джехан намэ* (перевод извлечений). Рук. фонд отд. обществ. наук, инв. № 1947, л. 12, 14.

[2] Извлечение из «Китаб Масалик Ал-Мамалик» Ал-Истахри. Материалы по истории киргизов и Киргизстана. Сб. III (арабские источники), *рукоп. фонды отд. общ. наук АН Киргизской ССР, инв. № 1820*, с. 23.

[3] Бартольд В. В. Киргизы. Соч., т. II, ч. I. М., 1963, с. 492.

[4] Hudud al-Alam. By V. Minorsky. London, 1937, p. 63.

ластей Средней Азии, Ирана и Индии. При Махмуде Газневи в составе государства был и весь Памир.

Высказывается предположение, что часть киргизских племен или родов находилась на службе газневидских султанов, войска которых, как видно из мемуаров Аб-уль-Фазля Бейхаки, были созданы по принципу представительства родов и племен[1].

Киргизы — христиане!

Татаро-монгольское нашествие оставило свой след и в истории Памира. Дойдя до высочайших горных пиков, Чингисхан оставил здесь своих «соратников, которые не способны были более к походам»,— писал в свое время известный русский путешественник М. И. Венюков[2]. С татаро-монгольскими продвижениями связано и одно из первых упоминаний о христианстве среди киргизов Памира. Крайне интересно сообщение Б. Майтова об этом, к сожалению, без указаний на первоисточник сведений. Приведем это свидетельство. «В 1218 г. один из киргизов, князь рода найман, принял христианство несторианское. Судя по найденным нами остаткам вырубленных наскальных надписей и вникая в суть теперешней религии «пянджтень», христианство шло с правого берега Пянджа (Шугнана и Вахана), который еще Истахри (914 г.) причислен к странам нечистых кафиров. Несчастного князя-киргиза со всеми его приверженцами казнили. То были первые мученики за Христа на Памирах. Около этого же времени Памир с Кашгаром достались Джагатаю, сыну Чингисхана...»[3]

В настоящее время монголы, как потомки того родоплеменного объединения, не встречаются среди памирских киргизов. Они, наряду с некоторыми киргизскими родами, примерно в XVII в. переселились с Памира на территорию Ферганы. Но часть киргизов осталась проживать на Памире.

Все вышеприведенные свидетельства по-разному трактуются различными исследователями. Противоречивые, порою неясные, расплывчатые сведения источников дают для этого повод. Отсюда и некоторое сомнение отдельных ученых о проживании киргизов в средневековый период, по крайней мере до XV века, на Памире. Есть даже скеп-

---

[1] См.: История стран зарубежного Востока в средние века. М., 1957, с. 226.

[2] Венюков М. И. Опыт военного образования русских границ в Азии, вып. 2. СПб., 1876, с. 72.

[3] Майтов Б. Памир Землеведение, т. XII. М., 1906, с. 169—170.

тики, утверждавшие о первом появлении киргизов на Памире лишь в XVII веке. И если можно несколько понять ученых, осторожно относящихся к ранним источникам, то мы никак не можем согласиться с теми, кто связывает заселение Памира киргизами лишь с давлением калмаков, расширением до Тянь-Шаня господства Джунгарского ханства.

Свидетельства Захириддина Мухаммада Бабура и других

До последнего времени как-то сравнительно мало обращали внимание на один из примечательнейших памятников мировой культуры — мемуары «Бабур-наме». Они являются одним из достовернейших источников и по истории киргизов XV в. «Бабур-намэ» («Записки Бабура») являются ценным историческим и литературным памятником XVI в. Книга написана одним из тимуридов — Захириддином Мухаммадом Бабуром (1483—1530 гг.), выходцем из Ферганы, основателем государства Великих Моголов. В мемуарах Бабур рассказывает о своих путешествиях, походах в Афганистан и Индию, о жизни, быте и природе не только родных мест, но и других стран. Имеются, в частности, ценные сведения о памирских киргизах. Выразительна характеристика средневекового Оша, лежащего у ворот на пути к Алаю и Памиру. «Он стоит к юго-востоку от Андиджана в четырех йигачах (1 йигач, следовательно около 15 км) пути; воздух там прекрасный; проточной воды много; очень хороша бывает весна. О достоинствах Оша дошло много преданий».

Касаясь целого ряда явлений, связанных с социально-экономическим положением в Фергане, Бабур указывает, что в горах между Ферганой и Кашгаром кочует племя чограк, причем речь идет не о нескольких сотнях, а о 5—6 тысячах семей. Бабур приводит очень важный этнический признак племени, который можно связать только с киргизами. Он пишет, что в труднодоступных горах между Ферганой и Кашгаром много коней и множество овец, а вместо быков у них кутасы, т. е. яки [1]. Нам неизвестно ни одной народности в Средней Азии в прошлом, кроме киргизов, у которой разведение яков являлось бы одним из основных традиционных занятий. Это дает полное основание считать, что названное Бабуром племя чограк вошло в состав киргизской народности.

Свидетельство Бабура, на наш взгляд, относится к памирским киргизам, поскольку: а) по географическому по-

[1] Бабур. 2 книга. Бабур-наме. Ташкент, 1982, с. 18, 36.

ложению упоминаемые им труднодоступные горы между Ферганой и Кашгаром должны принадлежать Памирской системе; б) разведение яков в силу особенностей климата и рельефа играло важную роль в жизни памирских киргизов буквально до последнего времени; в) «неизвестное» племя «чограк» обитало на Памире в составе родоплеменного подразделения теит. Их потомки и поныне живут в колхозе им. Кирова и «Кзыл-Рабат» Мургабского района Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР, часть их распылена на афганском Памире.

Устные предания

История киргизского народа, не имевшего своей письменной литературы, в какой-то мере запечатлелась в народном эпосе, преданиях, былинах. При критическом анализе в них, несмотря на художественный вымысел, можно найти ценный материал, свидетельствующий о прошлой жизни киргизов.

Предания, отражающие период средневековья, встречаются в эпосе «Манас». Они, в частности, дают представление о распаде племенного союза «кырк уруу кыргыз»[1];

«Среди расселившихся киргизов
есть народы катаган и теит.
Пять поколений киргизов
в Афгане...
Один край киргизов на рубеже
Хорасана.
Все племена шыган на берегу
реки Яркенд.
Киргизы, жившие в Бухаре,
лишились своего языка,
стали таджиками».

Правда, конкретно установить, к какому периоду относится рассказ о распаде союза, весьма затруднительно, несомненно одно — он в какой-то степени связан с процессом этногенеза киргизского народа.

Четверть века тому назад ленинградским арабистом А. Т. Тагирджановым среди рукописей университетской библиотеки был обнаружен уникальный экземпляр под названием «Маджму ат-Таварих» («Собрание историй»), автором которого являлся мулла Сейф ад-дин Ахсикенти[2]. Тогда же аналогичный экземпляр рукописи — точнее другой список этой рукописи — был выявлен востоковедом

[1] См.: Рукоп. фонды отд. обществ. наук Киргиз. ССР, инв. № 278, с. 36—37.

[2] Маджму ат-Таварих. Подготовил к изданию А. Т. Тагирджанов. Л., 1960.

В. А. Ромодиным в библиотеке Ленинградского отделения Института востоковедения, а несколько позже новый список был приобретен в Южной Киргизии киргизскими филологами. Ученые установили, что все это — копии произведения, восходящего к единому первоисточнику XVI в. Основная его ценность заключалась в том, что сквозь религиозные напластования текста четко проступали стержень реалистического повествования и персонажи киргизского героического эпоса «Манас». Следовательно, уже в период сложения киргизской народности — к XVI в. киргизы имели этот фольклорный монумент, который истоками уходил еще в более ранние времена. Следовательно, где-то к первой половине второго тысячелетия можно отнести и вышеприведенные строки эпоса о распаде племенного союза «кырк уруу кыргыз».

Объездивший в 20—30 годах почти весь Памир и Алай советский ученый Азиз Ниалло (А. В. Станишевский) слышал от местных жителей, что среди афганских киргизов, кочующих по склонам Гиндукуша, бытует монументальный киргизский эпос «Манас», но не в форме стихотворного эпического повествования, а в качестве отдельных прозаических сказок. Это, насколько нам известно,— первое упоминание о прозаических формах киргизского героического эпоса, убедительно свидетельствующее о его народности и древности. Правда, судя по сообщениям французских тюркологов-фольклористов Луи Базена, Реми и Лауры Дор, посещавших афганский Памир в начале 70-х годов нашего века, они не встретили «Манаса» у местных киргизов. Но это еще не значит, что эпос отсутствует. Просто, вероятно, нужно специальное, более углубленное, исследование по распространению и истории киргизского героического народного эпоса «Манас».

С киргизскими преданиями перекликается и фольклор высокогорных таджиков, издревле проживавших на Памире рядом и вместе с киргизами. Возьмем, например, специальное исследование по истории Каратегина проф. Н. А. Кислякова. Под именем «Каратегин» известна северо-восточная часть Памира, занимающая долину среднего течения реки Сурхаба-Вахша. В нач. XX в. здесь проживало 14 тыс. киргизов. Эти киргизы по географическому расположению отделяются от восточно-памирских киргизов.

Н. А. Кисляков, собрав предания у таджиков и киргизов, обитавших в Каратегине, пришел к заключению, что все эти предания согласны между собою в том, что

Каратегин в прошлом был заселен киргизами. Возникновение самого названия «Каратегин» автор связывает со следующей легендой.

Первоначальными обитателями Каратегина были киргизы, которые заселяли его дважды. Первым переселенцем был некто Тегин-ата. Он имел двух братьев — Сайрам-ата и Аулиа-ата. Тегин-ата пришел в Каратегин со своими мюридами, среди которых были как киргизы, так и таджики, и правил здесь в течение ряда лет. В это время Бухара воевала с Ираном. Бухарский эмир потерпел поражение и обратился за помощью к Тегин-ата. Тегин отправился в Бухару и разбил войска иранского шаха. Однако, вскоре после возвращения воинов из бухарского похода в Каратегине появилась эпидемия и погибло почти все население. Среди немногих уцелевших оказался сын Тегина Кара, который взял себе в жены киргизку Тегиной и привел из Киргизии новых поселенцев. По имени правителя и его жены страна стала называться Каратегином.

Спустя некоторое время в Каратегине появились переселенцы-таджики, приходившие из Вахша, Куляба, Матчи и других мест. Наконец. таджики, собравшись в большом числе, постепенно стали брать перевес над киргизами.

Киргизы под давлением таджиков все более оттеснялись вверх по долине р. Сурхоба, пока наконец не закрепились в верхнем течении реки[1].

По мнению Н. А. Кислякова, достоверность сообщаемых в предании фактов подтверждается следующими данными.

Во-первых, местность, где живут киргизы, имеет крайне убогий вид по сравнению с местоположением таджикских кишлаков. Здесь нет удобной для посевов земли, крайне скудная растительность. Во-вторых, тюркская топонимика широко распространена в Каратегине. В-третьих, предания о киргизах не являются одиночными, они имели и имеют повсеместное распространение как среди киргизов, так и таджиков Каратегина.

В. Бартольд также отмечал предания, по которым Каратегин принадлежал прежде киргизам и лишь недавно был занят таджиками[2].

---

[1] См.: Кисляков Н. А. Очерки по истории Каратегина. Душанбе, 1941, с. 34—35.

[2] Бартольд В. Таджики. «Таджикистан». Сборник статей. Ташкент, 1925, с. 107.

К вопросу об этногенезе киргизского народа

Процесс образования киргизской народности протекал свыше полутора тысячелетий и был многогранным.

По мнению большинства советских ученых, киргизы, как обособленная народность, сформировались к XVI столетию. Основным этническим компонентом киргизской народности являлись местные племена, с которыми смешивались тюркоязычные племена центральноазиатского происхождения.

Местный субстрат, ставший основой киргизского народа, имеет многотысячную давность. Он начал складываться еще в эпоху бронзы. Его дальнейшее развитие привело к заселению страны еще в I тыс. до н. э. сако-усуньскими племенами кочевников. По расовому типу они были европеоидными и, скорее всего, ираноязычными. Памятники их разбросаны почти в каждой долине, в каждом ущелье Памира и Алая. Уже в эту эпоху наметилось проникновение в эти районы населения монголоидного расового типа. Примерно с IV-V вв. основным направлением этнических процессов на территории горной страны можно считать тюркизацию ранее ираноязычного населения.

Решающие этапы тюркизации наступают позже, когда в VI—VIII вв. сюда вселяются большие массы центральноазиатских племен тюрок и карлуков. К XIII в. здесь сложились предпосылки для образования народности, однако они не были реализованы. Нашествие орд Чингисхана прервало этот процесс.

Археологические наблюдения показывают, что в состав киргизской народности, как значительная составная часть, вошли тюркизированные племена ранних кочевников саков и усуней, а также тюркские племена, потомки которых сохранили элементы присущей им культуры. Эти элементы, особенно погребальный обряд, как наиболее консервативная часть культуры, намного пережили время существования древних кочевых племен. В упомянутом ранее сочинении «Маджму ат-Таварих» муллы Ахсикенти (XVI в.) приводится легенда об образовании киргизского народа в горах Ходжента от сорока гузов (гыз) в период правления сельджукского султана Санджара (XII в.)[1]. Как известно, сельджуки подчинили своей верховной власти караханидов и имели непосредственную политико-экономическую связь с народами Тянь-Шаня. Вряд ли,

---

[1] См.: Бартольд В. В. Соч., т. II, ч. 1, с. 513, прим. 6.

если бы киргизы в то время обитали далеко за пределами Тянь-Шаня, создалась подобного содержания легенда. Поэтому вполне можно согласиться с мнением В. А. Ромодина, который считает, что данная легенда у Ахсикенти отчасти подтверждает давность пребывания предков киргизов на Тянь-Шане[1].

Путь этнонима «киргиз» на Тянь-Шань был сложным. Впервые он упоминается в 201 г. до н. э. Так называло себя древнее население бассейна Енисея. В IX в. енисейские киргизы распространили свою власть до Восточного Туркестана, подчинив себе целый ряд тюркских племен. Имя «киргиз» стало престижным, поэтому некоторые подчиненные тюркские племена стали называть себя именем победителей. Так, в средневековой географии «Худуд ал-Алам» про одно из алтайско-иртышских племен сообщается: «Это один из киргизских народов, их речь ближе к карлукской, а по одежде они напоминают кимаков». Таким образом, на Восточном Тянь-Шане уже в X в. жили народы с именем «киргиз», но не связанные родством с енисейскими киргизами. К XV—XVI в. термин «киргиз» распространился на все население Тянь-Шаня и Алая.

Столетия передвижений в силу политических и экономических мотивов привели к тому, что обособленная киргизская народность сложившаяся к XVI в на Тянь-Шане, продолжала сохранять сложный этнический состав, вобрав в себя весь спектр, конгломерат разрозненных племен, в том числе и кочевавших по Памиро-Алаю ичкиликов. Ичкилики включали в себя этнические группы, носившие наименование киргиз, кыпчак, найман, тейит, и другие, известные по средневековым источникам.

В источниках XVI в., кроме отдельных упоминаний, никаких иных: ни политических, ни экономических сведений о киргизах Памира не имеется. Начиная с XVI в. появляются более подробные данные об участии памирских киргизов в отдельных политических акциях местных небольших владений — Бадахшана, Вахана, Шугнана, Рушана. В конце XVI в. эти мелкие государства были объединены потомком шейбанидов бухарским эмиром Абдуллаханом. Хафиз-и-Таныш — автор средневекового источника под названием «Абдулла-намэ», сообщает, например, что в дни праздника рамазана 983 года хиджры, т. е. в

[1] Бартольд В. В. Соч., т. II, ч. I, с. 513, прим. 6.

1575 г., киргизы, пользуясь отлучкой Абдуллы-хана в Герат, напали на подвластные ему районы Западного Памира. Автор вовсе не симпатизирует киргизам. Он, будучи поклонником Абдуллы-хана, не упускает случая очернить киргизов. Вот строки из этого исторического описания памирских киргизов (в переводе М. А. Салахетдиновой): «Киргизские войска (сепах)... узнав, что войска августейшего (Абдулла-хана) находятся далеко, сочли это обстоятельство весьма удобным (для нападения на подвластные ему области). Двинувшись со стороны Каратегина, они вторглись в Гиссар и (дошли) до Дехнау. Они забрали богатую добычу и несметное богатство, взяли в плен луноликих, наделенных красотою солнца девушек»[1]. Далее следует рассказ, что киргизы были все же разбиты регулярными ханскими войсками, у них была отнята добыча, а сами они вынуждены были возвратиться в Каратегин. Это первые сведения о передвижениях киргизов по Памиру с севера — из таджикского Памира — на юг, в афганский Памир. Киргизы выступали как самостоятельные, независимые племена, смело вступавшие в бой с ханскими войсками.

Надежные свидетельства о пребывании киргизов на Памире в первой половине XVII в. мы находим у среднеазиатского историка Махмуда ибн-Вали. Он, в частности, пишет: «Только в 1047 г. (1637—1638 гг.) узбекам в первый раз подчинилась крепость в области Хутталян, Кала-и-Хум (Кала-и-Хумб — главный город Дарвана); во главе узбеков был Бакы-аталык, из рода ойратов; владетель Шах-Гариб был убит... вместо него был назначен (очевидно, в качестве вассала узбеков) его брат Шах-Кыргыз, с малых лет живший при узбекском дворе (в Балхе)»[2].

Местные предания гласят, что Шах-Кыргызу удалось на некоторое время объединить под своей властью соседние страны — Бадахшан, Рушан, Шугнан, а также Каратегин.

Противоборство с джунгарами

В период временного господства калмаков (ойратов) в Восточном Туркестане и на Тянь-Шане киргизы Памира продолжали сохранять свою независимость. Правда, отдельные отряды завоевателей доходили до Мургаба и других районов Памира, но встречали здесь неизменное сопротивление. По

[1] Известия АН Киргиз. ССР. Серия обществ. наук, т. II, вып. 3. Фрунзе, 1960, с. 180.

[2] Бартольд В. В. Таджики. Соч., т. II, ч. 1. М., 1963, с. 464.

сообщениям китайских источников, калмаки «даже во времена своего могущества не могли подчинить западных бурутов», т. е. киргизов Памира и Припамирских районов.

Оставаясь фактически независимыми, памирские киргизы в то же время сами делали неоднократные набеги на соседей в Восточный Туркестан, Среднюю Азию, Бухару, Афганистан, пользуясь тем, что их кочевья пролегали по торговым трассам. Киргизские феодалы нередко грабили и иностранных купцов, торговавших через Памир.

С конца XVII в. памирские киргизы принимают активное участие в междоусобной борьбе за власть двух противоборствующих группировок — так называемых партий белогорцев и черногорцев — теократических претендентов на власть в Восточном Туркестане. С помощью киргизов ходжи заняли Кашгар и стали правителями Восточного Туркестана.

В борьбе с цинами

Новая полоса в истории памирских киргизов наступила в середине XVIII в. В 1758—1759 гг. маньчжуро-китайские войска империи Цин разгромили Джунгарское ханство в Восточном Притяньшанье и захватили Восточный Туркестан. На территории Восточного Туркестана была образована новая провинция Китая с названием Синьцзян, что буквально значит «Новая граница». Этот район с уйгурами и другим тюркоязычным населением, включая киргизов, казахов, а также дунган, сохраняет до сих пор название «Синьцзян».

Маньчжуро-китайские войска, разгромив Джунгарское ханство, уничтожили почти 1 млн. его коренных жителей — ойратов, лишь небольшая их часть смогла спастись бегством в пределы Средней Азии и России. На территории Киргизии появилось новое племя сарт-калмык. Кашгарские правители — ходжи бежали на Памир — в Бадахшан. Посланный за ними в погоню китайский генерал Фу Дэ дошел до Яшиль-Куля на Памире. Но здесь встретил ожесточенное сопротивление. Памирские киргизы фактически сумели сохранить свою самостоятельность. Временные китайские караулы, оставленные на Памире, вскоре были уничтожены. Но соседние мелкие владетели Шугнана, Рушана, Вахана, Канджута продолжали тревожить памирских киргизов, безуспешно пытаясь их подчинить. В ходе этой борьбы, шедшей с переменным успехом, они сами испытывали набеги киргизов, которые продолжали активно участвовать также в борьбе потомков ходжей за власть в Восточном Туркестане.

Последний этап переселения

Один из последних этапов переселения киргизов из Ферганы на Памир, о котором сохранились сведения в памяти народа, относится к концу XVIII — нач. XIX вв. Большинство зарубежных исследователей, в частности, М. Н. Шахрани, Р. Дор, К. Науман и др.,— сторонники гипотезы позднего появления киргизов на Памире. Правда, большинство из них — этнографы, фольклористы или биологи, не исследовавшие письменные источники и опиравшиеся в основном на этнографические и фольклорные материалы. А память, как известно, ненадежный свидетель и может хранить следы прошлой жизни по крайней мере 5—7 поколений, т. е. не более двух столетий. Реми Дор, в частности, прямо пишет, что устное творчество киргизов афганского Памира, в истории которых было немало переселений, ничего не говорит о более раннем заселении этого высокогорного района[1]. Опросные данные, фольклор и эпизодическое обращение к трудам путешественников XIX в. привели западноевропейских исследователей к предположению о перекочевке киргизских племен на Памир лишь в XVIII веке. Правда, не исключалась возможность предшествующего «разведочного» периода, но лишь в качестве условного предположения.

Традиционно киргизы делились на две группы: правое и левое крыло, унаследованные от военно-тактического размещения в период феодальных войн. Но в глазах рядового населения оно мало чему соответствовало. Однако подразделение на племена и род было живой реальностью, накладывающей отпечаток на жизнь и быт кочевника. На афганском Памире представлены четыре рода киргизов, но они же традиционно кочевали и на Тянь-Шане — **тейит, кесек, найман и кипчак.** Каждый из них подразделялся на ряд подродов, все занимали соответствующие территории на Малом и Большом Памире.

По мнению Р. Дора, главным инициатором заселения Памира явилось племя тейит, на правах первенства занявшего лучшие пастбища. Они пришли в XVIII в. с востока — из Алая через перевал Кызыларт. За ними уже в начале XIX века начало переселяться племя кесек, бежавшее из Каратегина перед наступлением кокандского хана Мадали. Оно пришло с запада, преодолев Дарвазский и Шугнанский хребты. К концу XIX в. племя тейит

---

[1] Dor R. Contribution á lätude des Kirghih du Pamir Afghan. Paris, 1975, p. 72—79.

размещалось по Малому Памиру, в районах с относительно малым снежным покровом, племя кесек — по Большому Памиру. Между ними — небольшое число семей племени кипчак. Несмотря на всю суровость жизни на высокогорном Памире, киргизы, освоив территорию, предпочитали тем не менее переносить большие лишения, чем покинуть земли, которые они стали считать своей родиной.

Таким образом, можно обоснованно говорить о многоэтапном заселении Памира киргизами, длившемся свыше тысячелетия.

В XIX веке Памир был поделен между кокандским ханом, кашгарским эмиром и ваханским миром, зависевшим от эмира Кабула. Но киргизы лишь номинально признавали власть этих правителей, продолжая жить замкнуто в рамках традиционных патриархально-феодальных отношений. Они свободно перекочевывали через так называемые «границы» и не особенно заботились, кто претендует на ту или иную территорию, считая истинными хозяевами пастбищ не их, а себя. Они не всегда выплачивали им дань и в крайних случаях были готовы с оружием в руках отстаивать свою независимость. На вооруженные походы соседних правителей они отвечали своими набегами на их владения, доставляя соседям немало хлопот.

В составе Кокандского ханства

С конца XVIII в. начинает возвышаться Кокандское ханство с центром в Фергане. В 1832 г. кокандские ханы присоединяют к себе Памир, все ущелья по обеим сторонам Сарыкольского хребта и Кашгарские горы, включая оседлые селения Вахана, Шугнана, Рушана[1]. Для утверждения господства и защиты торговых путей по указанию кокандского хана Мадали на Памире были построены укрепления Бустан-Терек и Таш-Курган. Они являлись административно-политическими и торговыми центрами Коканда на Памире.

На территории Памира не было государственно-административных единиц, подобных тем, которые были у оседлых народов Средней Азии. С целью привлечения на свою сторону представителей местной феодальной знати или родовой верхушки, кокандский хан давал им звания кушбеги, ляшкаров, беков, датха, аксакалов и т. д. В целом памирские киргизы управлялись кокандскими чиновниками, имевшими ханские ярлыки с печатями. Они непо-

[1] ЦГА Узб. ССР, ф. И-19, оп. 1, д. 3342, л. 395.

средственно назначались кокандским ханом, причем выбирались не из среды киргизов, проживавших на Памире, а из соседних районов, подчиненных кокандскому хану. Главная причина такого подбора управителей заключалась, очевидно, в стремлении умалить власть местных феодалов, держать их в повиновении. Это видно из доклада заведующего памиро-алайским населением Б. Громбчевского[1] начальнику памирского отряда.

По преданиям, сохранившимся в памяти населения, как Памир, так и все ущелья по обеим сторонам Сарыкольского хребта и Кашгарских гор, т. е. начиная от селений Вахана, Шугнана и Рушана до селений Кашгара, во время нахождения в составе Кокандского ханства, управлялись особыми чиновниками, назначенными кокандскими властями. Из сохранившихся в памяти нынешнего населения памирцев кокандских ставленников первым они называли Ляшкар-куш-беги, родом таджика, прибывшего к ним во времена кокандского хана Мадали-хана.

После Ляшкар-куш-беги, опять как и во времена Мадали-хана, назначен был Гаибдатха, алайский киргиз рода найман. Во время правления Памиром и его окрестностями Гаибдатха жил в урочище Чакыр-Агыл по р. Мудж, назначив от своего имени беком на Аличурский Памир (истоки рек Ак-Суу и Вахан-Дарьи) Бозай-датху, убитого впоследствии в стычке с канжутцами. Место, где похоронен Бозай-датха, ныне известно в Афганистане под названием Бозай-Гумбеза, «обитатели ее сплошь киргизы...»[2]. После смерти Мадали-хана на кокандский престол вступил Шералы-хан, приславший на Памир управителем Тилла-датху-аталыка, алайского киргиза из рода кара-теит. Управление его отличалось невероятной жестокостью, вследствии чего выведенное из терпения население возмутилось и убило его на р. Кийик-Баши. На место Тилла-датха-аталыка Шералы-ханом назначен был Каракул-датха, киргиз из рода бузтургай-найман, Маргеланского уезда.

С переходом Кокандского престола к Худояр-хану правителем Памира был назначен киргиз Топуалды Тапсата, теит из Ходжа-арыка. Последним ставленником Кокандского ханства на Памире был Ниязали-таджик.

Как видно из приведенного сообщения, памирские кир-

---

[1] ЦГА Узб. ССР, ф. И—19, оп. 1, д. 3342, л. 395—399; 175—477.

[2] См.: Бурхан-уд-Дин-хан-и-Кушкеки. Каттаган и Бадахшан. Ташкент, 1926, с. 162.

гизы, в отличие от других киргизских племен, подвластных Кокандскому ханству, не имели единого государственного управления, причем и управление также находилось в разных местах. Однако памирские киргизы не желали зависеть от центральной власти Коканда и продолжали вести себя сравнительно вольно. Они управлялись собственными родо-племенными предводителями, хотя здесь же имелись и кокандские наместники. Такое положение способствовало развитию феодальных междоусобиц, которые не предотвращались, а наоборот, поощрялись кокандскими ханами. По их наущению отдельные бии совершали набеги как на соседей, так и в более отдаленные районы. В середине XIX в. своими разбойничьими набегами прославился предводитель памирских киргизов некий Сохиб-Назар, которому кокандский хан даже пожаловал титул датхи. Он совершал неоднократные набеги на алайских киргизов, последние, естественно, отвечали тем же. Наконец, Сохиб-Назар вступил в сговор с шугнанским ханом Юсуф-Али, который сохранил за ним титул датхи. Как датха он имел право на сбор зякета — пошлин с караванов, проходящих через Памир. Юсуф-Али подстрекал Сохиб-Назара на набеги на мирные кочевья киргизов, проживавших на Алае и Сарыколе, а захваченный скот делился между правителем и грабителями. Феодалы обогащались, простые труженики еще более разорялись, их семьи обрекались на голодное существование. Но рознь между феодалами и родоправителями не могла превратиться в ожесточенную вражду между народами, между тружениками, будь то таджик или киргиз, афганец или узбек. Характерным примером может служить следующий факт: когда горный Бадахшан в 1883 г. был захвачен афганским эмиром Абдурахманом, простой народ Шугнана, Рушана, Вахана искал убежища и нашел приют и помощь у киргизов Восточного Памира. Когда войска бухарского эмира начали грабить народы Таджикистана, таджики-беженцы нашли приют в юртах киргизов, которые оказали им посильную помощь.

Конец XIX столетия для Памира ознаменован тем, что здесь скрещивались интересы четырех держав: России, Китая, Афганистана и Англии. Англия расширяет экспансию в Афганистане, прилагает большие усилия для проникновения вглубь припамирских стран и к 1889 году оружием, интригами и коварством подчиняет себе на правах вассалитета Канджут, Читрал, Кашмир. Русская газета «Свет» в 1891 г. писала, что Англия взялась «содейство-

вать афганскому эмиру расширить свои границы и разорять афганскими войсками самостоятельные ханства Дарваз, Шугнан и Рушан». Афганцы заняли эти ханства, одновременно теряя свою независимость. Втягивая Афганистан в орбиту своей экспансии, Англия применяла повсеместно испытанный ею метод колониальной политики — разделения и властвования.

Глава IV.

НА СТРАТЕГИЧЕСКОМ ПЕРЕКРЕСТКЕ

В 1876 г. Кокандское ханство со всеми подвластными ему землями, в том числе и Памиром, пало и было присоединено к России.

В эти годы, взвесив все обстоятельства, британское правительство решило любыми путями расширить свое политическое влияние на Памире. Тот, кто владел Памиром, мог в известной мере контролировать стратегически важные пути, которые вели в Индию, Китай, к Бухарскому ханству и Афганистану. По плану Великобритании район Памира должен был служить укреплению английского господства в Индии и стать препятствием для дальнейшего распространения влияния России. Вскоре, применяя политику подкупа, шантажа и прямого насилия, английские колонизаторы решили продвигаться из захваченных ими районов Индии далее на север, северо-запад и северо-восток, маскируя экспансионистскую деятельность необходимостью «защиты» британских владений, демогогическими заявлениями об «угрозе» Индии со стороны России[1].

Под видом защиты индийских границ от русских, еще в 1884 г. Мак-Грегором, оставившим записки о путешествии по северному Ирану и предложения по «обороне Индии», был разработан план действий англичан в случае столкновения с Россией. В нем, между прочим, указывалось, что «Англии следует еще в мирное время без объявления войны России придвинуться к Туркестанскому краю, занять позиции под Гератом и на Памирах и оттуда, войдя в тайное сношение с туземным населением, подготовить на случай открытой борьбы такой взрыв, который покончил бы решительно с русским владычеством в Средней

[1] См.: Халфин Н. А. Провал британской агрессии в Афганистане (XIX и начало XX в.). М., 1959, с. 11.

Азии»[1]. Именно, чтобы опередить Россию и распространить сферу английского влияния на Памире, Англия все активнее проникает в глубь припамирских стран. Более того, в это время в южных районах Памира англичане сосредоточили свои войска и предприняли ряд мер для упрочения здесь своего положения. Летом 1890 г. Англия выслала в Кашгарию секретную экспедицию под начальством Юнгхесбенда. Цель экспедиции состояла в том, чтобы «мирным путем» поделить Памир между Афганистаном и Китаем. Эта политика приносила временами свои плоды: афганские и китайские пограничные отряды вторгались на Памир и бесцеремонно грабили кочевников, считавших себя уже подданными России.

Считая необходимым «оградить интересы русскоподданных киргиз, кочующих на Памире, от проникновения на Памир Англии, что могло подорвать обаяние России»[2], туркестанский генерал-губернатор Вревский предполагал летом 1891 г. посетить долину Алая — территорию, соседнюю с Памиром, и по выяснении дальнейших намерений Юнгхесбенда принять соответствующие меры.

Попытки англичан разделить Памир между кашгарскими властями и Афганистаном были сорваны. Миссия Юнгхесбенда, действовавшего по поручению британского правительства, потерпела в этом отношении полную неудачу. Высылка же Юнгхесбенда и арестованного Девиссона произвела на соседние кашгарские власти, как показали полученные от русского консула в Кашгаре сведения, «весьма сильное и благоприятное для России впечатление»[3]. Несомненно, что этот факт стал известен и в других сопредельных с Памиром странах и послужил стимулом обращения памирских киргизов к российским властям с просьбами о покровительстве и принятии их в подданство, а также ограничил влияние английских колонизаторов в пока еще независимых, но слабых припамирских княжествах.

Выбор памирских киргизов был определен — вместе с Россией. Именно поэтому они неоднократно обращались к русским властям с просьбой о защите и о принятии их в русское подданство.

В одном из писем, отправленных с делегацией, говорилось: «Мы, нижеподписавшиеся, всегда жили на р. Мурга-

[1] ЦГВИА СССР, ф. ВУА, оп. 1. О памирском вопросе и мерах к его разрешению. Часть XII, л. 57.

[2] Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России. М., 1965, с. 391.

[3] ЦГВИА СССР, ф. 1396, оп. 2, д. 1485, л. 8.

бе и с древнейших времен входили в состав Кокандского ханства...

Вследствие вышеуказанного, мы, бедные, просим и надеемся, что Вы, почтеннейший, нас защитите и освободите...»[1].

В одном из донесений начальника памирского отряда туркестанскому генерал-губернатору читаем: «Слухи о моем приезде на Ранг-Куль разнеслись очень быстро и начиная с 23 мая к нам в отряд приезжают киргизы со всех концов. К сегодняшнему дню их уже около ста человек... Все они жалуются на притеснения со стороны китайцев, просят защиты»[2].

В апреле 1894 г. между Россией и Китаем состоялся обмен нотами, в которых обе стороны обязывались не нарушать создавшегося на Памире положения и строго соблюдать целостность территорий, занимаемых этими державами на Памире[3].

В этот же период начались переговоры с Англией об установлении южной и западной границ Памира.

Описание Российской государственной границы на Памире от оз. Зор-Куль до пределов Китайской империи, проведенное смешанной международной комиссией, было утверждено русским правительством в январе 1896 г.[4]

Таким образом, страны, заинтересованные в решении памирского вопроса, пришли к определенному конкретному соглашению.

Однако это разграничение носило чисто политический характер, не учитывался этнический состав населения. В результате киргизский народ на Памире, так же как и памирские таджики, был расчленен на две части, одна из которых осталась в составе России, другая переходила под власть Афганского ханства.

Разграничение на Памире было определено не в результате насильственных вооруженных мер, как это представляется сейчас в официальной китайской историографии, и в

[1] ЦГВИА СССР, ф. ВУА/с, оп. 1, л. 441.

[2] ЦГА Узб. ССР, ф. И-19, оп. 1, д. 3269, л. 305; См. также: Карыпкулов А. К., Сушанло М. Я. Некоторые аспекты истории Киргизии в кривом зеркале китайских фальсификаторов. Ж. «Известия АН Киргизской ССР;» 1983, № 3, с. 63.

[3] См.: Карыпкулов А. К., Сушанло М. Я. Некоторые аспекты истории Киргизии в кривом зеркале китайских фальсификаторов, с. 63.

[4] Описание Российской государственной границы на Памирах, от оз. Виктория (Зор-Куль) до пределов Китайской империи, проведенное смешанной международной комиссией. Копия — ЦГА Узб. ССР, ф. И-19, оп. 1, д. 4546, л. 42—45.

частности в одной статье Ду Жункуня о киргизах[1], а мирным путем. И в последующем многие десятилетия граница не вызывала никаких споров в памирском районе ни с Афганистаном, ни с Китаем[2].

Глава V.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЫБОР — ВМЕСТЕ С РОССИЕЙ

Классики марксизма-ленинизма неоднократно подчеркивали прогрессивную роль России в истории народов Востока. «Господство России,— писал Ф. Энгельс в письме К. Марксу в 1851 г.,— играет прогрессивную роль по отношению к Востоку». И далее: «Господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии...»[3]

В результате присоединения Памира к России перед памирскими киргизами открылись более широкие перспективы исторического развития как в области хозяйства и социально-экономических отношений, так и в области политической и культурной жизни.

Рассмотрим каждую из сторон этого вопроса в отдельности. Как уже отмечалось выше, к моменту присоединения к России памирские киргизы находились под гнетом отсталых феодальных государств. К тому же Англия стремилась сделать Памирский район своей колонией или включить его в буферное отсталое государство, чтобы угнетать народы Памира так же, как народы Индии, Афганистана. Благодаря присоединению к России, памирские киргизы были спасены от порабощения отсталыми феодальными государствами Востока, от угрозы закабаления английским империализмом, покушавшимся на независимость народов Средней Азии, в том числе и Памира.

После присоединения Восточного Памира к России одним из главных вопросов было определение будущей

---

[1] См.: Ду Жункунь. Агрессия царской России и борьба сопротивления киргизского народа. — «Вестник центрального института национальностей». (На кит. яз.). Пекин, 1983, № 2.

[2] Карыпкулов А. К., Сушанло М. Я. Некоторые аспекты истории Киргизии в кривом зеркале китайских фальсификаторов. Известия АН Кирг. ССР, 1983, № 3, с. 63.

[3] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 241.

организации управления памирским населением. До 1905 года памирские киргизы временно находились в ведении начальника Памирского отряда, пользовавшегося в административном отношении правами начальника уезда. Перед временной административной организацией были поставлены следующие задачи: «Устранение причин к вражде киргизским родам и меры к сближению киргизов памирских с алайскими. Содействие к родственному сближению кочевников посредством браков и увеличения тем самым прироста населения. Установление и упрочение торговых сношений памирского населения с соседними районами Ферганы и бухарскими владениями и меры к оживлению меновой торговли»[1].

Первый шаг к ликвидации междоусобных феодально-родовых войн между памирскими и алайскими киргизами был осуществлен в 1893 г. при непосредственном вмешательстве русской администрации. Алайские киргизы «по недостатку корма в долине, вследствие больших снегов» пригнали на Зор-Куль, Ак-Таш и Ранг-Куль более 10 тысяч баранов. Памирские киргизы, откормив их скот на своих пастбищах, в свою очередь добивались от алайских киргизов «дозволять провести часть лета со своими стадами на Алае»[2]. Мирное соглашение было достигнуто.

Таким образом, присоединение памирских киргизов к России привело к ликвидации родоплеменных междоусобиц и розни, от которых страдали трудящиеся массы. Этот процесс означал серьезный шаг на пути к преодолению замкнутости родоплеменных групп, к развитию национальных черт киргизского народа. Именно с этого момента в какой-то мере берет свое начало переход от отсталых патриархально-феодальных отношений к более прогрессивному общественно-экономическому развитию в составе российского государства.

В административном отношении Памирская волость входила в состав Ошского уезда Ферганской области. Во главе волости стоял начальник Восточного Памирского поста. По отношению к населению он пользовался правами участкового пристава и непосредственно подчинялся начальнику Памирского отряда. Для удобства управления Памирская волость, в свою очередь, делилась на следующие аминства[3] (данные на 1 февраля 1902 г.).

---

[1] ЦГА Узб. ССР, ф. И-19, оп. 1, д. 4623, л. 40.
[2] Там же.
[3] Там же.

Наименование аминства	Юрт	Мужчин	Женщин	Баранов	Кутасов	Верблюдов	Лошадей
Ранг-Кульское	80	205	216	11644	839	148	157
Ак-Ташское	120	365	273	13174	2502	256	200
Мургабское	97	229	230	4812	1291	150	154
Аличурское	121	339	315	15145	2056	289	236
Итого:	418	1138	1134	47775	6688	843	747

Во главе каждого аминства стоял местный бий. По отношению к подвластному населению бии пользовались правами сельских старшин.

При управлении районом начальник отряда был обязан: «принимать все меры к тому, чтобы население тихо и смирно, постепенно приучалось к пониманию благотворной крепкой власти..., заботиться о культурном развитии Памиров, привлекая к этому офицеров отряда, обязанных к этому своим административным служебным положением, и испрашивая на это необходимые денежные средства у военного губернатора Ферганской области; иметь общий контроль за общественным продовольственным магазином, причем в самой деятельности по хранению, выдаче и пополнению запасов он привлекает исключительно местное население через уполномоченных»,— говорилось в Инструкции по управлению памирским населением, утвержденной в 1905 г.[1]

В отношении судопроизводства начальник отряда должен был иметь в виду, что: «существующий, основанный на обычаях, порядок управления населением должен быть по возможности сохранен без изменения; суд устраивается и производится применительно к местным обычаям, а взыскания за проступок и преступление, установленные народными судьями, налагаются лишь по утверждении их начальником отряда, которому предоставляется право отменять и видоизменять взыскания своей властью; начальник отряда не имеет права отменить или изменить решение своего предшественника, объявленное в письменной форме. В нужных случаях он входит на этот предмет с мотивированным представлением к военному губернатору Ферганской области». Данная инструкция, а соответственно с ней — административное управление на

[1] ЦГВИА СССР, ф. 1396, оп. 2, д. 2166, л. 146.

Памирах, сохранилась до 1917 г. Временным правительством 6/VI—1917 г. в связи с введением «Временного положения об управлении Памирским районом» была изменена структура административного управления.

После присоединения памирских киргизов к России в этом далеком районе был осуществлен ряд мероприятий в области здравоохранения и просвещения. В 1895 г. туркестанский генерал-губернатор приказом по административно-полицейскому управлению Ферганской области обязывал врача Памирского отряда Вельмана оказывать медицинскую помощь памирскому населению. В связи с этим на него были возложены обязанности уездного врача.

Правда, этот уездный врач в первую очередь обслуживал Памирский отряд, но все же он оказывал медицинскую помощь и местному населению. 9 октября 1896 г. был отдан даже приказ о выдаче вознаграждения врачу Вельману «за исполнение им обязанностей уездного врача в отношении памирского населения». Вскоре была учреждена вторая должность уездного врача для памирского населения. Этот врач оказывал лечебную помощь коренному населению и вел санитарно-просветительную работу.

По инициативе русских властей организуется школа для совместного обучения детей русского и местного населения. Первая школа с интернатом на 20 человек открылась в 1911 году в г. Хороге. Она называлась «русско-туземной». Открытие интерната должно было привлечь детей местного населения к обучению, так как родителям-кочевникам трудно было содержать своих детей в поселке.

Однако царское правительство вовсе не было особенно заинтересовано в просвещении населения не только «туземцев», но и русских. Администрация стремилась использовать школы как очаг пропаганды политики самодержавия, а также подготовки переводчиков, работников низовой и волостной администрации с тем, чтобы создать опору русской власти на окраине. Именно поэтому туркестанский генерал-губернатор в 1915 г. специально вынес решение о привлечении в школы местных детей Памира. Все же эти школы принесли на Памир первые ростки просвещения, несмотря на то, что в них имели доступ почти исключительно дети зажиточных слоев населения.

Одним из прогрессивных результатов присоединения к России было изучение Памира и его населения русскими исследователями и учеными.

С именами русских ученых связаны важнейшие достижения в изучении географии, естественных богатств,

растительности, животного мира, истории, этнографии Памира и населяющих его народов. При этом следует отметить, что исследования некоторых экспедиций и путешествий велись в значительной степени под углом военно-стратегических целей. Несмотря на это, они содержат важные научные известия.

Так, в 1877 г. Н. А. Северцев производил исследования Памиро-Алая, в результате чего им был написан «Очерк орографии Алая и Памира». А. П. Федченко с 1868 по 1871 г. исследовал Памиро-Алай в области орографии, геологии, климата, растительности и животного мира. В результате своей трехлетней научно-исследовательской работы А. П. Федченко открыл Заалайский хребет и внес коренные изменения в представления о географии Алая и Памира. Ему принадлежат наиболее верные для того времени схемы орографии этих мест.

В 1877 г. И. В. Мушкетов занялся изучением геологического строения Ферганы и Памира. В следующем году он руководил научной экспедицией по изучению орографии и геологии Памира. В 1882 г. горный инженер Д. Л. Иванов и капитан Т. Ш. Путята доходили до северных склонов Гиндукуша и в своих обстоятельных изысканиях о Памире определили значительное число высот астрономических пунктов. Было исследовано несколько важных перевалов. В этом же году Г. А. Арендаренко написал этнографический очерк о Дарвазе и Каратегине. В 1884—1887 гг. Г. Е. Грумм-Гржимайло в своей третьей экспедиции получает ценный зоологический материал.

В 1879 г. выходит первая сводная работа о народах Памира на русском языке — «Сведения о странах по верховьям Амударьи» выдающегося русского путешественника и ученого И. П. Минаева. В ней с исключительной добросовестностью подытоживаются все имевшиеся в то время сведения о народах, обитающих в верховьях Амударьи, в частности, на Памире — сообщения китайских и арабских путешественников, английских исследователей, вплоть до 70-х годов XIX в.

В 1897 г. Памир был исследован экспедициями академика Н. Л. Корженевского, доставившими огромный материал по ботанике, геологии и этимологии края.

В 1898 г. на Памире побывала Ю. Д. Головшина (автор книги «На Памирах») в сопровождении зоолога М. М. Воскобойникова и фотографа-любителя Н. П. Бартеневой.

В 1901 г. при содействии Общества любителей естест-

вознания, антропологии и этнографии совершили научную экскурсию женщина-ботаник О. А. Федченко с сыном, преподавателем Московского университета Б. А. Федченко, составившие альбом памирских видов. Одновременно с ними собирал ботанические коллекции Ф. Н. Алексеенко, командированный от Петербургского общества естествознания, а проф. А. А. Бобринский—этнографические материалы.

Немалую помощь русским ученым в экспедициях оказывали местные жители. Очень часто киргизы были проводниками, подсобными рабочими, переводчиками. Примером этого может служить Свидетельство на серебряную медаль, выданное по ходатайству Н. А. Северцева киргизу Казыбию Уморбиеву, проводнику экспедиции на Алай и Памир в 1877—78 гг. Свидетельство хранится в Государственном архиве Узбекской ССР.

Одной из характерных черт прогрессивности присоединения памирских киргизов к России явилось развитие торговли. Учитывая экономическое положение местного населения (отсутствие земледелия, кочевой образ жизни), русская администрация с первых же дней после присоединения принимает меры к развитию торговых сношений с соседями: с Китаем, Афганистаном и Бухарскими областями, а также внутри страны — с Ферганой. Мургабский торговый караван-сарай превращается в центр обмена, имеющий значение не только внутри Восточного Памира, но и для соседних стран. Например, из Афганистана привозили для торговли лошадей, рис, масло, зерно и др. Из Кашгара привозились хлопчатобумажные ткани, халаты, седла, подковы и прочие мелкие вещи, а в обмен иностранные купцы брали у памирских киргизов баранов и кутасов, а также шкуры, масло, кошмы. Из Оша привозили русские ситцы, мыло, шелковые платки и др.

Основным товаром памирских киргизов был скот. По данным статистики, Памирская область продавала только баранов ежегодно на сумму около 100000 рублей.

Наряду с внешней торговлей, развитие получила торговля и обмен товарами внутри страны между земледельческими оазисами, с одной стороны, и памирскими кочевниками — с другой. Памирские киргизы привозили в Фергану и соседние таджикские селения скотоводческое сырье, получая в обмен нужные им продукты земледелия и ремесла.

Совершенное отсутствие на Памире обрабатывающей промышленности заставляло не только местное население, но и командование отряда обращаться за всеми предметами довольствия к торговым фирмам России. В результате

присоединение к России способствовало развитию товарно-денежных отношений на далеком Памире.

Здесь стали зарождаться зачатки простейшей промышленности. Возникают кустарный кожевенный завод для выработки кож на сапожные товары, сапожная мастерская, кузнечно-слесарная и столярно-плотническая мастерские и, наконец, кустарно-мыловаренное производство. В области земледелия были сделаны первые пробы. В 1915 г. производится опыт посева злаков в некоторых местностях Восточного Памира. Опыт оказался удачным, и в следующем году местное население начало сеять ячмень.

Одним из несчастий в быту памирских киргизов, резко подрывавшим их благосостояние, были хронические весенние голодовки. Хлеб киргизам завозился с Алая, Ороша, Шах-Дары, Гунта и из восточных кишлаков Вахан, Лянгар и других мест. Но проходы из этих местностей были настолько удалены от памирских киргизов и трудны, особенно зимой и весной, во время снежных заносов на перевалах, что все население, особенно бедняки, не могло запастись зерном на зиму. Поэтому местное население часто употребляло в пищу только продукты скотоводства.

В зимний период удои молока резко снижались и в связи с этим начиналась очередная голодовка. Сразу же после присоединения Памира к России в 1895 г. Ферганское областное правление, специально рассмотрев вопрос о снабжении памирского населения продуктами, вынесло решение, по которому ежегодно выделялись средства на заготовку провианта для памирского населения.

Заготовленные продукты продавались местному населению по установленной государственной цене.

Во время голода 1899—1900 гг. нижние чины отряда добровольно отказались от своего пайка в пользу голодающих киргизов. И многие семьи памирских киргизов ежедневно кормились и обогревались на постах отряда [1].

С целью создания опоры среди местного населения царизм привлекал на свою сторону представителей феодальной знати, освобождая их от всяких повинностей и обязанностей. Возьмем, к примеру, приказ № 4 по Памирскому району от 1 февраля 1916 г. Он гласит: «Почетные лица, как ишаны, совершенно освобождаются от несения каких-либо повинностей вместе со своими дворами». Или: «все административно-служащие, а также джигиты их, как несущие казенную службу без каких-либо вознаграждений,

[1] ЦГВИА СССР, ф. 400, д. 80, л. 72

освобождаются от всяких повинностей вместе со своими дворами»[1] и т. д.

В целом положение народных масс Памира оставалось очень тяжелым. Поэтому местное население Памира на основе решений Государственного Совета России было освобождено от податей. Однако местная администрация (волостные управители, амины, бии и старшины) по-прежнему продолжала сбор податей и поборы, которые шли в их собственный карман.

На Восточном Памире, вплоть до 1917 г., еще существовала так называемая низовая администрация — подрядчики, снабжавшие приезжающих всем необходимым. Впоследствии выяснилось, что немногочисленное население Восточного Памира почти ежегодно платило подрядчикам до 10000 рублей в год баранами, маслом, мукой, лошадьми напрокат и проч., хотя фактическая потребность во всем этом не превышала за год 1000 рублей[2].

Таким образом, основная тяжесть налогов, поборов ложилась на трудящихся, что вызывало их недовольство. Поэтому начальник Памирского отряда вынужден был к 1917 г. упразднить эту администрацию.

Несмотря на наличие множества отрицательных моментов, являвшихся следствием реакционной политики царизма и порождением патриархально-феодального эксплуататорского общества, народы Памира под влиянием русского народа и его передовых представителей сделали шаг вперед в общественно-политическом развитии.

Надвигался решающий этап в истории человечества, приближалась Великая Октябрьская социалистическая революция.

Глава VI.

ТРАДИЦИОННОЕ ХОЗЯЙСТВО, БЫТ И КУЛЬТУРА

Скотоводство

Определяя специфику хозяйства у восточных народов, К. Маркс писал: «У всех восточных племен можно проследить с самого начала истории общее соотношение между оседлостью одной части их и продолжающимся кочевничеством другой части»[3].

Памирские киргизы по характеру хозяйства относились ко второму типу, т. е. к чисто кочевническому. Ведущей

[1] ЦГА Узб. ССР, ф. И-19, оп. 1, д. 9979, л. 6.
[2] Там же, д. 10069, л. 1.
[3] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 28, с. 214.

отраслью хозяйства у них было скотоводство, которое не потеряло своего значения и по настоящее время.

Экстенсивное кочевое скотоводство у памирских киргизов было в полной зависимости от местных природных условий. Кочевание со скотом, содержащимся на подножном корму, имело сезонный характер и велось по установившемуся веками циклу, каждая родоплеменная группа кочевала на определенной территории. Например, местом летних стоянок рода теит в XIX в. считались по р. Ак-Суу, ущелье Зор-Бирлик близ оз. Ранг-Куля и по Кара-Туруку, а местом зимних стойбищ считалось урочище Тогуз-Агыл близ озера Ранг-Куль. Род кесек кочевал по Кызыл-Рабатау, а его зимним пастбищем считался Кош-Агыл р. Ак-Суу; найманы и кыпчаки летовали по Орто-Бели и в верхней Тагарме, а зимовали в долинах верхнего и нижнего Гези, урочища Мук-Су[1].

Однако такое разграничение районов летних кочевий и зимних стойбищ между различными родами не было постоянным в связи с естественно-географическими условиями Памира. Это видно из следующего сообщения начальника Памирского отряда командующему Ферганской областью от 19 июня 1895 г.: «Места как зимних, так и летних кочевок в полной мере зависят как от количества подножного корма в том или другом ущелье, так равно и от количества воды и даже выпадающего зимою снега, что подвержено сильным ежегодным колебаниям, и потому и места кочевок одного и того же семейства, уже не говоря про целое общество, часто и даже в течение одной зимы меняются»[2].

Несмотря на это, как мы отмечали выше, перекочевка в основном совершалась по определенному порядку и круглогодичному циклу. Поэтому каждая родоплеменная группа всегда соблюдала определенный план, имеющий цель разумно использовать скромные пастбища.

А. Г. Серебренников следующим образом характеризует летние кочевья памирских киргизов: «Зимуя в долинах рек и котловинах озер, они уходят на лето со своими стадами в ущелья гор и кочуют на высоте 14000—15000 фут. над уровнем моря, где всегда имеется прекрасный корм и где нет комаров, оводов, слепней и других насекомых, от которых сильно страдает скот в долинах рек и на боло-

[1] ЦГА Узб. ССР, ф. И-19, оп. 1, д. 3342, л. 435.

[2] ЦГВИА СССР, ф. 400 (Главный штаб по азиатской части), ч. I, д. 40, 1895, л. 183.

тистых лугах. Кроме того, не кочуя летом в долинах, киргизы сохраняют подножный корм на зимнее время, что имеет весьма важное значение, так как никаких запасов сена на зиму они не делают»[1]. Недостаток в пастбищах был характерен и для зимовок. Н. А. Аристов писал по этому поводу: «Лучшим доказательством ограниченности места подножного корма служит то обстоятельство, что киргизы кочуют зимой только в следующих местах: озеро Большого Кара-Куля, в Ранг-Кульской котловине, в устье Ак-Байтала, на Кош-Агыле и Ак-Таше и вверх по Ак-Суу»[2].

Зимовье (кыш-тоо) находилось на постоянном месте, выбранном с учетом наличия подножного корма, источников воды, направления зимних ветров и толщины снежного покрова.

Памирские киргизы для зимовки не строили укрытия или ограды, как это наблюдалось у северных и южных киргизов. Д. Л. Иванов так описывает это обстоятельство: «Киргиз-памирец до того кочевник, не любящий ничего оседлого, что даже среди здешних ветров и холодов он не подумал о возможности построить себе зимовки и зимует всегда в тех же рваных кибитках, в которых живет и летом; мало того, даже эти кибитки он не обкладывает на зиму ни камышом, ни чем другим. Это особенно бросается в глаза потому, что рядом с ним родственные ему киргизы Среднего и Нижнего Алая строят весьма обстоятельные зимовки как для скота, так и для себя»[3].

Основными отраслями животноводства у памирских киргизов считались овцеводство и яководство. Памирские киргизы имели также и верблюдов. Поставщиками были главным образом торговцы, которые прибывали на Памир с вьючным транспортом и, сбыв товары, часто продавали своих лошадей. Местные жители Памира покупали лошадей у алайских киргизов или у соседних таджиков, но особенно у локайцев, у которых ведущей отраслью животноводства было коневодство.

По численности поголовья овцеводство всегда занимало первое место в скотоводческом хозяйстве памирских киргизов, и поэтому на нем держалось все их благосостояние. Овцеводство в основном удовлетворяло потребность

[1] Серебренников Л. Г. Памир (краткий очерк). Ежегодник Ферганской области, т. 1. Новый Маргелан, 1902, с. 140.

[2] Аристов Н. А. Этнические отношения на Памире в прилегающих странах, по древним, преимущественно китайским историческим известиям.— Русский Антропологический журнал, 1903, № 1, с. 6.

[3] Иванов Д. Л. Путешествие на Памир. — Известия РГО, т. XX, вып. 3, отдел II, 1884, с. 237.

в питании, одежде, в материалах для жилища. Значительная часть овец шла на обмен необходимых вещей, приобретаемых у приезжих торговцев и соседних таджиков.

Киргизы, находящиеся под властью Афганистана, кроме обыкновенных грубошерстных овец разводили стада каракулевых и занимались торговлей каракулем [1].

Вслед за овцеводством важную роль у памирских киргизов играло яководство. Не было ни одной другой народности Средней Азии, кроме киргизов, у которой разведение яков являлось бы одним из основных занятий. В этом отношении особенно отличались памирские и алайские киргизы. Природные и географические условия Памира не позволяли много разводить другие виды крупного рогатого скота, поэтому местное население Памира особо большое внимание уделяло яководству. О пользе яка (кутаса) в хозяйстве и об особенностях этого животного писали многие. Вот как характеризует яка академик Д. В. Наливкин: «Кутас — это король Памира, животное необыкновенное. Рога и голова у него как у быка, шерсть как у козы, хвост как у лошади, грудь как котел паровоза, а хрюкает он как свинья. Недаром хвосты яков считают наиболее почетным украшением на киргизских мазарах, надмогильных памятниках»[2].

Оценивая роль яка для хозяйства киргизов, А. Волконский, побывавший на Алае и в Гульче в 1874 г. писал: «У этих киргизов водятся яки, трудно укротимое домашнее животное, весьма ценимое киргизами и как вьючная сила и как скот, доставляющий молоко, шерсть и крепкую, толщиною с палец шкуру... Из длинной шерсти яка и пушистого хвоста плетутся мягкие веревки для вьюков, лучшие подпруги. Зимою яки уходят в горы верст за 20 от жилищ своих хозяев и пасутся там, пробивая крепкими копытами снег и даже лед»[3].

Корма для животных на зиму обычно не заготавливали. Из-за отсутствия заготовленных кормов страшным бичом для местного населения был джут, то есть массовый падеж скота. Именно в связи с этим страшным бедствием рост поголовья скота у памирских киргизов почти отсутствовал. Джут возникал после многоснежной зимы, холодной

---

[1] Бурхан-уд-Дин-хан-и-Кушкеки. Каттаган и Бадахшан. Перевод с персидского под редакцией А. А. Семенова. Ташкент, 1926, с. 55.

[2] Наливкин Д. В. Памир — крыша мира. М., 1948, с. 8.

[3] Волконский А. От Нового Маргелана до границы Бухары.— Вестник Европы, 1894, № 7, с. 133.

весной, когда образовывались оледеневшие насты. Обессиленные животные не могли пробить ледяную корку, и начинался массовый падеж.

Вследствие джутов памирские киргизы часто терпели большие разорения и мучительные лишения. Население голодало. Особенно тяжело отражалось это бедствие на хозяйстве малосостоятельных скотоводов, которые после потери скота и голодовки вынуждены были идти батрачить к баю или совсем уходили с Памира в Ферганскую долину.

Охота

Значительное место в хозяйстве киргизов занимала охота. Наличие на Памире многочисленных видов диких животных создавало благоприятные условия для охотничьего промысла. Главным объектом охоты были горный козел (теке), архары(горные дикие бараны), волки, медведи, барсы, сурки, зайцы и т. д.

Охотились киргизы с ружьями, капканами (деревянными и железными) и силками. Охота с помощью ловчих птиц у памирцев не была развита. В большинстве случаев охота проходила с участием собак. Ружья употреблялись фитильные с деревянными подпорками, их изготовляли сами памирские киргизы. Кроме того, они готовили порох из селитры.

Но нужно отметить, что не все население могло охотиться с ружьями: их имели только зажиточные слои; что же касается массы населения, то они со своими семьями выходили на охоту просто с голыми руками. В годы джута охота получала особенно широкое распространение. Массы голодающего населения были вынуждены заниматься ею, ибо она служила единственным источником существования. Это ярко показано в произведении Георгия Тушкана «Джура», согласно которому мясо архара и диких козлов служило не только единственной пищей, а являлось и запасным продуктом на целый год.

Б. Л. Тагеев, который был участником «памирских походов» (1892—1895 гг.), очень ярко характеризует мастерство памирских киргизов во время охоты: «На охоте за архарами или кийиками они просто неузнаваемы. С рассвета до глубокого вечера, без устали, карабкаются киргизы по утесам, над страшными пропастями, выслеживая свою добычу и, убив ее, часто тащат на своих плечах в аул...

Интересное зрелище представляют киргизы, когда они заметят архара, наставляют на рогатину свой мултук и

целят в бегущее животное, выбирая момент, чтобы приложить фитиль... Киргизы редко промахнутся»[1].

Охота являлась важной отраслью в хозяйстве памирских киргизов, так как мясо, а также шкуры, рога, шерсть шли не только в личное потребление, но и для обмена.

Весьма характерно, что, несмотря на наличие в некоторых озерах и реках рыбы, местное население рыболовством не занималось.

Торговля

Натуральное экстенсивное хозяйство, конечно, не могло удовлетворить всех жизненных потребностей памирских киргизов. Поэтому недостающие продукты питания и другие необходимые в быту вещи памирские киргизы добывали путем обмена и торговли. Через территорию Памира еще в ранний период как по ответвлению великого шелкового пути шла транзитная торговля. Поэтому, несмотря на трудность пути, дальность расстояния, памирские киргизы имели связи с соседними государствами.

Обмен происходил также внутри страны, т. е. между памирскими киргизами и соседними земледельческими районами: Каратегином, Ферганой и Кашгаром. Во все эти районы киргизы ездили за продуктами земледелия, которые меняли на молочные продукты, грубые шерстяные ткани, кошму и скот. Велся обмен и в местах самих кочевок.

На заседании Русского Географического общества в апреле 1884 года об этом говорил Д. Л. Иванов: «Из Кашгара и, главным образом, из Ферганы на Памир двигаются так называемые «совдагары» — торговцы, набиравшие халаты, хлопчатобумажные ткани, дешевые седла, подковы и другие мелкие вещи продавать на Памире, в обмен на такие сырые предметы, которые могут находиться у киргизов: шкуры, масло, кошмы, а главным образом, на скот — баранов, кутасов»[2].

До присоединения памирских киргизов к России внутреннего рынка на всем Восточном Памире не существовало. Поэтому торговля носила в основном меновой характер.

Велась торговля с Бадахшаном, после включения его в состав Афганского государства (1895 г.), в употребление вошло афганское серебро.

После присоединения памирских киргизов к России установились торговые связи с Россией. Главными предме-

---

[1] Тагеев Б. Л. Памирские киргизы (очерк).— Нива, 1897, № 38, с. 898.

[2] Архив Географического общества Союза ССР, ф. 65, оп. 1, д. 46, л. 57.

тами ввоза на Памир являлись металлические, особенно железные и медные предметы, причем в обращении, как отмечает А. Г. Серебренников, находились больше бумажные деньги, нежели серебро[1].

Было бы неправильно считать, что памирские киргизы являлись поставщиками только продуктов скотоводства. Кроме продуктов скотоводства они занимались еще, правда, очень в ограниченном количестве, добычей золота, серебра, каменной соли, серы. Золото, серебро для продажи вывозилось из Бадахшана еще в древнем и средневековом мире.

Домашние производства и промыслы

Оторванные не только от крупных городов Средней Азии, но и разрозненные между собой памирские киргизы, испытывали острую нужду в предметах первой необходимости, и эта потребность удовлетворялась главным образом продуктами своего производства.

Домашнее производство у памирских киргизов носило примитивный характер и было связано с обработкой шерсти, кожи и других продуктов скотоводства, предназначенных для личного потребления.

Сравнительно широко было развито домашнее производство по обработке шерсти. Шерсть шла на выделку войлока, которым покрывались и украшались юрты, делались подстилки на пол (алакийиз), потники к седлам и разного рода хозяйственные принадлежности. Из овечьей и верблюжьей шерсти женщины пряли пряжу, затем на ткацком станке изготавливались ткани для верхней одежды, хозяйственных нужд, а также для украшения жилища, верхового коня.

Из кожи шили шубы, обувь, головные уборы, хозяйственные мешки, мешки для хранения и перевозки жидкостей. Из кожи крупного рогатого скота, верблюдов и лошадей делали обувь, сбрую, часть седел и различную кожаную посуду.

Деревообделочное производство у памирских киргизов не играло значительной роли. Очевидно, это было связано с отсутствием древесной растительности на местах. Но в быту памирские киргизы широко использовали вещи, сделанные из дерева. Были распространены седла, колыбели, чашки, блюда, подмостки для постелей, шкафы и пр. Деревянные части юрты и вещи из дерева закупались у алайских киргизов и соседей в Шугнане, Вахане и Кашгаре.

---

[1] Серебренников А. Г. Памир.— Ежегодник Ферганской области, т. I, 1902, с. 140.

Памирским киргизам было знакомо ювелирное и кузнечно-слесарное дело. Мастера-ювелиры изготовляли всевозможные женские украшения. Кузнецы делали бытовые хозяйственные предметы: топоры, ножницы и т. п., вплоть до фитильных ружей.

С. М. Абрамзон отмечает, что памирские киргизы добывали горный хрусталь, яшму, самородное золото, сбывая все это на рынках Кашгара и Яркенда[1]. Те киргизы, которые обитали в пределах Кундузского района, где в недрах было золото и серебро, естественно втягивались в этот вид промысла. Как сообщают архивные материалы, киргизы, обитавшие вблизи Бадахшана, еще в XVIII веке добывали золото из реки Кундуз.

Об оригинальном способе добычи золота из рек киргизами отмечали в своих мемуарах английские путешественники. Он заключался в устройстве фильтра из овчины, которая опускалась на дно реки в избранных местах. Фильтр удерживался на месте тяжелыми камнями. Его располагали так, чтобы естественный наклон шерсти был обращен к течению реки. Затем шкура осторожно вынималась, сушилась, застрявшие песчинки золота бережно собирались.

Залежи каменной соли находились недалеко от озера Ранг-Куль, ее киргизы добывали как для своего хозяйства, так и для продажи, в пределах соседних ханств.

Жилище

Преобладающей формой жилища, в котором киргизы Памира жили раньше как на зимовках, так и на летовках, являлась юрта. Будучи у памирских киргизов, М. С. Андреев отметил, что наряду с юртой у киргизов Памира были «чумы, покрывавшиеся шкурами зверей». Такие чумы, еще не вытесненные юртой, можно было наблюдать и в 1926 г. на труднодоступных и изолированных высотах[2]. Ясно, что не всякий киргизский бедняк мог завести себе юрту, поэтому он вынужден был ограничиваться более дешевым жилищем. Таким, очевидно, и являлся чум.

По форме остова, внутреннему убранству и внешнему декоративному оформлению юрты памирских киргизов относятся в основном к тому же типу, который был распространен у киргизов по Южному Синьцзяну, Алаю и Южной Фергане.

Часть киргизов Памира в прошлом имела, очевидно, и

---

[1] Абрамзон С. М. Очерк культуры киргизского народа. Фрунзе, 1946, с. 32.

[2] Андреев М. С. Чум — бывшее жилище киргизов Памира. Сб. статей, посвященных С. Е. Малову. Фрунзе, 1946, с. 15.

оседлые жилища. Путешественник Гордон во второй половине XIX века видел на Малом Памире «развалины киргизских глиняных и каменных хижин». Недалеко от Лянгара в 1869 г. английский разведчик под кличкой «мирза» встретил брошенные киргизские «хижины». Однако надо отметить, указанные селения располагались только на окраинах Памира. Об оседлых жилищах на самом Памире в то время ничего не известно. По утверждению самих памирцев 1950-х годов, «впервые дома на Мургабе стали строить лет 30 тому назад», т. е. в 1920-х годах [1].

Весьма вероятно, что зимние селения с глинобитными и каменными домами на окраинах Памира появились у киргизов под влиянием соседей афганцев и таджиков, и они не были, таким образом, типичными жилищами киргизов-памирцев.

Одежда и украшения

Основные элементы одежды памирских киргизов в середине XIX в. были такие же как у всех киргизов. Имелись некоторые отличия, являющиеся результатом заимствования у соседнего населения. Одежду носили преимущественно из материалов собственного изготовления: из кожи и шерсти животных.

Англичанин Вуд, побывавший на Памире в 1838 г. писал: «Женщины бывают красивы и, хотя суннитки, ходят без покрывала. Их одеянье состоит из бараньих кож шерстью внутрь»[2].

Наряду со шкурой в одежде памирских киргизов, как и у других соседних народов, употреблялись ситец или бязь, мата, сукно и другие покупные материалы, в зависимости от состояния. Надо сказать, что социальная дифференциация в дореволюционное время особенно ярко была выражена именно в одежде. Как сообщает Ю. А. Шибаева, «По рассказам стариков о старинной одежде (кийим), ...мужской комплект ее в XIX в., а возможно и в XVIII, рисуется следующим образом: непосредственно на тело киргиз одевал нижнюю рубаху (көйнөк или жегде), которую шили из белой бумажной или тонкой шерстяной домотканины с вышитым на краю воротом, и шаровары (шим) — реже из покупкой и чаще из домотканной шерстяной материи»[3]. В холодную погоду или в дорогу поверх

[1] См.: Шибаева Ю. А. Материалы по жилищу мургабских киргиз.— Сообщения республиканского историко-краеведческого музея, вып. 2. История и этнография, 1955, с. 94.

[2] См.: Минаев И. П. Сведения о странах по верховьям Амударьи. СПб., 1879, с. 201.

[3] Шибаева Ю. А. Материалы по жилищу, с. 33.

рубахи надевали чапан — стеганный на вате халат, крытый бумажной материей, или чепкен — халат из сукна либо армячины.

В зимнее время носили нагольные тулупы из овчины — тон. Покрой этой шубы относился к образцам: бухарскому и андижанскому. Верхнюю одежду мужчины опоясывали кушаком из полосатого материала либо шерстяной веревкой, а более богатые носили кожаный пояс, украшенный посеребренными пластинками и бляхами. Зажиточные слои носили зимой лисьи и волчьи шубы, крытые сукном или бархатом и окаймленные полосой из какого-либо меха (овечьего, лисьего, волчьего, куньего). Бедняки носили в качестве верхней одежды грубые халаты, надевавшиеся иногда на голое тело. Что касается обуви, то все местные киргизы — мужчины, женщины, молодые и старые — носили самодельные сапоги, которые изготавливались из выделанной кожи яка. В летний период мужчины носили на голове топу — конусообразную мягкую шапочку, а зимой разнообразные зимние шапки (общее название их «борук»), остроконечные шапки — шухшугуй, ушанки — малахай или калакчин.

Одежда женщин состояла из шерстяной рубахи с широкими рукавами и широких штанов. Их киргизки Памира не всегда шили из покупных тканей, бывших в старину редкостью, частично изготовляли и из шерстяных домотканых тканей. Бедные киргизки довольствовались домотканной материей. Верхней одеждой являлся чапан. При перекочевке или поездке в другие аилы надевали покупные халаты. Богатые носили шелковые халаты.

Головной убор замужней женщины состоял из белого тюрбана — элечек. Способы повязки элечека и приемы ношения вышитой повязки — кыргак тарма, которая прикреплялась к элечеку, отличалась у отдельных племен. Головным убором девушек была тюбетейка — топу. Что касается шапки — тюбетей, отороченной мехом куницы и украшенной перьями филина, то у памирских киргизов она мало употреблялась.

Пища

Пища памирских киргизов в прошлом состояла, главным образом, из молочных и мясных продуктов. Хлеб играл крайне незначительную роль в питании населения. Это было связано с тем, что памирские киргизы не занимались посевом, и хлеб, мука, а также некоторые продукты первой необходимости доставлялись на вьюках из далекой Кашгарии, либо из соседнего Таджикистана.

Давая характеристику пищи киргизов Памира, Д. Л. Иванов сообщает: «Пища этих киргизов преимущественно молочная. Кумыс крайне редок, свежее молоко, квашенное и смешанное с водой. Кутасовый сыр у них особенно в ходу и всегда, пускаясь в дорогу, они запасаются..., хлеба в течение лета памирские киргизы совершенно не знали и лишь лакомятся им только поздней осенью, когда поспевает в Шугнане» [1].

Из молока изготовляли различные продукты. Одним из них являлось густое кислое молоко — жуурат. Из сливок приготовляли сливочное масло, молоко створаживали, получая сузме. Разбавляя сузме водой, приготовляли жидкий напиток (чалап), который пили для утоления жажды. Из сузме делали также сыр курут, высушивая его на солнце. Молочные продукты у киргизов Памира имели некоторые отличия от других киргизских однотипных продуктов и по названиям и по способу приготовления.

Из мясных блюд широко была распространена вареная баранина. Довольно часто употреблялся «куурдак»— нарезанное мясо мелкими кусками, поджаренное без всяких приправ. Если мясо было не жирным, его поливали топленым маслом или сливками. По утверждению информаторов, некоторые родоплеменные группы памирских киргизов в прошлом, расположенные по соседству с бадахшанскими таджиками, не употребляли в пищу конское мясо, считая это «грешным».

Из риса варили молочную кашу шир-куруч. Из муки готовили лепешки, жаренные в масле (май токоч), соленые лепешки, сваренные в молоке и сдобренные маслом (жупка), слоеные лепешки со сливками (каттама). Надо отметить, что мучную пищу употребляли только зажиточные слои населения. Что касается бедняков, то для них хлеб известен был лишь только по названию.

Семья и брак

В семейных отношениях памирских киргизов в прошлом, даже в XIX веке, преобладал патриархальный уклад. Продолжали бытовать большие неделенные патриархальные семьи, иногда состоявшие из нескольких родственных групп, ведущих совместное хозяйство и владевших сообща скотом и другим имуществом. Во главе такой семьи стоял старейшина, которому повиновались остальные члены семьи.

По некоторым данным можно заключить, что были от-

[1] Архив Географического общества Союза ССР, ф. 69, оп. 1, д. 46, л. 53—54.

дельные «родовые группы», как например, кыдырша, у которых запрещали отдавать девушек своего рода в чужой, и жениться могли только на девушках своего рода. Но существовали и такие «родовые группы», где жен брали только извне. Такое явление можно было наблюдать в конце XIX века у ак-ташских киргизов, которые выбирали себе жен из аулов Тагармы и Тагдум-Баша.

Однако первые формы отмеченных брачных отношений в конце XIX века постепенно стали разрушаться. Это было связано с тем, что после присоединения памирских киргизов к России русская администрация в целях ликвидации родоплеменной вражды между алайскими и памирскими киргизами принимала специальные меры для устранения междоусобиц, возникавших только на основе брачных связей. Это было первым ударом по старой форме брачных отношений, господствовавших ранее у памирских киргизов.

Можно было встретить и смешанные браки с таджиками. Как указывают информаторы, такие браки происходили преимущественно при женитьбе киргизов на таджичках, но не наоборот. Весьма характерны наблюдения А. Г. Серебренникова о памирских киргизах: «Они родственны кара-киргизам, кочующим на Алае, сходны они по типу и по наружному виду... Впрочем, существуют и заметные уклонения от этого типа, и нередко встречаются лица, где с первого взгляда можно заметить примесь арийской крови. Подобные уклонения происходят, разумеется, от смешанных браков памирских киргизов с таджикскими женщинами памирских ханств Рушана, Шугнана и Вахана, а также и соседней Тагармы, провинции Кашгара и наблюдаются сравнительно часто, так как киргизы охотно женятся на таджичках, высоко ценя в них трудолюбие и домовитость. Нельзя не заметить обратное — выход киргизок замуж за таджиков, что бывает чрезвычайно редко и киргизы объясняют это тем, что неохотно выдают своих дочерей замуж за таджиков, т. к., по их мнению, жизнь таджикских женщин очень непривлекательна и тяжела»[1].

Отметим, если девушка-таджичка выходила замуж за киргиза, то были соблюдены киргизские свадебные обряды, а если киргизка выходила замуж за таджика, то соблюдались таджикские свадебные обряды. Возраст для вступления в брак определялся в 17—18 лет, иногда этот брачный возраст снижался до 14—15 лет, особенно для деву-

[1] Серебренников А. Г. Памир, с. 138—139.

шек. Решение вопроса о браке принадлежало родителям, точнее отцам юноши и девушки. Что касается положения женщин в семье, то, несмотря на сохранение патриархальных традиций, они пользовались определенным равноправием, свободой и самостоятельностью в ведении домашнего хозяйства.

Подводя итоги краткому изложению материальной культуры памирских киргизов, необходимо отметить большое сходство, а подчас и тождество с материальной культурой киргизов южных частей Киргизстана. Это убедительно свидетельствует, что культура памирских киргизов складывалась в аналогичных с южными киргизами условиях.

Социальные отношения

До революции киргизы Памира не прошли капиталистической стадии развития, находились на уровне патриархально-феодальных отношений. Каждая родоплеменная группа (община) являлась экономической или административной единицей.

Пастбищные земли формально считались собственностью общины, но фактически распоряжалась ими феодальная верхушка, члены рода могли пользоваться землей только с разрешения феодалов. В структуре общества выступали два класса: класс эксплуататоров — феодальная знать-кушбеги, беки, датхи, кази, баи, с одной стороны, и класс эксплуатируемых — трудящиеся массы — с другой.

У киргизов Памира ведущей фигурой в обществе считался бай, стоявший во главе более или менее самостоятельной родоплеменной группы. Его права и обязанности определялись, в первую очередь, имущественным положением и зависели от количества подвластного ему населения.

В период господства Кокандского ханства у киргизской феодальной знати Памира стали распространяться звания кушбеги, бек, датха. Полновластным хозяином области фактически являлся датха. Наряду с датхой к господствующему классу относился бий. Если датха управлял всем населением Восточного Памира, то бий являлся главой и правителем отдельной родоплеменной группы. В то же время в каждом родовом объединении имелся свой судья, также именовавшийся бием и разбиравший спорные дела по «народным обычаям».

К середине XIX в. кокандские ханы пытались было заменить их казиями, которые бы выполняли функции судей в соответствии с мусульманским правом — шариатом. Но в кочевых районах с чисто киргизским населением ханское нововведение не прижилось. После вхождения Памира в состав России на серьезных судебных разбирательствах

присутствовал в качестве арбитра начальник Памирского отряда, которому принадлежало решающее слово.

К категории класса феодалов относится бай. Это была одна из основных прослоек господствующего класса, которая, сосредоточив в своих руках огромное количество скота и пастбищ, эксплуатировала непосредственных производителей. В конце XIX в. баи выступали уже не только как крупные скотовладельцы, но и как торговцы и ростовщики, использовавшие патриархально-феодальные формы эксплуатации и кабальные займы. В политической жизни киргизов баи, однако, заметной роли не играли. Большинство из них не участвовало в общественных делах и не занимало никаких административных постов. Но в связи с тем, что они имели в своих руках многочисленный скот, это служило им орудием эксплуатации непосредственных производителей и влияло, естественно, на общественное положение. Для обслуживания своего хозяйства они имели наемников-малаев, но в большинстве случаев пользовались даровым трудом бедняков, предоставляя им за труд на временное пользование рабочий и молочный скот.

К категории эксплуататорского класса относились и различные слои духовенства — ишаны, молдо и др. Однако, в отличие от других соседних народов на Памире, степень распространения ислама среди киргизов была невелика, и, в связи с этим, духовных лиц было немного. А. Г. Серебренников в свое время отмечал: «Памирские киргизы считаются магометанами-сунитами, но вообще, как все кочевые народы они не отличаются особенной религиозностью и ислам не успел пустить у них таких глубоких корней, как, например, у оседлого населения... строго говоря у них совсем нет религии, которая заменяется внешними обрядами и суевериями. Причина: разбросанность населения, неблагоприятные условия жизни, бедность, главным образом отсутствие грамотных людей»[1].

Основной массой населения являлись трудовые слои — букара. Низшую ступень их составляли малаи и жалчи, батрачившие у баев и других эксплуататорских классов. Путешественники по Памиру часто отмечали бедность местного населения. Она объяснялась не только результатом эксплуатации местных феодалов, но и частыми разорительными набегами завоевателей.

Тяжелое положение киргизов Памира иллюстрирует следующий документ, относящийся к 1896 г.: «Немногочи-

[1] Серебренников А. Г. Памир, с. 141.

сленное кочевое население Памиров... живет в большой бедности, благодаря чрезвычайно суровым климатическим условиям страны, исключающим всякую возможность к занятию земледелием, недостаточному количеству стад»[1].

Самую низшую ступень среди зависимых сословий в XIX в. у киргизов Памира занимали рабы. Но нужно отметить, что рабство не носило массового характера. Рабами были, главным образом, военнопленные, захваченные во время войн с соседями. Рабы использовались в основном в домашнем хозяйстве в качестве прислуг и с течением времени могли откупиться, отслужив определенный срок у своего хозяина.

В условиях патриархально-феодальных отношений, где главным являлось скотоводство, основным средством эксплуатации трудящихся служил скот, сосредоточенный в значительной степени в руках феодалов, т. е. главные средства производства находились в руках феодально-родовой знати. Зависимость непосредственных производителей кочевой общины от феодальной знати выступала не в открытой форме, как у соседних народов Средней Азии, а в завуалированной патриархальной оболочке под различными проявлениями «родовой помощи» родственнику или сородичу.

Именно этим и объясняется, что памирские киргизы «как-то сами собой группировались вокруг богатых, которые в конце концов третировали их как слуг и управляли ими вполне бесконтрольно, хотя наружно такие отношения и не проявлялись резко. Эти же богачи всегда занимали должности аксакала, минг-баши и др.»[2]; — писал в свое время известный русский путешественник Г. Е. Грумм-Гржимайло.

Своеобразие форм феодальной зависимости бедняцкого населения от эксплуататоров в условиях сохранения патриархального родового быта обуславливало и своеобразие форм феодальной эксплуатации. Трудовые массы киргизов, помимо уплаты ренты, обязаны были нести также и трудовую повинность в пользу эксплуататоров.

Все сохранившиеся трудовые обычаи и традиции использовались родоначальниками в своих личных интересах. Сохраняя и поддерживая эти традиции, они укрепляли свое господство над «сородичами», выступая под видом защитников «родовых интересов». Очень часто семьи «родствен-

[1] ЦГВИА СССР, ф. 400, 1896, д. 24, л. 2.

[2] Грумм-Гржимайло Г. Е. Очерк Припамирских стран.—Известия Русского Географического общества, т. XXII, вып. II. СПб., 1886, с. 100.

ника», окончательно разоренные тем или иным феодалом, жили при его доме, работая на него, и получали за труд «что дадут». Фактически этот бедняк терял право ухода от хозяина, сын становился его должником.

Одной из основных причин живучести родовых пережитков дореволюционного периода явилось господство кочевого образа жизни и отдаленность от оседлых поселений. Разобщенность населения, замкнутость аила и обособленность его от «своих сородичей», забитость и бедность киргизских масс также способствовали живучести пережитков родового строя.

Всевозможные поборы и эксплуатация населения в разной форме приводили к социальным конфликтам. Они выражались в отказе от уплаты податей, в уклонении от выполнения феодальных повинностей, в убийстве наиболее ненавистных феодалов. Об одном из таких фактов сообщал Б. А. Громбчевский. Один из управителей памирских киргизов Тилла-датха из рода Кара-теит. был прислан на Памир Кокандским ханом Шералы. Управление датхи отличалось «невероятной жестокостью», вследствие чего выведенное из терпения население возмутилось и убило его на р. Кийик-Баши, близ урочища Уч-Оруз[1].

Однако классовая борьба у памирских киргизов не проявлялась ярко и четко, как у народов, прошедших классическую форму феодального способа производства. Это объясняется живучестью патриархально-родовых пережитков, вековой отсталостью трудящихся и характером подвижного и раздробленного скотоводческого хозяйства.

Глава VII.

ЭКСПЕДИЦИЯ ЗА КНИГОЙ

Утерянные письмена

Некогда, в отдаленные времена киргизы вместе с другими тюркскими народами имели письменность, так называемую древнетюркскую или орхоно-енисейскую. Каменные стеллы и валуны с руническими письменами VI—XI веков широко известны и были обнаружены как в северной Монголии, в Иртышско-Енисейском междуречье, так и в Таласской до-

[1] ЦГА Узб. ССР, ф. И-19, оп. 1, д. 3342, л. 393.

лине Киргизской ССР. В Таласе сохранилась даже деревянная палочка (остатки посоха?) с кратким изречением-наставлением путнику. Но позже эта письменность была забыта, «утеряна», и киргизский народ подошел к Октябрьской революции, наряду с некоторыми другими народами нашей страны, как бесписьменный. Он не имел своей национальной литературы, ни художественной, ни исторической хроники, на 98% был безграмотным. И лишь фундаментальный, в миллионы строф народный героический эпос «Манас», передававшийся в устной форме из поколения в поколение, в какой-то мере восполнял этот пробел, являясь в буквальном смысле «энциклопедией» народной жизни, истории, быта и культуры народа. Именно поэтому до недавнего времени бытовало сомнение в отношении наличия старинных рукописей и книг на территории Киргизии. Но ведь ни один народ, ни одна культура никогда не существовали в глухой изолированности. Даже такие труднодоступные высокогорные районы, как Тянь-Шань и Памир, были ареной больших политических событий, их народы оставили заметный след в истории мировой цивилизации. Киргизский народ издревле находился в тесных этнических, экономических и культурных связях с соседями — казахами, узбеками, таджиками, афганцами, уйгурами, китайцами, иранцами и другими народами, имевшими свою письменную культуру, художественную и исламскую литературу, исторические хроники и сочинения.

Неизвестная рукопись

В других среднеазиатских республиках, да и в соседних странах, имелась давняя традиция собирать книги, и к настоящему времени там оказались собранными большие коллекции рукописных и печатных книг. Для Киргизии «лед тронулся» после того, как в апреле 1976 г. на страницах газеты «Советская Киргизия» была опубликована заметка — небольшая информация Н. Харченко о рукописном сборнике, поступившем в республиканскую библиотеку из центральных районов Тянь-Шаня. Он условно был назван «Законы Кокандского ханства». Поскольку в ханстве самобытных письменных законов как таковых не существовало, а правили по шариату, рукопись вызвала подозрение. По нашей рекомендации она была направлена востоковедам в Ленинград и Алма-Ату для определения. Результаты оказались насколько неожиданными, настолько и интересными. Заключение арабистов М. Пиотровского и В. Настича гласило: рукописный сборник на арабском языке содержит копии трех среднеазиатских трактатов по логике и богосло-

вию — «Солнечный трактат об основах логики» автора XIII в. Али ал-Катиби Дабирана, «Комментарии по исламу» Омара ан-Насафи из Самарканда, знаменитого законоведа ханифитского толка первой половины XII в. и, наконец,— «Критическое изложение логики» Омара ат-Тафтазани — знаменитого ученого-теолога конца XIV в., жившего при дворе Тимура в Самарканде. Копии рукописей были переплетены одним из среднеазиатских мастеров в конце XVIII в. Но как сборник попал к киргизам Центрального Тянь-Шаня, как он там использовался и многие другие вопросы оставались неясными. Это вызвало настоятельную необходимость организации специальной экспедиции, чтобы проверить наличие и, если повезет, собрать коллекцию книг среди киргизского населения отдаленных высокогорных районов.

Начало поисков

Обсуждение проекта и последующее принятие Закона СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» (1976—1977 гг.) стимулировали полевые археографические поиски в Киргизии, которые неожиданно для всех принесли неплохие плоды. За пять полевых сезонов (1976—1980 гг.) ученые Института истории АН Киргизской ССР (под руководством В. М. Плоских) в содружестве с ленинградскими и алма-атинскими востоковедами объехали целый ряд районов предгорной Ферганы, Памиро-Алая, Центрального Тянь-Шаня, Прииссыккулья и в результате выявили среди населения, а также обнаружили в мазарах, пещерах, мечетях свыше 250 старопечатных и литографических изданий XIX — нач. XX в., около 200 рукописей с XV до XIX в., десятки документов на арабском, тюркском, иранском языках.

Приехавшие сибирские ученые под руководством профессора Н. Н. Покровского среди старожилов-переселенцев выявили несколько памятников кириллической письменности — книг и рукописей, представляющих историческую ценность. В частности, среди славянорусских книг кириллической печати было обнаружено несколько изданий первопечатника Ивана Федорова, в том числе фрагменты московского первопечатного Апостола 1564 г., экземпляр Острожской библии 1580 г. и другие.

Но подавляющее большинство памятников было восточного происхождения на местных языках. Это документы, рукописи и книги с территории Средней Азии, Афганистана и Индии, некоторые переписаны на территории Киргизии местными молдо. Печатные книги привозились издалека, их

география включает Ташкент, Казань, Бухару, Самарканд, Стамбул, Лакхнау, Канпур и другие города Азии. По содержанию книги как светского, так духовного характера: стихи, поэмы, научные трактаты, руководства по фикху (мусульманскому законоведению), исламские сочинения, сборники хадисов (преданий о поступках и изречений Мухаммеда), шариат и коран.

Несомненный интерес представляет санджра — генеалогия киргизов под названием «Родословное древо и происхождение кочевых племен». Ценность ее заключается в том, что согласно записанной генеалогии, родоначальником киргизов назван Шейх-Мансур Халладжи, который упоминается и в первой записи знаменитого киргизского эпоса «Манас» — средневековом сочинении XVI в. на таджикском языке — «Маджму ат-Таварих».

Рукопись Джами

Однако наиболее интересной и ценной в этой коллекции Института истории республиканской Академии наук явилась самая ранняя копия грамматического трактата знаменитого среднеазиатского поэта, ученого, мыслителя Абдуррахмана Джами, закончившего свой последний научный труд летом 1492 г. и вскоре умершего в Герате, на территории современного Афганистана.

Пять веков первая копия его последней рукописи переходила из рук в руки, бережно подклеивалась, неоднократно переплеталась, пока от последнего владельца — киргиза из Припамирья не перешла в фонды Академии. Так, невидимые, казалось бы, нити неожиданно объединили Киргизию и Афганистан научным трудом — свидетельством давних традиционных связей наших народов.

Средневековый Хорасан конца XV в. В его столице Герате властный визирь султана Хусейна Байкары Алишер Навои не только правит государством, объединяющим часть территории Средней Азии и Афганистана, но и покровительствует ученым, поэтам, сам создает такие замечательные произведения, воспевающие любовь, красоту человеческого труда и созидания, как «Фархад и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Семь планет».

Основоположник узбекского литературного языка Алишер Навои считал себя учеником выдающегося поэта и мыслителя, классика таджикской и персидской литературы Абдуррахмана Джами (1414—1492 гг.).

Перед нами его знаменитое последнее произведение — грамматический трактат.

...Вся первая половина 1492 года для Джами прошла в

напряженном труде. Прославленный поэт заканчивал в столице Хорасана Герате многотрудное сочинение — трактат по грамматике арабского языка. Работа в основе была завершена ранее, но ее предстояло переписать начисто. Каллиграф из него неважный, но черновик был так испещрен многочисленными пометками, что кроме автора едва ли кто смог бы в них разобраться. Поэтому понятен вздох облегчения, когда автор дописывал последнее предложение: «Избавился от мук подготовки к переписке этого толковника с черновика на чистовик сей ничтожный раб Абд ар-Рахман ал-Джами... утром в субботу одиннадцатого рамазана... года восемьсот девяносто седьмого» (в переводе на европейское летосчисление —7 июля 1492 г.). Автору оставалось прожить еще четыре месяца.

Осенью 1492 г. семидесятивосьмилетний Джами простудился и слег в постель. Весь Герат с напряжением следил за болезнью своего престарелого кумира. Ежедневно его навещал блистательный ученик, друг и покровитель Алишер Навои, на руках которого Джами и умер 18 мухаррама — 9 ноября 1492 года. Эту дату приводят все основные справочники, в том числе и Большая Советская Энциклопедия, но некоторые источники и сам Алишер Навои, называют 17 мухаррама, т. е. 8 ноября.

Поэт умер, произведениям его суждено было пережить века. Уже современники почитали его величайшим мыслителем. Имя Джами стоит наряду с такими прославленными поэтами Востока, как Рудаки, Фирдоуси, Ибн Сина, Хайям, Саади, Хафиз. Являясь одним из представителей блистательной плеяды звезд средневековой восточной поэзии, Джами оказал огромное влияние на развитие всей последующей литературы мусульманского мира.

Абдуррахман Нураддин ибн Ахмад Джами, великий средневековый поэт и ученый, крупный деятель суфизма, знаток мусульманского права родился 7 ноября 1414 года в местечке Джам в Хорасане на территории современного Афганистана. Получив образование в Герате и Самарканде, где он слушал лекции ближайшего сотрудника Улугбека Кази-заде-ий-Руми, Джами отказался от придворной карьеры, хотя перед ним открывалась такая возможность неоднократно. Он примкнул к суфийскому ордену «накшбандийе», который привлек его призывами к деятельному добру. Начав рано писать, Джами рано получил и широкую известность. Его сочинения переписывались, имели огромный успех как при дворах правителей, так и среди простого населения. Объясняется это тем, что Джами от-

личался разносторонностью поэта и философа, мог писать о высоких материях, наставлять и учить носителей власти и посвящать им свои произведения. В то же время он любил народ и неоднократно повторял: «Мы по самой природе своей люди степные, деревенские»[1]. Джами — деятель-гуманист, сторонник человеческой справедливости. Благосклонность гератского двора и многолетняя дружба визиря Алишера Навои не могли повлиять на его независимость. Достоинством его произведений является относительная ясность и простота в сравнении с напыщенностью поэзии XV века. Это дало повод отдельным исследователям придти к необоснованному выводу, что Джами приспосабливал свою поэзию ко вкусам и требованиям эпохи.

Вершиной его идейного творчества является «Книга мудрости Искандера» — его социальная утопия, легенда о счастливом царстве на земле. И отсюда понятны его вольнолюбивые призывы в век жесточайшего восточнодеспотического правления:

«Не верой, не обрядами страна —
Законом справедливости сильна»,— писал Джами в поэме «Саламан и Абсаль» — одной из частей знаменитой «Семерицы». За сорок лет активной творческой жизни Джами оставил огромное литературное наследство. Наиболее известными произведениями А. Джами являются семь поэм, объединенных общим названием «Хафт авранг» («Созвездие Большой Медведицы»), сборник нравоучительных рассказов «Бахаристан» («Весенний сад») и др.

Рукописей его произведений сохранилось довольно много, гораздо больше, чем от его предшественников. Они более точно датируются, и принадлежность большинства из них Джами не вызывает сомнений (чего нельзя сказать о многих сочинениях других поэтов средневекового Востока). Немало списков рукописей восходит к XV веку, еще более —к началу XVI в. Списки его произведений распространялись и позже, а в конце XIX — нач. XX в. появляются литографии и печатные издания. Сохранились и автографы поэта, есть они и в рукописном собрании Института востоковедения АН Узбекской ССР, в Академии наук Таджикской ССР. Летом 1980 г. Таджикская Академия наук передала в дар Академии наук ДРА серию факсимильных изданий работ А. Джами. Все ученые согласно отмечают, что автографы Джами отличить нетрудно: поэт

---

[1] См.: Бертельс Е. Э. Избранные труды. Навои и Джами. М., 1965, с. 222.

обладал характерным почерком. С точки зрения каллиграфического искусства, он не может быть назван красивым, о чем писал и сам Джами, но узнать его легко.

Согласно каталогу произведений Джами в собрании Узбекского Института востоковедения, здесь имеется несколько списков трактата ученого по грамматике арабского языка, названных «Наставление Зияуддину» или «Комментарий Муллы». В каталоге названа еще 51 копия списков сочинения, диапазон датировки которых охватывает период с нач. XVI по конец XIX века.

Список, приобретенный нами во время экспедиции, является одним из уникальных. Рукопись Джами мы обнаружили в Южной Киргизии, в одной киргизской семье, предки которой спустились с припамирских гор поколение назад. Кстати, здесь же оказались и два интересных литографических издания с поэмами Джами и комментарием на трактат поэта по арабской грамматике. Обе книги сейчас в коллекции Института истории Киргизской Академии наук.

Рассмотрим подробно рукопись самого трактата. Название самого сочинения, по старой восточной традиции, не выделено в заглавие, как это делается в современных книгах, а упомянуто в самом тексте на первой странице: «Полезные замечания, достаточные для разрешения трудностей ал-Кафии». Написанное в качестве толкования к известному грамматическому трактату Ибн ал-Хаджиба (1175—1249), сочинение Джами в сущности представляет собой самостоятельный труд, в котором разъясняются основные положения и трудности арабской грамматики. Автор посвятил свое произведение сыну, Зияуддину Юсуфу. Судя по всему, первоначальное назначение трактата — пособие для успешного овладения всеми сложностями основного языка науки и поэзии мусульманского мира средневекового периода — арабского языка. Но он имел и самостоятельное научное значение. Так он воспринимался уже современниками, так его понимали и потомки.

На последней странице трактата приведена дата окончания авторской работы над сочинением: суббота, 11 рамазана 897 г. хиджры, т. е. 7 июля 1492 г.

Исторические источники говорят о том, что этот труд Джами довольно быстро завоевал признание и популярность среди тех, кто брался за изучение арабского языка. Например, Зайнаддин Васифи в своих мемуарах упоминает о том, что уже в 1511 г. грамматика Джами входила в курс обязательной подготовки для учащихся медресе.

Позднее этот трактат был широко распространен как в Афганистане, так и в Средней Азии под различными названиями.

Разнообразие названий, приписываемых одному сочинению, указывает на достаточно большое число и разновременность списков трактата, существовавших в различных странах Востока. Каждым из переписанных заново экземпляров наверняка пользовался не один десяток учащихся. Достаточно обратить внимание на широкие поля киргизской рукописи, испещренной многочисленными пометками и дополнениями ее читателей. Все это убедительно свидетельствует о широкой популярности грамматики Джами среди населения Средней Азии, Афганистана, Ирана и сопредельных областей мусульманского мира, где изучался арабский язык.

Рукопись дошла до нас в полном списке и хорошей сохранности. Она написана отличным, четким почерком наск и имеет хорошее художественное оформление. Титульный лист рукописи украшен унваном — фигурной многоцветной заставкой, в которой преобладает золотая и темно-голубая краски. Текст на каждой странице заключен в изящную тонкую рамку, выполненную в тех же красках. Черные строки арабской вязи оживляются «рубриками» — названиями грамматических разделов, отдельными словами и фразами, выписанными красной киноварью великолепным почерком сульс. Книги, изготовленные с таким мастерством, ценились очень высоко, и их могли приобретать только состоятельные люди. Довольно часто такие рукописи делались по заказу правителей и богатых меценатов.

Переписчик

Но главное достоинство обнаруженного списка, помимо всего прочего, заключается в том, что он является одной из самых ранних копий трактата, если не восходит непосредственно к авторскому списку. В колофоне указаны место и дата переписки — «в преславном городе Балхе» в 899 году хиджры (октябрь 1493 — сентябрь 1949 гг.), т. е. через год-два после написания самого сочинения Джами.

Страницы книги сохранили нам и имя переписчика — Даулат Мухаммед ибн Тенгри-берди кушчи. Тюрк по происхождению, о чем свидетельствует тюркское языческое имя его отца, он, вероятно, относился к тому кругу интеллигенции, которую так ярко описал в своих мемуарах выходец из той же среды младший современник Джами и Навои Зайнаддин Васифи. Переписчик был из широко распространенного древнего тюркского племени кушчи. По

мере формирования к XVI в. самостоятельных народностей — киргизской, узбекской, казахской — отдельные роды кушчи, сохранившие свое самоназвание, вошли этническим компонентом в состав этих народностей.

Даулат Мухаммед, судя по рассматриваемой рукописи, был прекрасным каллиграфом и знатоком арабского языка — иначе он просто не смог бы точно и без ошибок переписать столь сложный и объемистый арабский текст. Он знал и персидский язык, почерком насталик сделана приписка:

«Написанное на листе останется вечно,
А бедный писец обратится в прах».

Не исключено, что подобного рода приписки делали многие мастера, из рук которых выходили эти удивительные плоды долгих месяцев кропотливой работы.

Последующая судьба рукописи

Сколько таких уникальных творений не дошло до нас, затерявшись где-то в лабиринтах веков! Нашей рукописи действительно повезло: почти пять столетий переходила она из рук в руки, пока не попала на стол исследователя. Аккуратно подклеивались ее поврежденные страницы, вписывались испорченные временем и многократным пользованием места в тексте. На последней странице внизу сохранилась интересная запись по-персидски: «Дата покупки этой книги — 1134» (т. е. 1722—23 гг.). Под этой пометкой видны следы стертой надписи — вероятно это была аналогичная приписка прежнего владельца книги. Следовательно, сам факт покупки такого манускрипта стоил того, чтобы специально отметить это на его страницах.

Переплет рукописи сделан уже в XIX веке и, бесспорно, далеко не первый за ее долгую «жизнь». Он настолько изящен и аккуратен, что мастер, изготовивший его, решил увековечить на переплете свое имя: в одной из фигурных орнаментальных виньеток мы читаем: «Работа муллы Надир-Мухаммеда саххафа (переплетчика)» и дата — 1257 (1841—42), т. е. середина XIX века. Переплет изготовлен в Средней Азии: техника работы и особенности его оформления вполне типичны для кокандских мастеров, чьи произведения украшают еще несколько рукописных и печатных книг, собранных экспедицией.

Так, научный труд, написанный в Герате, переписанный в Балхе, переплетенный кокандским мастером, уже в наши дни был обнаружен в киргизских предгорьях Ферганы и занял достойное место в фондах Института истории АН Киргизской ССР.

Коллекция книг и рукописей

О популярности сочинений А. Джами среди населения южных районов Киргизии, близких Таджикистану и Узбекистану, говорит и факт приобретения нами у населения других его книг. Мало того, в том же районе Киргизии мы встретили «Комментарий к грамматическому трактату ал-Джами». Комментарий к этому самому грамматическому трактату, рукопись которого нами была найдена ранее. Комментарий, свидетельствующий о том, что сочинение Джами имело значение не только вспомогательного учебного пособия, но и самостоятельного научного труда. В колофоне приведена дата окончания комментария — 1237 (1821—1822 гг.). Составлен он был неким Хаджи Абдаллахом ибн Салих ибн Исмаилом (Махрам-эфенди) в начале XIX века, а издан в Константинополе на 513 страницах в 1890—1891 гг. И этот труд пополнил коллекцию Института.

Нам посчастливилось также приобрести редкое литографическое издание двух других произведений Джами — «Нафахат ал-унс» («Веяние дружбы») и «Силсилат аз-захаб» («Золотая цепь») объемом в 467 страниц. Они опубликованы на персидском языке в Канпуре (Индия) в 1893 г. Первое сочинение содержит биографии в прозе знаменитых суфиев. Второе — эпическая поэма, посвященная правителю Герата Султан-Хусейну Байкара,— одна из семи входящих в «Семирицу» Джами («Хафт авранг»).

Коллекция Института пополнилась также рядом литографических изданий диванов Алишера Навои, всесильного визиря Хорасана, выдающегося представителя узбекской классической литературы. В заключение хочется подчеркнуть, что, обращаясь к произведениям великого поэта и мыслителя, нельзя допускать ни идеализации суфизма ради возвышения Джами, ни унижения Джами из-за реакционной сущности религиозно-мистической идеологии. Джами, с одной стороны, был сыном своего времени, с другой — намного опередил эпоху, возвысившись до гуманиста, певца коммунистической утопии.

Находки археографических экспедиций, десятки привезенных арабо-персидских и тюркских книг и рукописей свидетельствуют о давней рукописной традиции в Средней Азии и связях ее с Афганистаном, Ираном, Индией, о роли знания в культурной и общественной жизни населения этих стран в средневековье, а также о бережном отношении к книге, об уважении к людям, вложившим в нее свои познания, свой нелегкий труд.

Рукописи Афганистана

Всестороннее научное исследование собрания редких книг и рукописей в Киргизской Академии наук только начинается. Можно почти то же самое сказать и о Демократической Республике Афганистан.

Рукописи и старинные книги с успехом собираются среди населения Афганистана. На базе библиотеки Исторического общества в ДРА образован Национальный архив, в котором собрано уже свыше 8 тыс. уникальных документов, более 10 тыс. рукописей и книг, самые ранние из которых относятся к IX в. н. э. Здесь и старинные Кораны куфического письма, и фирманы эмиров, и договора племен с центральным правительством.

После Апрельской революции сотни редких манускриптов, бывшие собственностью членов семей королевской династии, поступили в Национальный архив. Но отдельные рукописи, и довольно уникальные, еще продолжают оставаться в частных руках. В Афганистане имеется и оригинальная рукопись, посвященная истории России, в которой дано подробное жизнеописание Петра I. В огромном фолианте, скрепленном кожаным переплетом,— тонкие шелковые страницы, написанные мелким каллиграфическим почерком и украшенные миниатюрными иллюстрациями. Рукопись и сама по себе представляет образец искусства.

В Национальном архиве ДРА бережно хранится сборник стихотворений известного афганского прогрессивного деятеля и поэта Махмудбека Тарзи, диваны средневековых хафизов, произведения А. Джами и Алишера Навои.

Работа по собранию старинных книг и рукописей, уникальных документов в Киргизии и Афганистане продолжается. А это значит—впереди новые находки, новые открытия; ученых ждут несомненные успехи.

Глава VIII.

У ИСТОКОВ ДОБРОСОСЕДСТВА

Но вернемся на 65 лет назад к политической истории, началу дружеских взаимоотношений молодой Советской республики и Афганистана. Великая Октябрьская социалистическая революция коренным образом изменила ход

развития всего человечества. Она положила начало социальному освобождению народных масс не только в нашей стране, но и за рубежом, дала мощный толчок к крушению колониально-империалистической системы. Октябрь пробудил Восток, явился могучим морально-политическим фактором, способствующим невиданному размаху освободительного движения народов Азии.

Происки реакции

Но старое не хотело мирно отступать. Реакция упорно цеплялась за отжившее, организовывала контрреволюционные движения. В Средней Азии это вылилось в форму басмачества — политического бандитизма, поддержанного международным империализмом. Аналогичное положение мы наблюдаем повсеместно и сейчас в Демократической Республике Афганистан. Банды головорезов и наемников, басмачей-душманов 70—80-х годов XX столетия тщетно пытаются затормозить ход истории. Что не удалось в 18—20-х годах в Советской Средней Азии, то не удастся и в ДРА!

Небезынтересно проследить аналогии политического бандитизма на конкретных исторических фактах. Начнем с разгрома басмачества в Средней Азии. Буквальное значение тюркского слова «басмак» — «давить», «притеснять». И трудящиеся Средней Азии метко прозвали этих бандитов басмачами — «душителями». До революции басмачи занимались грабежом населения, нападали на аилы, кишлаки, торговые караваны. Это были организованные отряды уголовников, которых местные баи, разного рода «титулованные» ханы, эмиры и белогвардейцы использовали для подавления выступлений трудящихся. Басмачество, не утратив своей уголовной сущности, в годы гражданской войны в СССР стало использоваться международным империализмом и контрреволюцией в качестве буржуазно-националистической силы, приобрело черты политического бандитизма. В басмаческие банды стали вливаться лишенные революцией власти манапы, баи, бии, представители реакционного духовенства. Их действия направлялись контрреволюционными антисоветскими организациями и разведывательными службами капиталистических государств. Они щедро снабжали их оружием и деньгами. Военные инструкторы-офицеры обучали эти банды тактике ведения боевых операций. Особенно усердствовали в организации басмачества английские, а также американские разведки, действовавшие через Афганистан, Иран и Индию. В «Тетрадях по империализму» В. И. Ленин относил Афганистан к тем странам, которым «недостает су-

верените та», которые обычно «переходят в руки великих держав», отдельные их части отрываются [1].

Англия издавна стремилась держать Афганистан в сфере своего политического влияния. После завоевания Индии Англия намеревалась превратить Афганистан и Иран в свои колонии, провоцируя конфликты между феодальными правителями Герата, Кандагара и Кабула, а также с соседним Ираном, действуя по излюбленному принципу «разделяй и властвуй». Хотя во главе Афганистана в XIX в. продолжал оставаться эмир, имелись свое правительство и национальная армия, Афганистан фактически утратил право самостоятельных внешнеполитических сношений, да и во внутренние афганские дела английские колонизаторы вмешивались довольно активно. Правда, в ходе первой и второй англо-афганской войн (1838 и 1878—1880 гг.) из страны были выведены английские войска, но окончательно избавиться от британского контроля Афганистан так и не сумел вплоть до начала XX в. С развязыванием контрреволюцией гражданской войны в Советской России Англия организует против нее интервенцию на Севере и Дальнем Востоке, на Кавказе, провоцирует Иран и Афганистан.

Английские спецслужбы использовали всевозможные методы и пути для связи с контрреволюционными организациями. В частности, они поддерживали все антисоветские выступления в Средней Азии. В соседних пограничных с Россией странах — в Афганистане, Восточном Туркестане и Иране — Англия создает свои опорные пункты, откуда направлялась контрреволюционная деятельность в Средней Азии, координировалось басмаческое движение. Пресловутая «Кокандская автономия», провозглашенная в ноябре 1917 г. туркестанской торгово-промышленной буржуазией, в основе которой лежали принципы панисламизма и пантюркизма, явилась первой, пока еще скрытой *формой английского вмешательства в дела Средней Азии.* После разгрома «Кокандской автономии» в феврале 1918 г. ее вожаки стали первыми главарями, так называемыми курбаши басмаческих шаек. Среди них — печально прославившиеся в прошлом уголовник Иргаш, бывший начальник местного отделения милиции Мадамин-бек и другие. Фергана стала центром басмачества, временами распространявшегося и на другие районы Средней Азии.

Анализируя сложную обстановку в стране, В. И. Ленин в своем выступлении 29 июля 1918 г. подчеркивал: «Вчера

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 28, с. 80—81.

получено сообщение, что часть городов Средней Азии охвачена контрреволюционным восстанием при явном участии англичан, укрепившихся в Индии, которые, захватив в свое полное подчинение Афганистан, давно создали себе опорный пункт как для расширения своих колониальных владений, для удушения наций, так и для нападения на Советскую Россию»[1]. Политика Англии и открытое ее вмешательство через Афганистан во внутренние дела Советской республики, хотя и поддерживались полностью эмиром Хабибуллой, вызывали противодействие определенных прогрессивных кругов Афганистана. В стране началось движение за обретение независимости и проведение реформ. Доходили сведения и о революционных преобразованиях в Советской России, ее миролюбивой внешней политике, отстаивающей суверенитет и национальную независимость других государств. Во-первых, был уже обнародован Брест-Литовский мирный договор, одна из статей которого призывала уважать политическую и экономическую независимость и территориальную неприкосновенность Афганистана и Персии. Во-вторых, до народов Афганистана дошло и известное сообщение Советского правительства — «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» — призыв ко всем зависимым народам сбросить ненавистное колониальное иго. Но проанглийская политика Хабибуллы-хана облегчала английским агентам возможность беспрепятственно действовать в Афганистане, вмешиваться с территории Афганистана во внутренние дела Советской республики. На первых порах этим активно занимались и всевозможные представительства Англии в России.

В Ташкенте в 1918 году находилась официальная английская военно-дипломатическая миссия во главе с майором Ф. М. Бейли. Но она не столько занималась официальными переговорами с советскими властями Туркестана, сколько подрывной деятельностью. Позже в своем официальном отчете Бейли признавал, что по прибытии в Советский Туркестан он сразу вступил в контакты с главой местных антибольшевистских организаций. Миссия обладала широкими полномочиями для подготовки и организации антисоветских восстаний, снабжала повстанческие отряды деньгами и оружием с английских баз в Афганистане, Мешхеде, Кашгаре. Поставки шли в основном двумя путями: первый — из Читлара-Гильгита в Кашгар, далее

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 7.

через пограничный пост Иркештам в Чон-Алае и г. Ош; второй — из Пешавара через Хайберский перевал, далее через Афганистан в Бухару.

Поворот в событиях

В середине августа 1918 года Англия от скрытой интервенции в Туркестане перешла к открытой. Вокруг английских войск концентрировались все белогвардейцы, с ними в контакте находились и басмаческие шайки. Контрреволюция со всех сторон пошла в наступление широким фронтом. Особенно активизировали свои действия басмаческие шайки в начале 1919 г. Но органами Советской власти нелегальные действия английской и американской миссий в Туркестане были пресечены. Британские интервенты потерпели поражение на Закаспийском фронте. Изменилась в начале 1919 г. и ситуация в Афганистане, что также сыграло свою роль. Дело в том, что 20 февраля 1919 г. был убит эмир Хабибулла-хан. Его преемник — молодой и энергичный Аманулла-хан — был сторонником младоафганцев — политического течения, ставившего своей задачей провозглашение национальной независимости и проведение прогрессивных реформ.

В своем первом манифесте Аманулла-хан объявил, что «Афганистан должен стать свободным и независимым... пользоваться всеми правами, которыми обладают другие суверенные государства».

В Афганистане началось проведение некоторых реформ, направленных на то, чтобы вырвать страну из средневековой отсталости. Был издан акт о введении конституции и учреждении законодательного органа, централизовано государственное управление, запрещена работорговля, основано несколько светских школ.

Новое младоафганское правительство предложило Англии пересмотреть старый англо-афганский договор на основе признания равенства и суверенитета сторон. Однако британское правительство отвергло это предложение.

Первые шаги добрососедства

Первым из иностранных государств признала независимость Афганистана Советская Россия. 7 апреля 1919 г. Аманулла-хан направил на имя В. И. Ленина и председателя ВЦИК М. И. Калинина письмо, в котором извещал о своем короновании и вступлении на престол. Эмир писал, что он «счастлив впервые от имени стремящегося к прогрессу афганского народа направить... свое настоящее дружественное послание независимого и свободного Афганистана» и предлагал установить постоянные дружественные

отношения между обеими странами «во имя объединения, мира и блага человечества».[1]

Послание Аманулла-хана сопровождалось письмом министра иностранных дел афганского правительства Махмуда Тарзи на имя наркома иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерина. Афганский министр писал, что послание короля — «в добрых целях положить начало дружбе и установить дружественные отношения», и просил у советского наркома иностранных дел содействия «для укрепления и развития дружественных отношений между обоими Высокими государствами — Россией и Афганистаном»[2].

Вскоре последовал положительный ответ Советского правительства. В Кабул выехала специальная миссия из представителей Туркестанской Советской Республики, которая представляла на первых порах в Афганистане Советскую Россию.

В мае же 1919 года англичане попытались было силой помешать установлению дружественных контактов Афганистана с Россией. Они подняли самолеты и произвели бомбардировку афганских воинских частей на восточной границе страны. Но и так называемая третья англо-афганская война закончилась поражением Англии, которая вынуждена была подписать с Афганистаном мирный договор, признающий независимость многострадальной страны.

Миссия Советской республики в Кабуле сообщила младоафганскому правительству о готовности Советского Туркестана оказать со своей стороны посильную помощь борющемуся Афганистану, в том числе и военную. 27 мая 1919 г. за подписью председателя Совнаркома Советской Республики В. И. Ленина и председателя ВЦИК М. И. Калинина направляется ответное послание королю Афганистана Аманулле-хану.

Советское правительство передавало «привет независимому афганскому народу, героически отстаивающему свободу от иностранных поработителей». В своем послании В. И. Ленин и М. И. Калинин писали: «Стремление афганского народа последовать русскому примеру да будет лучшей гарантией крепости и независимости Афганского государства. Установление постоянных дипломатических сношений между двумя великими народами откроет широкую возможность взаимной помощи против всякого посягатель-

---

[1] См.: Ленин и Восток. Сб. статей. М., 1960, с. 238—239; Документы внешней политики СССР, т. II, М., 1958, с. 175.

[2] Документы внешней политики СССР, т. II, с. 175.

ства со стороны иностранных хищников на чужую свободу и чужое достояние» [1].

Весть об установлении дружественных отношений между Советской Россией и соседним Афганистаном быстро облетела весь мир, но у многих, особенно буржуазных западных политиков, вызвала недоверие. Поэтому в июле 1919 г. известное американское агентство «Юнайтед Пресс» обратилось к В. И. Ленину с просьбой ответить на 5 вопросов. Вторым был вопрос: «Какова тактика Российской Советской республики по отношению к Афганистану и другим мусульманским странам вне пределов России?».

В. И. Ленин со всей откровенностью ответил, что Советское государство полно решимости развивать свои отношения со странами Востока в духе дружбы и равноправия, готово бескорыстно содействовать им в справедливой освободительной борьбе. «Деятельность нашей Советской республики в Афганистане, Индии и других мусульманских странах вне России,— сказал В. И. Ленин,— такова же, как наша деятельность среди многочисленных мусульман и других нерусских народностей внутри России... Мы всячески помогаем самостоятельному развитию каждой народности...»[2]

Ответы Ленина были посланы в Будапешт для американской печати и опубликованы за границей.

Установление дружественных дипломатических отношений Советской России с новым правительством Афганистана, успешное вооруженное сопротивление народов Афганистана колонизаторам способствовало тому, что 8 августа 1919 года в Равалпинди был подписан англо-афганский прелиминарный, т. е. предварительный мирный договор, по которому англичане признавали независимость и суверенитет Афганистана, хотя неоднократно его грубо попирали.

Между тем советско-афганские связи развивались дальше. В октябре 1919 г. через Ташкент в Москву прибывает афганское посольство. Оно было принято В. И. Лениным. Чрезвычайный посол Афганистана Мухаммед Валихан вручил Ленину новое письмо эмира, которое содержало пожелание об установлении «дружественных связей и искренних отношений между обоими великими государствами»[3].

---

[1] Документы внешней политики СССР, т. II, с. 174.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 114.
[3] См.: Ленин и Восток, с. 243.

В декабре 1919 г. в Кабул прибывает ответное посольство Советской России, которое приступило к переговорам о подписании постоянного дружественного договора между РСФСР и Афганистаном. Переговоры вел полномочный представитель РСФСР в Центральной Азии Я. З. Суриц [1]. Касаясь этих переговоров с Афганистаном, нарком иностранных дел Г. В. Чичерин в отчете VII съезду Советов писал: «Наши совместные переговоры выяснили полное тождество наших интересов в борьбе азиатских народов за самоопределение, против хищного и беспринципного паработителя» [2].

Борьба с басмачеством

Но все это время, грубо попирая суверенитет государств, английские агенты продолжали проникать с территории как Индии, так и Афганистана в Среднюю Азию и стимулировали здесь басмаческое движение. Серьезные бои с басмачами развернулись в сентябре 1919 г. на юге Киргизии. В ходе их от басмачей были освобождены города Ош и Джалал-Абад, разгромленные банды бежали в горы Памира и Алая.

Большая роль в разгроме басмаческих банд принадлежала Туркестанскому фронту, которым командовал выдающийся советский полководец М. В. Фрунзе. Для усиления политической работы в крае в октябре 1919 г. была создана комиссия ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана (Туркомиссия), а позже создается комиссия Туркбюро ЦК РКП(б). В состав комиссии входили М. В. Фрунзе, В. В. Куйбышев, Я. Э. Рудзутак, В. И. Голощекин, Ш. З. Элиава. Комиссия много сделала для установления нормальных отношений с коренным населением Средней Азии, для организации успешной борьбы с басмаческими бандами.

Наступление Советской власти, разгром басмаческих банд заставляют международную контрреволюцию активизировать свои усилия для нового объединения рассеянных басмаческих отрядов, укрывшихся в глухих ущельях Тянь-Шаньских и Памиро-Алайских гор. По инициативе англичан бывший царский консул в Кашгаре Успенский созывает 22 октября 1919 г. совещание басмаческих курбаши, белогвардейцев, представителей местной буржуазии и реакционной части мусульманского духовенства. На берегу р. Кызыл-Су в Чон-Алае создается так называемое

[1] См.: История дипломатии, т. III, М., 1965, с. 223.
[2] Документы внешней политики СССР, т. II, с. 620—621.

временное «правительство» Ферганы во главе с предводителем басмачей Мадамин-беком. В результате англо-американских усилий и действия их разведчиков и агентов разногласия между отдельными басмаческими главарями были приглушены, и 150 ферганских басмаческих шаек были сведены в 4 крупных отряда. Успенский от имени англичан обещал басмачам и «временному ферганскому правительству» усилить военную помощь. И здесь же в качестве задатка вручил им ящики с оружием и патронами, обещая широкие поставки оружия и боеприпасов в ближайшем будущем. К южной советской границе стали подтягиваться афганские и китайские войска.

В связи с такой серьезной вооруженной угрозой извне в спешном порядке с советской стороны формируются две отдельные конные бригады в Фергане, конная бригада в Семиречье и туркменская конная бригада. По военному призыву в Красную Армию было вовлечено 30 тыс. киргизов, казахов, узбеков и других представителей народов Средней Азии. Разрабатывается четкая программа борьбы с басмачеством, которой руководили В. В. Куйбышев и М. В. Фрунзе. В результате проведения целого комплекса мероприятий по борьбе с басмачеством почти вся Ферганская долина была очищена от бандитов. В марте 1920 г. сдался в плен сам Мадамин-бек.

Алай в огне

Остатки разбитых банд бежали в пограничные районы Киргизии — в Алайскую долину. Там, по инициативе главным образом английской разведки, басмачи вновь объединились вокруг другого курбаши — известного авантюриста Курширмата. Реакционное мусульманство объявило его «истинным борцом за ислам» и нарекло амир-ал-Муслимином. Курширмат объединил более 20 банд общей численностью около 6,5 тыс. чел., получил значительные средства от английской разведки и попытался прорваться в Ферганскую долину. В Фергану для организации отпора новой волне басмачества прибывает М. В. Фрунзе. Вокруг красноармейских отрядов сплачиваются добровольцы трудового населения, комсомольцы. Организуется интернациональный отряд для борьбы с басмачеством. Его возглавил Э. Ф. Кужелло. На долю отряда пала самая тяжелая участь борьбы с бандитами Курширмата в высокогорной Алайской долине. Весь октябрь шли ожесточенные бои. Не имея опоры среди трудового населения, не будучи в состоянии противостоять прибывшим отрядам регулярной Красной Армии, басмаческие отряды терпят поражение и разбегаются. Местное

население повсеместно создает добровольческие дружины, отряды милиции, отряды самообороны, которые успешно отбивают налеты все более слабеющих банд басмачей, чем способствуют окончательному их разгрому.

Интересно проследить, например, агонию и конец басмачества в Киргизии, потуги и тщетные надежды басмачей в 1920 г. на помощь со стороны Афганистана. Вот сводка сведений по Фергане от 21 мая 1920 г., которые поступили на стол к М. В. Фрунзе.

«Курширмат со своими басмачами численностью до 1000 человек все еще находится в селении Караул, где ждет помощи от афганцев и всячески убеждает население, что афганцы идут к нему на помощь. В случае же, если этой помощи не будет в течение 5—6 дней, то он будет принужден отступать в Алайскую долину, где у него в местности Дараут-Курган имеется укрепление»[1]. Курширмат использовал в качестве ставки на Алае известную крепость кокандских ханов, сооруженную в прошлом столетии.

Но помощи от афганцев ждали тщетно, басмаческие банды все более оттеснялись в горы. В конце мая курбаши басмачей решили провести совещание теперь уже в Дараут-Кургане.

Неизвестное лицо сообщало 26 мая 1920 г.

«В кишлаке Дараут-Курган было совещание басмаческих главарей, на котором было решено: не допускать советские войска на Алай. На этом же совещании Хал-Ходжа и Курширмат сделали упрек Мадамин-беку, что он неумело ушел от советских властей, лучше было бы обождать еще месяц или два. На что Мадамин-бек ответил, что эту ошибку можно исправить, войдя в переговоры с Советской властью. Причем высказал свой план действий: «Я опять сдамся в плен Советской власти, а вы оставайтесь на Алае и пошлите делегацию в Афганистан и Памир с просьбой о скорой помощи»[2]. Басмачи шли на последние ухищрения, лишь бы еще немного продержаться. Недождавшись помощи от Афганистана, идут на явный подлог: переодевают и выдают своих басмачей за афганцев: мол, помощь близка.

Еще одна сводка данных по Фергане от 2 июня 1920 г.

«С целью поднять дух отряда и привлечь население на свою сторону, Курширмат собрал с разных мест 4 челове-

---

[1] ЦГАСА, ф. 110, оп. 1, д. 94, л. 100.
[2] Там же, л. 54.

ка афганцев, которых, вооружив и обмундировав, выдал за первых ласточек помощи Афганистана». «В урочище Сары-Таш прибыл Хал-Ходжа вместе с Аскар-Курбаши, при котором находится 160 человек вооруженных басмачей. Последние выдают себя за афганские войска»[1]. Но даже эмирский Афганистан не имел намерений открыто вмешиваться в контрреволюционные дела среднеазиатских басмачей. Английские резиденты в Афганистане теряли под собой почву.

В результате общих усилий к началу 1921 г. басмачество в самой Ферганской долине было уничтожено. Но вплоть до конца 1921 г. мелкие разрозненные шайки басмачей продолжали бесчинствовать в Памиро-Алайских предгорьях. Бандиты нападали на горные кишлаки, блокировали памирские пограничные посты, грабили мирных жителей. Это была уже агония басмаческого движения. В результате активной пропаганды, успешных действий Красной Армии и добровольческих отрядов в 1922 г. подавляющее большинство басмаческих банд прекратили существование. Советская власть медленно, но настойчиво закреплялась в самых отдаленных высокогорных районах Тянь-Шаня, Алая, Памира.

Советско-афганский договор

Вопреки происками британских колонизаторов в Туркестане и Афганистане, в результате дипломатических усилий Советской России и афганского правительства, в Москве 28 февраля 1921 г. состоялось подписание советско-афганского договора, основанного на принципах полного равноправия сторон. Договор определил основу добрососедских политических и экономических взаимоотношений двух стран. В его преамбуле отмечалось, что договор заключен в целях упрочения дружественных отношений между Россией и Афганистаном и ограждения действительной независимости последнего. В основу отношений между Советской республикой и Афганистаном, а также другими восточными странами были положены ленинские идеи сотрудничества. Это был первый равноправный договор Афганистана с великой державой. Оба государства обязались не вступать с третьей державой ни в военное, ни в политическое соглашение, которое доставило бы ущерб одной из договаривающихся сторон. В апреле 1921 г. в своем послании эмиру Афганистана Аманулле-хану В. И. Ленин писал: «Договор между обоими государствами формально закрепил дружбу

[1] ЦГАСА, ф. 110, оп. 1, д. 94, л. 104.

и взаимные симпатии, которые вот уже два года развиваются и упрочиваются между Афганистаном и Россией...

Российское Советское правительство и Высокое Афганское государство имеют общие интересы на Востоке, оба государства ценят свою независимость и хотят видеть независимыми и свободными друг друга и все народы Востока... Между Афганистаном и Россией нет вопросов, которые могли бы вызвать разногласия и набросить хотя бы тень на русско-афганскую дружбу»[1].

В наказе первым советским дипломатам в Афганистане говорилось: «Наша политика на Востоке не агрессивна, она есть политика мира и дружбы. Вы должны систематически во всей вашей работе выдвигать этот основной момент и, в частности, в Кабуле ставить основной целью вашей деятельности развитие нашей дружбы с Афганистаном. Дружба предполагает взаимное содействие, и, исходя из нашего желания по мере возможности способствовать развитию и процветанию афганского государства, мы готовы оказывать ему на этом мирном поприще все содействие, какое в наших силах» [2].

Этот советско-афганский договор почти шесть десятилетий сохранял свое действие, пока в 1978 г. не был заключен новый договор уже с демократическим правительством Афганистана.

Но вернемся к событиям тех далеких и тревожных времен, когда юридические документы определяли нормы взаимоотношений между государствами, но на местах еще не было достаточно сил для соблюдения и выполнения всех этих норм. На советской приграничной территории еще время от времени давали о себе знать бесчинствовавшие осколки басмаческих банд. С афганской стороны продолжались происки английских спецслужб.

Международная контрреволюция, мусульманское реакционное духовенство, лидеры панисламизма и пантюркизма не могли смириться с тем, что Средняя Азия выпала из сферы их влияния. Англия еще лелеяла надежду оторвать от Советской России Бухару и Хиву, оказывать влияние на внешнюю политику Афганистана.

Турецкий военный министр Энвер-паша в октябре 1921 г. прибывает в Среднюю Азию с бредовой идеей создания империи, которая включила бы Персию, Бухару, Хиву, Афганистан и Турцию. Панисламисты усиленно пропа-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 318.
[2] См.: История дипломатии, т. III, с. 224.

гандируют в Средней Азии «газават» — борьбу с «неверными», басмачей избирают «истинными защитниками ислама». Энвер-паша даже стал называть себя «главнокомандующим» армиями Хивы, Бухары и Туркестана.

Но дело контрреволюции и поражение басмачества как политического бандитизма исторически было предрешено. Летом 1922 г. с ними в Средней Азии было практически покончено. И хотя позже еще время от времени появлялись отдельные курбаши, занимались разбоем отдельные басмаческие банды, но центр руководства басмачеством окончательно переместился за рубеж, и басмачество вылилось лишь в единичные бандитские налеты из-за границы, с которыми успешно справлялись пограничные войска.

Империалисты направляют усилия на активизацию басмачества в Афганистане, обещая им помощь в борьбе против Советской власти в Средней Азии. Афганское правительство пыталось препятствовать акциям англичан, даже разоружило 1000 басмачей, бежавших в Афганистан вместе с эмиром Бухары. Но не всегда могло успешно справляться с провокациями английских спецслужб, которые плели заговоры и против законного афганского правительства.

Почти через 60 лет, уже после Апрельской революции 1978 г. народный Афганистан сам столкнулся с необходимостью защищаться от контрреволюции. Афганские басмачи-душманы тщетно пытаются сейчас помешать строительству новой жизни. И так же как киргизские баи и манапы на Советском Памире, Алае примкнули к стану контрреволюции, так и феодалы Афганского Памира выступили на стороне контрреволюции, всемерно поддерживаемой англо-американским империализмом. И одной из одиозных фигур басмаческого движения Афганистана стал самозванный киргизский хан Памира, феодал с уголовным прошлым Рахманкул-хан.

Глава IX.

КРАХ РАХМАНКУЛ-ХАНА

Эхо в горах

...Мерный грохот бурного Вахана разорвало четыре взрыва. Многократное эхо прокатилось по ущелью и заглохло в снежных горах. Разгромленная банда Рахманкула, разрушив мосты и пере-

крыв все горные тропы, соединявшие Восточный Афганистан с остальной страной, бежала Ваханским коридором на Малый Памир. Затравленным волком, разрушая все на своем пути, грабя аулы, которые не хотели присоединяться к беглецу, отступал самозванный «хан» киргизов. Ему с революцией было не по пути. Низвергнутый восставшим народом Рахманкул искал спасения за границей и нашел убежище в Пакистане. В который раз кровавые тропы «удельного хана» пересекают границы. Так кто же такой этот бандит с уголовным прошлым — осколок средневековья, вытолкнутый на поверхность станом контрреволюции, агент ЦРУ, выдающий себя за поборника пантюркизма?

Рахманкул является одиозной фигурой, не раз привлекавшей внимание зарубежных авторов. В 1950 году о нем писала американская чета Дж. и Ф. Шор, пересекшая Малый Памир, в 1972 году — французская супружеская пара Сабрин и Ролан Мишо, в 1975 году — французские ученые-фольклористы Реми и Лаура Дор и, наконец, уже в год афганской революции — 1978 г. — Реми Дор и Клас М. Науман, опубликовавшие в академическом издательстве Австрии книгу «Киргизы Афганского Памира», а в 1979 году в издательстве Вашингтонского университета вышла книга антрополога, по происхождению бадахшанского узбека, Назира Шахрани.

Ученый секретарь парижского Института тюркологических исследований Реми Дор со своей женой дважды — летом 1972 и 1973 годов — побывали на Афганском Памире и собрали в целом оригинальный и разнообразный материал, представляющий историко-этнографический интерес. «Мы попытались,— пишет Р. Дор в опубликованной в 1975 году в Париже книге о киргизах Афганского Памира,— показать различные грани жизни малоизвестного народа и подготовить базу для других исследователей, которые займутся более глубоким изучением»[1]. Но, обладая действительно интересными этнографическими деталями, книга в целом идеализирует патриархально-родовой быт киргизов недавнего прошлого Афганистана и их, уже бывшего, правителя — хана Рахманкула.

Отделенные от центральных районов Афганистана высокими горными хребтами, которые прорывает лишь единственно доступный для передвижения Ваханский коридор, киргизы относительно обособленно жили на Памире

[1] Dor R. Contribution á lētude des Kirghiz du Pamir Afghan, p. 5.

несколько веков. Географическая обособленность и жизнь в рамках отсталого феодального государства позволила вплоть до последнего времени сохранять у киргизов Афганистана старые традиционные институты, кочевой быт и первобытные обряды, родоплеменную структуру с практически бесконтрольным, полновластным, деспотическим правлением своего «хана».

Эта-то первобытность и привлекала дипломатов и ученых к киргизам афганского Памира, о которых с 50-х годов в западной печати появляются статьи и целые монографии, выпускаются фильмы.

Не лишенный тщеславия Рахманкул с удовольствием давал интервью журналистам, приглашал и гостеприимно привечал иностранных путешественников.

В 1975 году английская телекомпания «Гранада» сделала первый фильм о памирских киргизах, отведя в нем немалую роль показу самозванного хана Рахманкула.

Все их сведения дополняют друг друга, и в центре повествований нередко выступает «колоритная», по их определению, фигура киргизского «хана» Рахманкула. Но истинное лицо этого бандита с уголовным прошлым дорисовал А. Ахмедзянов — корреспондент из Кабула[1].

Всего в Афганистане около 3 млн. кочевников, которые зимой отходят на юг, иногда на пакистанские пастбища, а с наступлением весны возвращаются в родные места. Эта миграция кочевников позволила таким феодалам, как Рахманкул, применить силу для того, чтобы не допустить возврата скотоводов в родные афганские территории, превратить их в так называемых «беженцев», из которых враги демократического Афганистана формируют банды наемных контрреволюционеров. Среди кочевников из провинции Бадахшан активно работают в этом направлении многие зарубежные спецслужбы, стремясь подорвать строительство новой жизни в Афганистане, вербуя наемников и перебрасывая их внутрь страны. И вот тогда-то снова всплыло имя уголовника Рахманкул-хана, изменника Родины, бежавшего за границу, предавшего киргизский народ, восставшего и с оружием в руках боровшегося против революционного Афганистана.

По пути предательства

Путь его предательства и приход в стан контрреволюционеров не случайны. Рахманкул — выходец из семьи, предки кото-

[1] Известия, 1978, 15 сентября. См. также публикацию А. Каниметова и В. Плоских: Литературная газета, 1980, 12 ноября.

рой неизменно обладали властью, были среди них и минбаши — высшие воинские чины бухарского эмира и кокандского хана. Полное его имя — Аджи Сахаб Рахманкул-хан. Наследники его приняли фамилию Рахмани. В тяжелое послевоенное время 1947 года, совершив ряд уголовных преступлений, этот махровый авантюрист бежит из Советского Киргизстана в Китай. По дороге Рахманкул ограбил торговый караван и убил всех людей, которые шли с ним. В Китае банда Рахманкула обосновалась в местности Минтеке на границе с Пакистаном. Здесь Рахманкул входит в доверие пограничного китайского гарнизона, для которого это обращается в трагедию.

В одной из последних книг Р. Дор и К. Науман[1], рисуя портрет Рахманкула, пишут, что он может быть терпеливым и мудрым, постоянно находясь начеку, он все оценивает и взвешивает, чтобы в нужный момент «использовать представившуюся возможность».

И он такие возможности никогда не упускал, не гнушаясь самыми настоящими уголовными преступлениями. Об одном из них сообщила на страницах «Национального Географического журнала», изданного в США в 1950 году, американская супружеская пара Дж. и Ф. Шор[2]. Они пересекли Малый Памир в 1949 году, когда было совершено Рахманкулом очередное кровавое преступление. Обосновавшись в Синьцзяне,— *пишут супруги*,— Рахманкул «подружился» с маленьким китайским гарнизоном и по случаю одного из мусульманских праздников «любезно» приглашает командира и восьмерых солдат гарнизона на праздничный обед. Когда китайские пограничники угощались, бандиты Рахманкула внезапно проникли в шатер и хладнокровно всех перебили. Бандиты забрали оружие, боеприпасы и снаряжение, захватили лошадей и все продовольствие гарнизона и бежали через границу в монархический Афганистан, чтобы обосноваться на Памирском плато.

Сколотив разбоем немалое состояние, Рахманкул оседает среди киргизов Афганистана и постепенно прибирает власть над разрозненными племенами к своим рукам. Побывавшие в 1949 году на Малом Памире американцы Шор нарисовали такой портрет этого самозванного правителя киргизов: «Отличается очевидным умом и быст-

---

[1] Dor R. und Naumann C. M. Die Kirghisen des Afghanischen Pamir. Austria, 1978.

[2] См.: National Geographic, 1950, № 98.

рой сообразительностью, элегантно одет; вероятно (?!) был контрабандистом, возможно (?!) был разбойником, грабившим одиночных паломников».

Рахманкул-хан показал себя верноподданным афганского короля Мухаммеда Захира и с 1964 года начал участвовать в работе Лоя Джирги (Большого Собрания), т. е. парламента Афганистана. Утвержденная этим Собранием в сентябре 1964 года новая конституция Афганистана подтвердила конституционно-монархический строй страны с предоставлением королю верховных полномочий в области исполнительной, законодательной и судебной власти[1].

Во время монархии Рахманкул-хан ежегодно являлся в Кабул, встречался с королем и премьер-министром, обсуждая «положение» и «проблемы» киргизов. Киргизы, по словам всех посещавших их путешественников, имели «большую свободу» и возможность сохранять свое «традиционное общественное устройство». Это значит — законсервированный способ производства, безграничная власть крупного феодала-самозванца хана Рахманкула. Он неоднократно подчеркивал перед иностранцами «неповторимость своего племени», а накануне Апрельской революции, когда новые веяния доходили до самых отдаленных киргизских кочевий, горько сожалел, что «старые традиции начинают растворяться и вскоре исчезнут совсем». Он был недалек от истины — этот зверь, заранее чувствовавший приближение перемен. Но пока он регулярно, каждый год являлся в Кабул на прием к королю и премьер-министру. Реми Дор, например, познакомился с ханом в кабинете одного из членов монархического афганского правительства, затем встретился с ним во французском посольстве на обеде.

Француз был удивлен той непринужденностью, с которой Рахманкул держался в окружении столь далеком от патриархального общества памирских киргизов. Силу и свободу вольного общения и обращения в придворных кругах монархического кабульского правительства давали Рахманкулу власть денег, власть феодала, бесконтрольно господствовавшего над бесправным населением пограничной полосы. Там его правление охватывало все стороны общественной жизни киргизов, вторгался он и в семейные отношения, на себе замкнул и все сферы внешних сношений.

---

[1] См.: История Афганистана. М., 1982, с. 285.

В тисках эксплуатации

Рахманкул выступал единственным посредником между афганским правительством, администрацией и киргизами. Каждый чиновник, коммерсант или путешественник, прибывавший на Памир, должен был сперва нанести визит «вежливости» хану, а затем уже мог заниматься своими непосредственными делами. Так, поездка супружеской пары Сабрин и Ролана Мишо предварительно была согласована с королем Мухаммед Захир-шахом, а затем и с «ханом» киргизов Рахманкулом, находившимся тогда в Кабуле. При этом Рахманкул обещал, что их в Кундузе будет ждать с торговым караваном киргизов его старший сын Абдул Вакия, который и проводит французских путешественников в киргизские кочевья на Памире.

Абдул Вакия действительно встретил путников в условленном месте, где они, сменив автомобиль на вьючную лошадь, двинулись по Ваханскому коридору на Памир. Наследник киргизского «хана» похвалялся, что он имеет только в личной собственности 12 тыс. овец и коз, 100 яков, 17 верблюдов, 12 лошадей. И если бы на Памире была хорошая дорога, то он имел бы несколько автомашин.

Сам Рахманкул был очень богат, имел многотысячное поголовье скота, хотя об этом особо не распространялся. Он ежегодно продавал по нескольку тысяч овец, поговаривали, что в его стадах насчитывалось более 40 тыс. овец и 2 тыс. яков. Более четверти всех киргизов Афганистана были в экономической зависимости от «хана», что давало ему практически бесконтрольную деспотическую власть. Говоря словами Реми Дора и Класа Наумана, он являлся «дирижером оркестра», мимо которого в жизни памирского киргиза ничто не проходило. Он вершил суд, решал споры между семьями, делил наследство, лечил больного из своего окружения и врачевал ребенка с переломом из соседнего аила. Хан даже решил выступить как законодатель мод: он отменил ношение женщинами традиционного головного убора и учредил для мужчин — по крайней мере богатых — ношение костюма из черного бархата. Он следил за прокладкой дорог между Большим и Малым Памиром, сосредоточил в своих руках торговлю на Памире.

Путем ростовщических операций Рахманкул прибрал к рукам и редкие плодородные участки земель Памира, став одним из самых крупных землевладельцев края. Земли обрабатывали самые обездоленные бедняки, чаще

всего сироты бедных семей, которых «приютил» хан. Зависимые пастухи, такие, например, как Эргеш Бай, пасли скот Рахманкула в самых отдаленных урочищах, получая ничтожную плату натурой. По словам одного из чабанов Рахманкул-хана, на Большом Памире не было другого настоящего собственника скота — весь скот фактически принадлежал лишь Рахманкулу. То же самое можно было сказать и о положении на Малом Памире, где кроме скота Рахманкул имел ферму и земледельческие угодья, обрабатываемые его соплеменниками. Главным источником пополнения категории пастухов и слуг являлись осиротевшие дети из бедных семей, которых подбирали богатые.

С 1972 по 1975 год исследованиями на Памире занимался М. Назир Шахрани, опубликовавший в 1979 году книгу «Киргизы и вакхи Афганистана».[1] Книга — по этнографии и политической истории памирских киргизов, содержит интересные подробности, но, к сожалению, опутанные традиционно буржуазными комментариями автора.

Он, например, считает, что еще в 50—70-х годах у памирских киргизов шел переход от «равноправного родового общества» к «зарождающемуся феодальному обществу», что структурные изменения кочевых обществ происходят вне культурных перемен, является сторонником теории так называемой «пастушеской кочевой спирали». Захват Рахманкулом пастбищ в частную собственность и сгон с этой территории других скотоводов М. Н. Шахрани объясняет необходимостью укрупнения пастбищ для подъема овцеводства. Но и автор, оправдывая и защищая Рахманкула, вынужден признать, что в результате большинство кочевников осталось без собственного скота, было вынуждено теперь идти в услужение к богачам и Рахманкул-хану на правах наемных пастухов. И приводит такие цифры: из 333 семей 228 (т. е. 68%) не имели овец, а шесть самых богатых семей владели 75% всего поголовья овец. М. Н. Шахрани приводит следующие формы эксплуатации, распространенные среди киргизского кочевого общества Памира: наем пастуха за твердую плату или несколько голов скота в год; форма «сагхун» — когда бедным семьям дается 10—30 овец с ягнятами сразу после сезонного окота для выращивания поголовья и лишь шерсть и молоко могут ис-

[1] Shahrani M. N. The Kirghiz and Wakhi of Afghanistan. Washington, 1979.

пользоваться пастухом; «аманат» — когда пастухи выпасают крупные стада лишь с правом на продукцию, а воспроизведенное поголовье идет хозяину и т. д.

Серьезной формой эксплуатации являлось обирание скотоводов торговцами. Предметы роскоши ввозили, а потребления — вывозили. В результате скот вывозился взамен опиума, черного чая, табака, пластмассовой и металлической утвари, транзисторных приемников, дешевых ювелирных изделий, безделушек. Другими словами, товары, доставляемые киргизам Памира, были легкими в весе и высокими в цене, вывозили же непреходящее богатство — скот. Ранее основная торговля сосредотачивалась в руках проезжих купцов, фактически грабивших рядового скотовода. Мало того, чтобы легче одурманивать простой народ, купцы во все возрастающем количестве начали ввозить на Памир бадахшанский опий. По наблюдениям Реми Дора, подтвержденным самими жителями, потребление наркотика памирскими жителями возрастало в катастрофических размерах. Используя свою экономическую мощь, Рахманкул организовал собственные торговые караваны и проводил самостоятельно торговлю с оседло-земледельческими жителями. В последние годы он все более стал теснить заезжих купцов, и соплеменники вынуждены были покупать пшеницу у Рахманкула, соответственно, по назначаемому им курсу. Рахманкул объединил несколько бадахшанских купцов и фактически создал торговую компанию в целях противодействия чужим торговцам. И сосредоточил не только в своих руках основную торговлю на Памире, но и прибрал к рукам ежегодный перегон скота из Бадахшана в Кабул (в общей сложности 60 дней пути).

Однообразна и тяжела была жизнь рядового кочевника-киргиза Афганистана. Даже пища малолетних и грудных детей в основном заключалась в овсяной каше. И если летом питание как-то скрашивали молочные продукты, то зимой простые труженики переходили в основном на чай и хлеб, которые выменивали у ваханских земледельцев.

Традиционный быт киргизов афганского Памира: большая семья, обычно из представителей трех поколений — детей, родителей и родителей родителей — был консервативным. Чаще всего киргизы Памира имели одну жену, чему в немалой степени способствовал экономический фактор — цена калыма. Но в богатых семьях, естественно, было по нескольку жен. Несколько жен имел Рахманкул,

равно как и его старшие сыновья. Жен могли покупать как рабынь, что обуславливало, естественно, и их приниженное, буквально рабское положение в богатых семьях. Французские путешественники Сабрин и Ролан Мишо еще в начале 70-х годов отмечали факты продажи женщин на Афганском Памире.

Памирская зима 1964 г. была особенно жесткой. Был падеж скота, разоривший богатых и обратившийся настоящей трагедией для бедняков. Доведенные до нищеты киргизы-кочевники перед угрозой голодной смерти продавали бадахшанским купцам в обмен на скот даже своих детей.

Социальные контрасты в киргизском обществе были столь разительны, что отмечались буквально всеми посещавшими афганский Памир путешественниками. Поэтому понятно, что когда в Афганистане произошла Апрельская революция и к власти пришли прогрессивные силы, Рахманкул оказался в стане махровых контрреволюционеров, сколотил банду и выступил против законного правительства. Он получил поддержку у зарубежных покровителей, оружие и деньги, и начал грабить местное мирное население, мешая строить новую жизнь.

Разгром

Но это продолжалось недолго. Революционными войсками банда Рахманкула была разбита. Разгромлены были также вооруженные зарубежными покровителями крупные банды в районе города Файзабад — центра провинции Бадахшан, разгромлены и другие отряды контрреволюционеров. Сам Рахманкул бежал. Но, убегая, он жестоко обошелся со своими соплеменниками и теми, кто поддерживал новое революционное правительство. Он забрал у дехкан последнее зерно, обрекая жителей на голод. Он угнал 50 тысяч голов скота подданных ему киргизов. «Высочайшей» волей он даже приказал киргизам покинуть Афганистан. Тех, кто не хотел подчиниться приказам хана, не желал бежать с ним, он подвергал зверским истязаниям. Так, без скота, без крова, без продовольственных запасов на зиму остались посмевшие ослушаться Рахманкула бедняки-скотоводы Чаман-бай, Кут-Мухаммед, Керим-бек и многие другие, с которыми встречался и беседовал летом 1978 г. собственный корреспондент газеты «Известия» А. Ахмедзянов[1].

---

[1] См.: Ахмедзянов А. Кровавые тропы «удельного хана».— Газ. Известия, 1978, 19 сентября.

Трагедия в горах Афганского Памира затяжным эхом и сейчас отдается в неспокойной стране. Долго не залечиваются нанесенные раны, долго слышится плач обездоленных и разоренных семей. Но не удалась зловещая акция Рахманкулу. Агонизируя сам, он не сумел вовлечь в бездну гибели киргизов афганского Памира. Не пошел за ним народ. Одиноким, отбившимся зверем бежал Рахманкул в Пакистан. Бежал за границу, и не смогли его спасти ни зарубежные покровители, ни спецслужбы капиталистических стран, ни аппарат ЦРУ. Он снова изгнанник. «Хан»-изгой, беженец, обосновавшийся в Турции, где стал проповедником пантюркистской идеологии, связался с турецкими эмиссарами, но не порвал связей и с ЦРУ. Однако, это уже не история. Рахманкул за ее бортом. А история знает немало подобных примеров и ее не обратить вспять. Ясно и бесспорно одно: Рахманкул действительно одиозная фигура, эхо преступлений которого до сих пор звучит в горах афганского Памира, имя которого с содроганием и презрением поминает рядовой кочевник-киргиз.

Луис Дюпре, рецензируя книгу М. Назира Шахрани «Киргизы и вакхи Афганистана», проливает крокодиловы слезы по поводу беженца Рахманкула. Его мучает вопрос: что он сейчас будет делать? Где обретет другие высокогорные пастбища? «А может — Аляска?» — как бы подсказывает Дюпре.

В осенние месяцы 1982 года в печати действительно появилось сообщение, что предводители афганских кочевников-беженцев ведут переговоры о возможности переселения из Пакистана на Аляску, где климатические условия ближе к памирским. И организаторами этой кампании опять-таки выступают американские эмиссары. Представитель американского агенства иностранной помощи Аллен Джонс предложил пакистанскому руководству расселить неспокойных афганских беженцев именно на Аляске, а американский институт по делам Аляски связался в 1982 г. с вождями трех афганских племен и пригласил посетить их место «будущего проживания»[1].

Но беглец всегда есть беглец. Кому нечего бояться возмездия за кровавые преступления в Афганистане — могут спокойно возвращаться в свою страну. Но таким кровавым палачам, как Рахманкул, там делать нечего. С историей ему не по пути. Трагедия, разыгравшаяся в горах

[1] См.: Вечерний Фрунзе, 1982, 18 октября.

афганского Памира, с болью отзывается в сердцах киргизского народа Советской страны, озабоченно взирающего на своих собратьев в соседнем, уже дружественном по духу демократическом Афганистане.

...И другие

Рахманкула постигла судьба всех контрреволюционеров, отщепенцев. Однако он еще не добит, вынашивает новые планы. И его поддерживают реакционеры всех мастей, пытающиеся затормозить, сорвать революционный прогресс в Афганистане. Начав необъявленную войну против Афганистана, Вашингтон направляет в Пакистан некоего Гарольда Сондерса — одного из руководителей ЦРУ, бывшего в свое время «правой рукой» Киссинджера — государственного секретаря США. И в Пакистане, на границе с Афганистаном, более чем на восьмидесяти специальных базах началось спешное формирование контрреволюционных банд. Только с лета 1978 г. по ноябрь 1979 г. на пакистанской территории было подготовлено более 15000 наемников американских империалистов, которые образовали ядро вооруженной интервенции против Демократической Республики Афганистан. Во главе многих банд стоят американские граждане афганской национальности. Их «лидер» — Зия Хан Насери — гражданин США. Главный организатор контрреволюционных банд — Башир Закрия — профессор Колумбийского университета. Руководитель афганской операции — Р. Лессард, десять лет проработавший в Иране, затем в американском посольстве в Кабуле, а с 1977 года находящийся в Пакистане. Органами безопасности ДРА был арестован в провинции Кунар агент ЦРУ, гражданин Египта Зияутдин, проникший на территорию Афганистана для сбора шпионских сведений и установления контактов с террористическими организациями. Контрреволюционные организации финансируются «неизвестными лицами». Из США, Саудовской Аравии и других стран поступают субсидии лидеру местной реакционной политической организации «Джамиите-ислами» Тафаилу Мохаммеду, на которые афганские контрреволюционеры снаряжаются автоматами, гранатами и другим оружием. Снабжаются бандиты оружием главным образом американского производства.

Для координации басмаческого движения контрреволюция организует «совещания» — сборища руководителей банд, под присмотром и по инициативе империалистических агентов — «наставников», «тренеров», «инструкторов», готовят террористов — душманов.

Как здесь не вспомнить события шестидесятилетней давности в пограничных районах Киргизии! Как в Иркештаме, как в Дараут-Кургане на Алае в 1920 г., так и в пограничных пакистанских центрах по подготовке контрреволюционных афганских банд — в Пешаваре, Парачинаре, Буджауре, Читрале, Кветте и других городах в 80-х гг. проводятся совещания главарей басмачей и руководителей афганских контрреволюционных организаций, на которых координируются выступления и вырабатывается общая тактика борьбы с афганской революцией. Это контрреволюционное отребье в странах империализма поднимается на щит как «борцы» за демократию, за «веру» (ислам). Их фотографируют, снимают «документальные» фильмы, пропагандируют по телевидению. В 1980 г. на Западе целая телевизионная программа была посвящена Рахманкул-хану, быту его семьи, его детям. С удовольствием позировал сам Рахманкул, его жены, демонстрировалась «экзотика» кочевого быта, киргизская юрта и маленькие дети. Но ни слова не было сказано о его кровавых злодеяниях в Афганистане, за что народ изгнал его из страны, в результате чего он стал беженцем, прозябающим то в Пакистане, то в Турции. Пути назад нет. И в Афганистан, на Памир Рахманкулу уже не вернуться. Историю не остановить, не повернуть вспять. И никакие усилия отщепенцев типа Рахманкул-хана, Зия Хан Насери, Башир Закрия, Тафаила Мохаммеда, Абдурахмана и других не смогут противостоять революционному порыву народных масс. В этой борьбе может быть только один конец — бесславное поражение тех, кто поднял руку на независимый, демократический и свободолюбивый Афганистан.

Совершив в апреле 1978 г. национально-демократическую революцию, афганский народ встал на путь построения в стране нового общества, основанного на принципах равенства и справедливости, общества, исключающего эксплуатацию человека человеком. А за таким обществом — будущее.

Бежавшие контрреволюционеры, играя на религиозных чувствах темных неграмотных крестьян, поверивших гнусной пропаганде, увлекли некоторых из них с собою на территорию Пакистана. До настоящего времени немалая часть населения имеет традиционную родоплеменную организацию. Причем около 3 млн. человек — это кочевники-скотоводы. С давних времен зимой они отходят на юг в долинные районы, сезонно перекочевывают на зим-

ние пастбища в соседний Пакистан, а с наступлением весны возвращаются в родные места. Никаких препятствий ранее этим сезонным миграциям не ставилось. Но вот с начала 1980 г. пакистанские власти усилили контроль на границе, не разрешают людям переходить на афганскую территорию, в родные провинции Пактия, Нангархар и другие, берут в племенах заложников. Многих запугивают, здоровых людей направляют в лагеря, где комплектуются диверсионные группы, обучаемые американскими, английскими и другими инструкторами.

Таким образом, кочевые племена беженцев используются врагами демократического Афганистана как своеобразный источник, откуда черпаются наемники. Но клевета со временем раскрывается, обманутые прозревают. В стране объявлена всеобщая амнистия и желающие уже спокойно возвращаются в родные места. Вот слова одного из обманутых антиафганской пропагандой — восемнадцатилетнего Абдусамата Абдулвудуда. Он, одурманенный реакционным духовенством, после Апрельской революции оказался в рядах контрреволюционной организации «Исламская партия» на территории Пакистана. «... Теперь я понимаю, что слова бывших руководителей — сплошная ложь. Я уверен: если бы мои товарищи, оставшиеся там,— Абдусамат махнул рукой в сторону гор, опоясывающих Джелалабад,— знали правду о новой жизни в стране, они бы отказались служить контрреволюционерам. И не только они. Я думаю, процентов девяносто пять из нашей «армии ислама» поступили бы также. В рядах мятежников их держит только страх за себя и своих родственников. Все они — обманутые»[1].

За мир и справедливость

Для решения стоящих перед афганским народом задач создан широкий национальный фронт. Успешно идет пропорциональное социально-экономическое развитие республики, значительно увеличивается сельскохозяйственное и промышленное производство, ликвидируется неграмотность, получает развитие культура.

И Советский Союз, в том числе народы Советского Киргизстана, оказывают Афганистану бескорыстную помощь. Вот слова из выступления имама мусульманской мечети Киргизии Дуйшенбека Отонбаева, сказанные в январе 1980 г., но к которым и сейчас присоединяются

[1] Комсомольская правда, 1980, 8 апреля..

все честные люди: «Сегодня внимание всех людей мира приковано к Афганистану. Народ этой страны добивается мира у себя дома и справедливости. Но это, оказывается, не по душе американскому империализму, который покушается на независимость и политическую самостоятельность Афганистана. Поэтому правительство Афганистана обратилось за помощью к своему дружественному соседу — Советскому Союзу.

Мы прежде всего должны думать о детях, о их будущем. А для этого нужен прочный мир...»[1]

На одной из пресс-конференций Бабрак Кармаль с уверенностью заявил, что недалек тот день, когда в сердце Азии утвердится новый, прогрессивный, свободный, демократический, независимый и процветающий Афганистан с высоким уровнем развития экономики и культуры. В стране будет создано общество, соответствующее самым передовым идеалам социальной справедливости, общество, в котором каждый будет свободен и уверен в своем будущем. А пока народ борется. И на его стороне все прогрессивное человечество, вместе с ним все советские люди. Братская помощь, оказанная Советским Союзом афганскому народу, ярко продемонстрировала приверженность Советского Союза идеалам борьбы за освобождение и прогресс, которую ведут развивающиеся страны.

«В борьбе за претворение в жизнь целей Апрельской революции,— подчеркнул Л. И. Брежнев при встрече с Б. Кармалем в Москве 16 октября 1980 г.,— Афганистану пришлось столкнуться с широкими, тщательно организованными провокациями сил империализма и гегемонизма, рассчитанными на то, чтобы лишить афганский народ его революционных завоеваний.

Это не было случайностью. Необъявленная война против революционного Афганистана стала частью общего наступления против освободительных и миролюбивых сил, развернутого лагерем империалистической реакции. Размах этого наступления сейчас очевиден.

...Тем, кто посягает на Демократическую Республику Афганистан пора уже понять, что их авантюрным планам не суждено сбыться. Революционный процесс в Афганистане необратим. На стороне афганского народа и его правительства — поддержка и солидарность Советского

---

[1] См.: Правда об Афганистане. Документы, факты, свидетельства. М., 1980, с. 164.

Союза и других социалистических государств, прогрессивных сил всего мира»[1].

В ответной речи Бабрак Кармаль ответил: «Мы смело и с полной уверенностью смотрим в будущее, чувствуем правоту своего дела и знаем, что Советский Союз и великая ленинская партия — КПСС, героический советский народ, братские социалистические страны, все прогрессивные государства, силы мира и прогресса — с нами, они помогают нашей партии, нашему народу в этом великом историческом деле»[2].

Глава X.

ПО ПУТИ СОДРУЖЕСТВА И ВЗАИМОПОМОЩИ

Давно на Памире не испытывали такой ужасающей зимы. Выпало много снега, ударили сильные морозы. Скот оказался без подножного корма, под угрозой полного уничтожения. Отрезанные от всего мира горцы афганского Памира с нетерпением ждали весны 1972 г. Что-то она принесет? На территории советского Памиро-Алая была организована срочная помощь пострадавшим районам. Советские люди, испытавшие на себе капризы стихии, пришли на помощь и своим афганским соседям. По линии Красного Креста туда были направлены медикаменты, продовольствие, одежда, ткани. О том, с какой радостью была встречена эта помощь обездоленными горцами, рассказал на встрече с учеными в Академии наук Киргизской ССР в октябре 1980 г. руководитель афганской делегации, бывший в составе по распределению этой помощи, доктор Р. Фархади. Среди тех, кто участвовал в доставке товаров из Советского Союза на Афганский Памир был и представитель киргизского народа Мырзалы Абдрахманов. Французские путешественники Реми и Лаура Дор с членами своей экспедиции были свидетелями того, с какой радостью киргизы Афганского Памира встречали помощь советского друга. Французов даже попросили помочь равномерно распределить несколько тысяч метров ткани из Советского Союза среди более чем

---

[1] Визит Бабрака Кармаля в Советский Союз. 15—24 октября 1980 г. Документы и материалы. М., 1980, с. 18—19.

[2] Там же, с. 33.

600 пострадавших семей киргизских кочевников Малого Памира.

Этот пример характерен для традиционно-дружественных отношений, установившихся еще с 20-х годов между Советской страной и Афганистаном.

С тех пор, как Англия утратила свое политическое влияние на Афганистан и потерпела провал. попытка международного империализма втянуть эту страну в систему агрессивных военных блоков, направленных против Советского Союза, был сделан упор на экономические акции. США и Англия в 50-х годах умышленно усугубили афгано-пакистанский территориальный спор. Пакистан лишил соседа права перевозки через свою территорию афганских товаров, чем поставил страну на грань экономического кризиса. СССР пришел на помощь Афганистану, предоставив право на беспошлинную перевозку афганских экспортных товаров через советскую территорию. Экономическая блокада Афганистана была сорвана, но оставалась угроза военного вторжения извне. Тогда афганское правительство обратилось к СССР с просьбой помочь усилить его обороноспособность. И здесь получило понимание и поддержку.

Надо отметить, что экономические отношения СССР с Афганистаном всегда строились таким образом, чтобы не мешать развитию внутренней промышленности и сельского хозяйства, советские товары не конкурировали с афганской индустрией, а сельхозпродукты ввозились только те, которые удовлетворяли внутренние нужды страны. С 1954 г. СССР полностью удовлетворял объем афганского внешнего импорта, а с 1956 г. стал получателем большинства его экспорта.

На качественно новую ступень поднялись экономические и культурные отношения между нашими странами после Апрельской революции 1978 года в Афганистане. И сейчас Афганистан самоотверженно борется, с помощью Советского Союза строит новую жизнь. Идет борьба с пережитками прошлого, отжившими реакционными институтами, голодом и неграмотностью, с внутренней и внешней международной реакцией. Социально-экономическое положение ДРА тяжелое и сегодня. Страна унаследовала от прошлого общую отсталость, низкий уровень развития экономики, почти поголовную неграмотность. По официальной статистике ООН, Афганистан накануне революции относился к числу беднейших стран мира с национальным доходом около 100 долларов на душу населения, он за-

нимал 127 место в мире по развитию просвещения и 119— по уровню здравоохранения. Все это тормозило развитие, способствовало тому, что киргизы Афганского Памира смогли сохранить свою традиционную общественную структуру (*она представлена четырьмя главными родами:* тейит, кесек, найман и кыпчак, которые подразделяются на ряд подродов), своеобразие быта, культуры. Обособленность привела к ужасающей бедности, отсутствию медицинской помощи и школьного обучения. Тяжелые условия жизни памирских киргизов Афганистана вызывали большую смертность, особенно детскую. Французский тюрколог Реми Дор привел два примера, когда даже в богатых семьях у одной женщины из тринадцати родившихся детей остались в живых только трое, у другой — из троих родившихся не осталось ни одного — все умерли при рождении и в раннем возрасте.

В аилах видишь мало детей,— подметил вовсе не критично настроенный к кочевой «экзотике» памирцев Реми Дор; и это наводит на мысль прежде всего о том, что киргизское население переживает застой, ведущий неизбежно к его старению. Низкая рождаемость представляла серьезную опасность для киргизского населения. И ученый мрачно прогнозировал: недостаточная численность молодежи через несколько лет неизбежно со всей остротой поставит проблему смены поколений. Зарубежные ученые, обследовавшие памирских киргизов Афганистана до революции, все как один отмечали, что основной проблемой там стояла задача физического сохранения населения. Реми Дор заключал: в конечном счете переходный период, открывающийся перед киргизами, будет долгим и трудным. Те глубокие перемены, которые им предстоит претерпеть, чтобы выжить, потребуют от них, несомненно, больших жертв.

Но пророчеству не суждено сбыться. Апрельская революция нарушила «нормальный» ход истории и ускорила социальные и культурные преобразования. Сейчас весь афганский народ, в том числе и киргизы высокогорного Памира, с уверенностью смотрит в будущее. И гости, и официальные делегации, и просто туристы из зарубежных стран воочию могут убедиться, что страна строится, набирается сил и революционный процесс необратим. И повсюду символы советско-афганской нерушимой дружбы: дымящиеся трубы заводов и мощные нити газопроводов, строящиеся гидроэлектростанции и мощные промышленные объекты, сельскохозяйственная техника и рука об руку трудящиеся советские и афганские специалисты.

Помощь Советского Союза направлена на удовлетворение насущных потребностей экономического развития Афганистана. Создаваемые с советским участием в различных отраслях объекты призваны способствовать укреплению независимой национальной экономики, решению целого ряда социально-экономических задач. Среди них — обеспечение пропорционального экономического развития различных районов страны, повышение жизненного уровня населения, подготовка национальных кадров, ликвидация безработицы. Из Советского Союза неизменным потоком идут грузы с промышленными товарами, оборудованием, продовольствием и медикаментами. Идет обмен товарами. К примеру, Афганистан получает хлопчатобумажные и шелковые ткани, электрокабель, станки, машины и другую продукцию, изготавливаемую в республиках Средней Азии, получает в обмен на газ, каракуль, ковровые изделия Афганистана.

Афганистан — страна древнейших зерновых культур, поливного земледелия и овцеводства. В 1924 г. советская научная экспедиция во главе с академиком Н. И. Вавиловым установила, что именно территория Афганистана — один из мировых центров возделывания ряда культурных растений, в частности мягкой пшеницы. Сегодня на пшеницу приходится больше половины стоимости всей продукции растениеводства. По валовому выходу каракуля Афганистан занимает третье место в мире.

Кочевники в поисках сезонных пастбищ преодолевают иногда до полутора тысяч километров в год: летом поднимаются на альпийские луга Гиндукуша и Памира, зимой спускаются в долины и на равнину, заходя на территорию Пакистана. Исторически сложившиеся, приобретшие характер традиций передвижения кочевников создают особые пограничные трудности и внутриполитические сложности для правительства. Пуштунские племена, например, передвигаются через весь Афганистан, не обращая внимания на границы, мигрируют в Пакистан и возвращаются обратно, не задерживаясь подолгу на одном месте. С ними следуют торговцы, под них маскируются террористы и басмачи. Поэтому правительство, не пресекая веками сложившегося кочевого цикла скотоводов, проводит среди племен не репрессивную, а агитационно-массовую работу, ведет переговоры с вождями племен, убеждает их примерами активной прогрессивной политики. И такая работа приносит свои плоды. Например, крупные пуштунские племена добровольно взяли на себя обязатель-

ства по охране обширных приграничных территорий и борьбе с террористами и басмачами. «Обещаем, что ни один бандит с оружием не пройдет по нашей земле»,— заявляют пуштунские вожди. И слово держат.[1]

Памирские киргизы зимой живут небольшими аилами, человек в 30, в полной изоляции от окружающих, полагаясь в борьбе с суровой зимой только на себя. Аилы разбросаны по склонам гор и находятся один от другого на расстоянии двухчасовой езды верхом. Летние же стоянки представляют отдельные юрты, которые ставят на расстоянии однодневной езды от зимнего аила. Смена пастбищ позволяет восстанавливать растительный покров и круглогодично пасти скот в сравнительно замкнутом районе. Лишь богатейшие семейства, использовавшие до недавнего прошлого наемный труд пастухов, позволяли себе длительные перекочевки и не только в пределах Афганистана, но и за границу, в частности, на пакистанскую территорию.

Тяжелым был быт рядового труженика — киргизского кочевника до Апрельской революции. Зимой чуть ли не единственной пищей простого люда служил курут — молочный продукт из высушенной простокваши; его разводили водой, подогревали с добавлением жира и маленьких кусочков хлеба.

Более всего из редкого ассортимента продуктов памирские киргизы ценили скудные запасы чая, сахара и соли. Чай настолько был ценен, что киргизы носили его с собой в небольших вышитых мешочках. Чай обычно пили с солью, так как сахар вообще был настоящей драгоценностью, да и соли было настолько мало, что ее берегли лишь для чая.

Земледелием и ремеслами почти не занимались.

Путешественники в последнее время начали отмечать регресс культуры киргизского населения Памира. В частности, Реми Дор сетует на утрачивание народного фольклора: старики забывают устную литературу или умирают, а молодые не усваивают все эти старинные истории, уже не представляющие для них большого интереса. Совсем как в одном выражении: «Когда умирает старик, это сгорает целая библиотека».

Все коренным образом начало меняться после Апрельской революции. В качестве главной задачи Народно-Де-

---

[1] См.: Проханов А. Племена и пули.— Литературная газета, 1981, 28 января.

мократическая партия Афганистана поставила преодоление экономической отсталости, ускоренное развитие производительных сил. Первые декреты революционного правительства показали, что в стране установлена подлинно народная власть, последовательно осуществляющая глубокие социально-экономические преобразования. В ходе аграрной реформы в Афганистане 300 тыс. безземельных крестьян получили собственные наделы общей площадью 800 тыс. га.

Используя опыт соседних советских народов республик Средней Азии, братскую помощь СССР, народы Афганистана успешно строят новую жизнь. Об этом говорили, в частности, и перед учеными Киргизской Академии наук научные и партийные работники, представители рабочих и крестьян, общественных организаций Афганистана, побывавшие в Киргизии в октябре 1980 года. Руководитель афганской делегации доктор Раван Фархади, участвовавший в оказании помощи памирским киргизам после стихийных бедствий зимы 1971—72 года, другие члены делегации восхищались достижениями Советского Киргизстана, говорили, что опыт советских народов помогает им в социально-экономических и культурных преобразованиях революционного Афганистана. В Киргизской ССР они познакомились, как республика — высокогорная страна — удовлетворяет проблему кормообеспечения скота, как отсталая аграрная окраина за короткий срок превратилась в развитую индустриально-аграрную республику с животноводческими комплексами по выращиванию крупного рогатого скота, овец, птицы, с возделыванием хлопчатника, пшеницы, кукурузы, сахарной свеклы. Киргизия занимает одно из первых мест в союзе по добыче цветных металлов, киргизская сурьма является мировым эталоном чистоты. Развиваются мощные производственно-промышленные комплексы, направленные на широкую ирригацию полей, увеличение добычи олова и других цветных металлов.

Коренные перемены, изменившие до неузнаваемости жизнь советских горцев Памира, произошли в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР, где немало проживает и киргизов. Край за годы Советской власти ускоренными темпами развития прошел путь от патриархально-феодального уклада до развитого социализма. Реорганизованное сельское хозяйство представлено сейчас крупными социалистическими предприятиями — совхозами. Во много раз возросли посевные площади и

увеличилось поголовье скота. Созданы промышленные предприятия, в том числе ряд гидроэлектростанций. Построены современные автомагистрали, положившие конец транспортной изоляции области. Особенно разительны успехи в области культуры, образования, здравоохранения, в повышении роста материального благосостояния трудящихся. В недрах гор выявлены месторождения олова, вольфрама, меди, ртути, сурьмы, свинца и других полезных ископаемых. В последние годы выявлен новый оловорудный Базардарьинский район с богатыми запасами сырья. Знания и опыт, приобретенные на работе в горных районах советских республик Средней Азии, ученые и практики используют на афганской земле, передают афганским специалистам.

Помощь Советского Союза направлена на удовлетворение насущных потребностей экономического развития Афганистана. Создаваемые с советским участием в различных отраслях объекты призваны способствовать укреплению независимой национальной экономики, решению целого ряда социально-экономических задач. Среди них — обеспечение пропорционального экономического развития различных районов страны, повышение жизненного уровня населения, подготовка национальных кадров, ликвидация безработицы и безграмотности. В Кабуле обучается 25 тыс. человек — взрослые люди ликвидируют безграмотность. Но это не простое дело не только потому, что взрослого человека трудно научить читать и писать. Враги революции грозят расправиться с теми, кто учится, и теми, кто учит. Однако пробудившейся тяги к знаниям уже не затормозить. И для лучшей организации своей работы революционная интеллигенция объединяется в союзы.

В 1980 г. в Афганистане впервые за всю его древнюю историю творческая интеллигенция создала свои профессиональные объединения — союзы журналистов, писателей, работников искусств. 4 октября состоялся учредительный съезд писателей ДРА.

Съезд отметил, что одной из задач Союза писателей ДРА является укрепление и развитие братских связей с писателями Советского Союза, с литераторами стран социалистического содружества и прогрессивными писателями всей земли во имя мира, социального прогресса, сохранения и умножения культурного достояния, накопленного человечеством. Между советской делегацией и ведущими афганскими писателями и поэтами состоялся обмен опытом работы творческой интеллигенции в массах. Деле-

гацию советских писателей принял Генеральный секретарь ЦК НДПА Бабрак Кармаль, который рассказал о бескорыстной помощи советского народа во всех областях жизни Демократической Республики Афганистан. Вспомнил, какое огромное влияние на него и его товарищей революционеров-подпольщиков оказали произведения советских писателей М. Горького, Н. Островского. С восхищением назвал книги киргизского писателя Чингиза Айтматова, проникнутые глубоким знанием жизни народа, близкие сердцу афганского читателя стихи Расула Гамзатова.

С помощью Советского Союза в Кабуле началось строительство нового Культурного центра, который явится центром связи не только двух революционных стран, но и центром культурного обмена со многими другими странами мира, а Афганистан уже поддерживает такие связи со 127 странами.

Высшая цель революции — повышение материального благосостояния и культурного уровня масс страны. Партия и государство уделяют большое внимание неуклонному улучшению условий жизни и быта трудящихся. Несмотря на трудности, вызванные необъявленной войной, которую ведут против Афганистана силы империализма и реакции, государство выделяет значительные средства на выполнение социальных программ в области здравоохранения, образования, борьбы с неграмотностью, развитие национальной культуры. Впервые за всю историю Афганистана осенью 1978 г. в технических школах страны начали заниматься 50 девушек. С советской помощью в Кабуле создан политехнический институт, который сами афганцы с признательностью называют кузницей кадров. Своеобразными символами дружбы стали на афганской земле электростанции и оросительные системы, заводы и учебные заведения, дороги и мосты, разработки крупных месторождений газа, меди и других полезных ископаемых.

Северные афганские провинции богаты месторождениями газа. Открытые и разрабатываемые с помощью советских геологов они уже сейчас сказываются на преображении страны. Газ используется как исходное сырье для производства азотных удобрений на заводе близ Мазари-Шарифа, служит для выработки электроэнергии, которая поступает в Мазари-Шариф и Балх, поставляется он и в Советский Союз. Недавно сдано в эксплуатацию еще одно крупное месторождение — Джаркудукское. Комплекс сооружений по добыче и транспортировке газа, его переработке был построен при техническом содействии Советско-

го Союза. При строительстве комплексов были подготовлены тысячи квалифицированных афганских специалистов. Джаркудукский комплекс явился ярким символом пролетарского интернационализма в действии, живым свидетельством братских отношений между народами Афганистана и Советского Союза. Большой вклад в дело строительства комплекса внесли советские специалисты — генеральный директор стройки А. П. Ушаков, руководитель бригады эксплуатационного бурения А. К. Криушкин, слесари-монтажники В. Н. Лисютенко, А. П. Гаврилин, экскаваторщик В. И. Заварихин и другие. Они подготовили и хорошую смену из афганских национальных кадров. Вместе с советскими специалистами, плечом к плечу с ними трудились афганские рабочие и техники, которые идут на смену своим советским друзьям, заменяют их на производстве.

В Кабуле с советской помощью возведен домостроительный комбинат. В строящиеся многоэтажные кооперативные дома вселяются рабочие и государственные служащие. Сейчас жилищная проблема в стране, унаследованная от прошлого,— одна из самых острых, с которой столкнулась народная власть.

С весны 1980 г. работает в северной провинции Балх первая на афганской земле машинно-тракторная станция, созданная при содействии Советского Союза. Ее первый директор Саид Гафур — выпускник Киевского сельскохозяйственного института. Недобитые шайки басмачей-душманов тщетно пытались сорвать успешную работу МТС. Большинству крестьян нововведение понравилось, и они уже не желают возвращаться к старому.

Наряду с поисками и разведкой полезных ископаемых, советские геологи совместно с афганскими коллегами проводили большие гидрогеологические изыскания, составляли гидрогеологические карты отдельных провинций страны.

Водоснабжение — немаловажная проблема даже для столицы страны, где все еще встречаются машкобы-водоносы, которые продают питьевую воду. Так, с помощью советских специалистов и, в частности, из Киргизии, была успешно решена задача водообеспечения некоторых районов Кабула за счет открытия новых месторождений подземных вод.

Советские люди оказывают бескорыстную интернациональную помощь народам Афганистана в строительстве новой жизни. Наши специалисты, в том числе из республик Средней Азии, принимали активное участие в строи-

тельстве оросительного канала в Джелалабаде, именуемого афганцами «Каналом счастья», проведении уникальной автодороги через хребет Саланг, которую афганцы называют «Дорогой дружбы, дорогой мира». Три года начальник производственно-технического отдела «Средаздорстрой» Н. Шкиря в составе группы советских специалистов помогал сооружать автотрассы от Кундуза до Файзабада и от Шибаргана до Меймене — крупнейшие автомагистрали страны. Ученые и специалисты из Средней Азии участвуют в открытии и разработке на территории Афганистана ряда крупных месторождений природного газа и полезных ископаемых; в создании водохозяйственных объектов, предприятий легкой и пищевой промышленности. Два года находились в служебной командировке в Афганистане специалисты-газовики из Киргизии Г. Г. Свечаревский — начальник газокомпрессорной станции Сокулукского района — и Г. Е. Свечаревская — инженер производственного объединения по газификации «Киргизгазификация». Многолетними исследованиями по сейсмологии и сейсмостойкому строительству советских специалистов на реках Балх, Келога и Коча руководил ученый из Таджикской Академии наук К. М. Мирзоев. В соответствии с договором о сотрудничестве между СССР и ДРА советскими и афганскими специалистами были проведены изыскательские работы, которые позволяют построить каскад гидроэлектростанций в сейсмоопасных зонах страны. Важным фактором советско-афганского культурного и научного сотрудничества является помощь, оказываемая Афганистану в организации системы просвещения, в подготовке высококвалифицированных специалистов для развивающейся национальной экономики, науки и культуры.

Недавно в Киргизию возвратился из Демократической Республики Афганистан В. Л. Шпиньков, который там трудился в должности главного инженера по горно-буровым работам группы советских геологов, возглавляемых Е. М. Охримюк.

Геологи из Киргизской ССР имеют давние связи с афганскими соседями, не раз помогали своим коллегам в поисках природных ископаемых. Среди сотен советских специалистов — строителей, энергетиков, геологов, врачей, учителей, ирригаторов, инженеров — имена и представителей Советского Киргизстана: горняка Ж. Абдыкадырова, инженера-гидрогеолога Г. И. Науменко, инженера-механика И. З. Хафизова, химиков А. Н. Бугарева и М. С. Яки-

мова, а также В. П. Колоскова, К. Суликаева, П. И. Кулакова и многих других.[1]

Крепкая рабочая дружба связывает теперь горного инженера из Управления геологии Киргизской ССР Виктора Лукича Шпинькова с шофером геологов из Афганистана Мамадом Ширином, советских специалистов с их афганскими коллегами и учениками.

Установившиеся добрососедские, дружественные отношения народов Советского Союза с народами Демократической Республики Афганистан показывают бескорыстность и взаимовыгодность этой дружбы, основанной на принципах международной пролетарской солидарности. «Шурави» — так называют в Афганистане советских людей, пришедших на помощь стране в трудные для нее дни. «Ташакор дустане азиз»,— говорят они, провожая советских людей. — «Спасибо, дорогие друзья!»

«Советский Союз решительно выступает на стороне афганского народа в его борьбе против агрессивных и подрывных действий врагов революции и реакции, вмешательства извне во внутренние дела ДРА, за политическое урегулирование. Выражаем твердую уверенность в том,— говорится в послании советских руководителей Бабраку Кармалю в связи с 60-летней годовщиной советско-афганского договора о дружбе,— что отношения дружбы и сотрудничества между нашими партиями, государствами и народами будут и впредь неуклонно расширяться и укрепляться на благо народов нашей страны, на благо укрепления всеобщего мира»[2].

За пять лет, прошедшие после Апрельской революции, народы Афганистана, преодолевая тяжелое наследие прошлого, борясь с происками империалистов и контрреволюции, в братском содружестве с народами Советского Союза, других стран социализма уверенно смотрят в будущее. Народ занят мирным созидательным трудом, созданием нового общества — общества всеобщего благополучия. Афганистан можно отнести к тем странам, которые переживают сейчас непростой период национального становления и социального развития. «Однако мы уверены,— говорил в докладе «60 лет СССР» Ю. В. Андропов,— что решительное сопротивление империализму, продуманная стратегия экономического и социально-политического развития, взаимное уважение интересов и прав друг друга позволит на-

---

[1] См.: Советская Киргизия, 1981, 1 мая.
[2] Правда, 1981, 28 февраля.

родам этих стран преодолеть то, что называют трудностями роста. Советские люди желают им больших успехов в укреплении независимости, в борьбе за благосостояние и прогресс»[1].

Пятую годовщину народно-демократической революции трудящиеся Демократической Республики Афганистан встретили размахом движения добровольного труда — «хашаром». Юбилейным подарком трудящихся столице явилась торжественная закладка парка Революции, где впоследствии будет сооружено здание музея Апрельской революции. Трудовым энтузиазмом отметили трудящиеся свой революционный праздник. Саду цвесть и расцветать всем народам свободного Демократического Афганистана по пути социального прогресса. В стране продолжается земельно-водная реформа, идет широкое наступление на неграмотность, успешно выполняются планы экономического строительства. И все это в условиях продолжающейся необъявленной войны, развязанной против ДРА империализмом и силами внутренней реакции. Открытое вмешательство, идеологические диверсии, террористические акты — вот арсенал империализма в попытках удушить революцию и движение к социальному прогрессу.

В начале марта 1983 года радиостанция «Свобода» провела одиозную передачу о положении афганских киргизов, а точнее о беженцах афганской контрреволюции во главе с пресловутым самозваным ханом Памира Рахманкулом. Радиостанция «Свобода», финансируемая конгрессом США, но расположенная в Мюнхене (ФРГ), является известным центром клеветнической пропаганды против Советского Союза, стран социалистического содружества. Неудивительно поэтому, что все контрреволюционное отребье, разгромленное и выброшенное с территории революционного Афганистана, получает поддержку и соболезнование фальшивых голосов так называемой «Свободы». Со слов корреспондента турецкой газеты «Таржимон» радио «Свобода» поведало, что бывший руководитель одной из групп так называемых «борцов за свободу» курбаши Рахманкул, бывший глава басмачей, теперь обосновался в Турции, которую назвал своей второй родиной. Выброшенный революцией из Афганистана, он теперь разъезжает по городам Турции, со слезами на глазах рассказывает об утере былых привилегий, взывая к сочувствию, вымаливает помощь,

---

[1] Андропов Ю. В. Шестьдесят лет СССР. М., 1982, с. 19—20.

в кривом зеркале преподносит судьбу киргизов афганского Памира.

Одиозность, мало того, прямое и сознательное извращение фактов так и дышит от этой антисоветской, антиафганской передачи, с благословения заокеанских хозяев выпущенной в эфир.

Подрывная пропаганда непосредственно на территорию ДРА ведется многочисленными контрреволюционными организациями и группами, созданными ими «исламскими комитетами». К таким организациям относятся исламская партия Афганистана — фактически афганский филиал религиозно-политической реакционной международной организации «Братья-мусульмане», исламское общество Афганистана, фронт национального освобождения Афганистана, объединивший эмигрантские контрреволюционные организации и многие другие.

Лидеры контрреволюции мечтают о восстановлении в стране средневекового религиозного мракобесия, как и Рахманкул стремятся к возвращению утраченных богатств, привилегий и власти. А поскольку несбыточные мечты все более отдаляются, Рахманкул и ему подобные стремятся утащить за собой в бездну падения как можно больше людей.

В свое время Рахманкул говорил Андрэ Сингеру — автору документального фильма «Киргизы Афганистана», созданному английским телевидением «Гранада», что считает себя «человеком, проявляющим отеческую заботу о своем народе, делающим все возможное для сохранения мусульманских традиций», поддерживал «экономическую структуру», укреплявшую его положение как хана, дававшую ему юридическую, политическую и экономическую власть над своим родом [1]. Но когда эта власть у него ускользнула, погибая сам, он готов в бездну пропасти увлечь и послушавшихся его сородичей, слепо поверивших хану и позволивших увлечь себя за границу. Он все дальше и дальше уводит их от родной земли, а на чужбине делает пособниками американского империализма в борьбе против своего народа, клевете на Советскую отчизну.

В зарубежной печати все чаще появляются сообщения о переговорах главарей отдельных племен о возможности переселения части афганских беженцев, привычных к высокогорью, в пределы американской Аляски.

---

[1] Singer A. Problems of pastoralisminin the Afghan Pamirs — «Asian Affairs», v, 63, port II, June, 1976, p. 157

Частым гостем США, Англии и других западногерманских стран являются главари басмаческих организаций. 21 марта 1983 г. состоялся провокационный шабаш главарей басмаческого отребья у Белого дома. К сборищу бандитов, организованному по инициативе вашингтонской администрации и конгресса США по случаю так называемого «дня Афганистана», обратился сам Рейган, лицемерно назвавший кровавых головорезов «мужественными борцами за свободу». Президент США заявил о намерении своей администрации расширить масштабы необъявленной войны против Афганистана, тем самым признав факт открытого вмешательства США во внутренние дела суверенного государства — ДРА. В последние годы объем поставок американских вооружений террористическим бандам увеличился в 2—3 раза. Вашингтон уже израсходовал на нужды бандитов 218 миллионов долларов, а в текущем году ассигновал еще 105 миллионов долларов. Но это — лишь надводная часть айсберга «помощи». По сведениям иностранных агентов печати, общая сумма, израсходованная на борьбу с афганской революцией США и их партнерами, оценивается в миллиард долларов.

В США при непосредственом участии ЦРУ действует «комитет солидарности» по координации деятельности афганских контрреволюционеров в различных странах мира и оказанию военной и материальной помощи мятежникам. Координация этой подрывной работы охватывает организации государств — членов империалистических военно-политических блоков, эти же государства обеспечивают и материальную базу подрывной пропаганды против ДРА, представляя контрреволюции свои средства массовой информации — как это и случилось с радиостанцией «Свобода». В выработке программ, форм и методов подрывной пропаганды против революционного Афганистана принимают участие всемирная исламская лига, исследовательский институт по делам мусульманских меньшинств в Джидде, исламский центр «Аль-Азхар» в Каире и другие международные исламские организации. В подрывную антиафганскую пропагандистскую кампанию подключены также такие махровые антисоветские организации, как Народно-Трудовой Союз (НТС), организация украинских националистов (ОУН) и др.

Летом 1981 г., отвечая требованиям рейгановской администрации, управление по делам международных связей США приступило к осуществлению нашумевшего проекта под кодовым названием «Истина». Его задача — сосредо-

точение и координация усилий для распространения через заграничные отделения управления решительного и эффективного «противодействия советской пропаганде». В основе проекта, во-первых,— энергичная информационная кампания за пределами США, «чтобы создать правильное представление о США и их внешней политике»; во-вторых, усиление антисоветской кампании, в ходе которой «будет также подчеркиваться советская угроза для стабильности и безопасности различных районов в мире» [1]. И в рамках этого проекта, который вернее назвать «антиистина», развернулась сеть радиопередач, направленных против прогрессивных режимов, против революционных правительств, против Советского Союза. В их основе — политика пропагандистского террора, дезинформации, беззастенчивой лжи. Одной из таких передач и было клеветническое вещание радио «Свободы», полностью как по нотам, реализующего кодовый проект.

Но тщетны попытки пропагандистской машины США опорочить курс братского содружества советского народа с народами Афганистана. Как сказано в послании Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР Народно-Демократической партии и правительству Афганистана по случаю пятилетней годовщины Апрельской революции — «...афганский народ, несмотря на трудности, уверенно ведет справедливую борьбу с агрессивными силами империализма и реакции за реализацию высоких целей и задач Апрельской революции. Советские люди выражают полную поддержку самоотверженной борьбе дружественного соседнего афганского народа против продолжающегося империалистического вмешательства во внутренние дела ДРА».

В ответном послании Бабрака Кармаля и Султана Али Кештманда сказано: «Несмотря на трудности и сложности, вызываемые в первую очередь продолжающимся беспрецедентным вмешательством во внутренние дела ДРА со стороны США и других реакционных сил, мы с оптимизмом и уверенностью смотрим в будущее» [2].

26 апреля 1983 г. в Кабуле состоялось торжественное собрание, посвященное 5-й годовщине Апрельской революции. Выступая перед собравшимися, Генеральный секретарь ЦК НДПА, Председатель Революционного Совета ДРА Бабрак Кармаль отметил, что сейчас наступил период решительного разгрома контрреволюции и полной ликвида-

[1] См. газ. «Известия», 1981, 29 ноября.
[2] «Правда», 1983, 27 апреля.

ции бандитизма. Революция непобедима и имеет необратимый характер. Апрельская национально-демократическая революция, подчеркнул Бабрак Кармаль, победила потому, что она отражала чаяния трудящихся страны, стремление афганского народа к переустройству общества. Опыт афганской революции подтвердил необходимость сочетания борьбы против контрреволюции, за обеспечение мирных условий жизни с решением насущных экономических задач. «Мы,— сказал Б. Кармаль,— будем и впредь твердо идти по пути обеспечения прав всех народностей и племен нашей страны на национальное и культурное развитие»[1].

Выступивший глава советской партийно-правительственной делегации кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов также подчеркнул: «Борьба с контрреволюцией вступает в решающую стадию. Мы уверены, что недалек тот день, когда афганский народ окончательно покончит с ней и получит наконец, возможность полностью заняться мирным созидательным трудом, решением социально-экономических задач»[2]. Советский Союз оказывал и оказывает в этом всестороннюю помощь Демократической Республике Афганистан. Вместе с другими союзными республиками и Советский Киргизстан вносит свой вклад в подъем сельского хозяйства и промышленности Афганистана, в подготовку его научных и технических кадров.

Участники торжественного собрания приняли обращение к народу Афганистана. ЦК НДПА, Революционный совет, руководство Национального отечественного фронта ДРА обратились ко всем афганским рабочим, крестьянам, молодежи, ремесленникам, торговцам, религиозным деятелям, старейшинам племен с призывом умножить усилия в борьбе за мир, спокойствие, дружбу и согласие на родной земле. Все население страны призывалось еще теснее сплотиться вокруг НДПА и Революционного правительства, влиться в ряды Национального отечественного фронта, словом и делом защищать завоевания Апрельской революции.

На следующий день на центральной площади афганской столицы состоялись военный парад и праздничная демонстрация в честь 5-й годовщины Апрельской революции. В демонстрации приняли участие более 200 тысяч трудящихся афганской столицы, а также прибывшие на торжества в Кабул из различных провинций рабочие, крестьяне, пред-

[1] «Правда», 1983, 28 апреля.
[2] Там же.

ставители племен и духовенства. Участники парада и демонстрации решительно осудили вмешательство американского империализма во внутренние дела революционного Афганистана, выразили глубокую благодарность Советскому Союзу за бескорыстную интернациональную помощь, оказываемую афганскому народу в отражении агрессии извне, в деле строительства новой жизни.

Все советские люди, трудящиеся Советского Киргизстана с искренней симпатией относятся к братскому афганскому народу, настойчиво решающему под руководством НДПА нелегкие задачи национально-демократического этапа революции. Как отметил Генеральный секретарь ЦК КПСС тов Ю. В. Андропов: «Мы решительно и неизменно на стороне тех, кто еще и сегодня вынужден бороться за свободу, независимость, само существование своих народов, кто вынужден отражать натиск агрессора или подвергаться угрозе агрессии. И эта наша позиция неотделима от той борьбы за прочный мир на земле, которую последовательно и неустанно ведет Советский Союз» [1].

---

[1] Андропов Ю. В. Шестьдесят лет СССР. М., 1982, с. 20.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I. История и современность 3
Глава II. Древние кочевники 13
Глава III. Заселение Памира киргизами 44
Глава IV. На стратегическом перекрестке 64
Глава V. Исторический выбор — вместе с Россией 67
Глава VI. Традиционное хозяйство, быт и культура 74
Глава VII. Экспедиция за книгой 89
Глава VIII. У истоков добрососедства 99
Глава IX. Крах Рахманкул-хана 111
Глава X. По пути содружества и взаимопомощи 125

Эгемберди Джумагулович Маанаев
Владимир Михайлович Плоских

НА «КРЫШЕ МИРА»

(Исторические очерки
о памиро-алайских киргизах)

Редактор *Н. А. Халфин.* Худ. редактор *С. Усенов.*
Техн. редактор *С. Нурмиева,* Корректоры *П. А. Бобкова,*
Л. М. Михалькова.

ИБ № 2522

Сдано в набор 10. 02. 83. Подписано к печати 28. 09. 83. Д—02652. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. «Литературная» гарнитура. Печать высокая. 4,5 физич. печатных листа. 7,56 условн. печатных листа. 8,3 учетно-издательских листа. 7,98 усл. кр.-отт. Тираж 9000. Заказ № 47. Цена 25 коп.

Издательство «Мектеп».
720361, ГСП, Фрунзе, ул. Советская, 170.

Киргизполиграфкомбинат им. 50-летия Киргизской ССР Госкомиздата Киргизской ССР.
720461, ГСП, Фрунзе, 5, ул. Жигулевская, 102.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

к заказу № 47

Страница	Строка		Напечатано	Следует читать
	сверху	снизу		
5	1	—	тысячелетие	полтысячелетие
6	11	—	отчет	отсчет
96	—	10	1949	1494
121	9	—	прогресс	процесс

25 коп.